

КАПИЩЕ СВАРОГА

Человек из Высокого Замка
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип К. Дик. Человек из Высокого Замка
Об авторе
Человек из Высокого Замка
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
Послесловие

Аннотация

Белое или черное — европейская модель; белое станет черным — китайская модель; белое и есть черное — индийская модель. Эту книгу нужно обязательно прочитать, как «Основание» А. Азимова. В ней рассказывается о том, какая ситуация сложилась в мире после победы Германии и Японии во второй мировой войне. Шесть сюжетных линий пересекаются между собой, образуя увлекательный клубок событий. Хотя в основе «Человека в высоком замке» лежит символика «Книги перемен», хотя он насыщен духом, философией и терминологией Востока, это очень американский роман, где учение о Дао, образы «И-цзина» и «Бардо Тходол» вплетены в жизнь Америки шестидесятых, в ее прошлое и настоящее (пусть альтернативное).

Филип К. Дик
Человек из Высокого Замка

The Man in the Hight Castle

by Philip K. Dick

1962

ББК 84.7США-4
Д45
Филип К. Дик *Убик. Человек из Высокого Замка*
Харьков: КИЦ «Сварог», 1992 г. // Серия: Капище Сварога. Том 462
ISBN 5-11-001003-X

© Philip Kindred Dick, 1962
© Перевод с английского Николая Мухортова, 1992 год.

Редактор Наталья Парфенова.
«Об авторе» Сергей Зайков
Послесловие: «История в сослагательном наклонении» (статья) Сергей Зайков, Николай Мухортов.
Иллюстрация на обложке и внутренние иллюстрации И. Сенькина.

Об авторе

Филип Киндред Дик, американский писатель-фантаст, родился в Чикаго в 1928 году. Большую часть жизни провел в Калифорнии. Студенческие годы длились недолго. Учебу в университете так и не удалось завершить.

Какое-то время Дик работал в магазине продавцом отдела грампластинок, затем — в рекламном агентстве. Помимо литературных интересов серьезным увлечением стала музыка. Одно время он даже работал ведущим цикла передач, посвященных классической музыке, в одной из радиокомпаний.

Первый фантастический рассказ Филипа Дика — «Beyond Lies the Wub» опубликован в журнале «Planet Stories» в июле 1952 года. Всего перу Дика принадлежит более 100 рассказов, причем большинство из них написаны в первые пять лет его литературного пути. В 1955 году увидел свет первый роман «Solar Lottery» («Солнечная лотерея»).

Творчество Филипа Дика закономерно вызывает острую полемику, полярные Суждения критиков и читателей. Но в одном мнения схо-

дятся: это — Мастер. Признание пришло к нему из Европы, где всегда большое внимание в литературной среде общепринято уделять стилистике, разумеется, не в ущерб перипетиям сюжета. Хотя писатель и обращается к традиционным темам фантастики — космические путешествия и войны, кибернетический мир и возможный Апокалипсис, — его видение грядущих катаклизмов существенно отличается от мифотворчества американских фантастов. Там, где большинство из них ограничивается описанием придуманного мира, Филип Дик вторгается в исследование причин и сущности созданной им реальности. Отсюда — и несколько утяжеленный стиль, неоправданные на первый взгляд длинноты, кажущаяся растянутость действия. Произведения писателя воссоздают многовариантность бытия. Наш мир для него — лишь один из возможных: не самый плохой, но и далеко не лучший. Необычайно широкий спектр интересов Дика, острая потребность самому прочувствовать и осмыслить иную жизнь, по-видимому, и явились одной из причин того, что ряд произведений создавался в период жизни писателя, когда он находился в большой зависимости от наркотиков, в частности ЛСД. Один из таких романов — «A Scanner Darkly»

(в русском переводе «Помутнение») опубликован в 1989 году в журнале «Юность».

Сложность восприятия произведений Филипа Дика обусловила и скудость наград, которых писатель удостоился на родине. И только однажды — в 1962 году — престижной премией «Хьюго» отмечен роман «The Man in the High Castle» («Человек из Высокого Замка»). В 1974 году ему вручают мемориальную премию Кэмпбелла за роман «„Flow, my Tears“, — the Policeman Said» («„Лейтесь, слезы“, — сказал полицейский»). Широкую известность получила экранизация романа «Снятся ли андроидам электрические овцы?» (название видеоверсии «Blade Runner») режиссера Ридли Скотта с Харрисом Фордом и Рутгером Хауэром в главных ролях.

Достаточно высоко оценивает творчество Филипа Дика известный польский писатель-фантаст Станислав Лем. В свою знаменитую серию «Советует Станислав Лем» он включил роман «Убик», а его автора охарактеризовал как «единственного заслуживающего внимания писателя-фантаста Америки».

Не только постоянный творческий поиск, но и сложная личная судьба заставили Филипа Дика провести последние годы жизни в одиночестве,

которого он боялся. Обобщенные философские искания утвердили его в мысли о неизбежности обособленности творческой личности в этом мире, а ознакомление с творчеством писателя позволяет заключить, что данный тезис распространяется и на все созданные им реальности.

В 1982 году Филипа Дика не стало. В архиве писателя осталось несколько неопубликованных произведений.

Истинным признанием заслуг писателя явилось учреждение мемориальной премии Филипа Дика, ежегодно присуждаемой за лучшее произведение фантастики.

Как это ни странно, но первый переведенный на русский язык рассказ увидел свет на страницах журнала «Огонек» в 1958 году, то есть всего через три года после его опубликования в США. А затем — более чем на двадцать лет наши издатели забыли о писателе.

И сейчас мы начинаем знакомить читателя с мирами Филипа Дика.

Человек из Высокого Замка

1

Всю неделю Чилдан с усиливающимся беспокойством просматривал почту, но ценная посылка из Скалистых гор так и не поступила. А когда рано утром в пятницу он открыл магазин и увидел на полу под дверью одни письма, понял, что предстоит стычка с разгневанным клиентом.

Налив себе чаю из настенного распределителя, он взял щетку и принялся за уборку. И очень скоро магазин «Американские Художественные Ремесла» преобразился: все сияло чистотой, поблескивала никелем касса, полная разменной монеты, благоухали свежие цветы в вазе, нежно обволакивала тихая музыка. А по улице, в свои бюро, расположенные на Монтгомери-стрит, спешили бизнесмены. Вдали проехал фуникулер. Чилдан с удовольствием проводил его взглядом. Женщины в длинных цветастых одеяниях из шелка… они тоже получили свою порцию внимания.

Зазвонил телефон. Он повернулся и снял трубку.

— Слушаю. — Услышав знакомый голос, Чилдан ощутил, как сжалось сердце.

— Это господин Тагоми. Я хотел бы знать, поступил ли уже тот рекрутский плакат времен гражданской войны? Наверное, вы помните, я должен был его получить еще на прошлой неделе? — Требовательный, местами резкий тон вот-вот накроет вежливость. — Мы, кажется, так договаривались при оформлении задатка? Это же подарок, разве не понятно? Я ведь предупреждал вас. Речь идет о важном клиенте. — Чувствовалось, абонент с трудом сдерживается, чтобы не проявить своего раздражения.

— Уважаемый господин Тагоми, — начал Чилдан, — за собственный счет я осуществил повсеместный поиск посылки, которая должна поступить, как вам известно, из-за границы…

— Она еще не поступила?

— Нет, уважаемый господин Тагоми.

Молчание.

— Больше ждать я не могу, — сказал наконец господин Тагоми.

— Понятно. — Чилдан уныло смотрел сквозь стекло витрины на теплый погожий день и конторы Сан-Франциско.

— Что вы порекомендуете взамен, господин Чилден? — Тагоми намеренно сделал ошибку, произнося его имя, и от такого оскорбления

Чилдан покраснел до корней волос. Позор для фирмы, страшное унижение! В Роберте Чилдане проснулось честолюбие. И тут же нахлынули дурные предчувствия и опасения. Перехватило горло. Он что-то забормотал, рука будто приросла к телефонной трубке. И, хотя по-прежнему в воздухе носился аромат цветов и звучала тихая музыка, он почувствовал себя тонущим в безбрежном море.

— Возможно…маслобойка? Или серебряный шейкер 1900 года? — Мысли его путались. Стоило лишь забыть, стоило только качать обманываться… Ему тридцать восемь, и он хорошо помнил довоенную эпоху, иные времена. Франклин Рузвельт, Международная ярмарка, старый добрый мир.

— Могу ли я доставить вам кое-какие интересные образцы? — едва выговаривая слова, произнес Чилдан.

Условились на два часа. Вешая трубку, он подумал, что магазин следует на время закрыть. Вряд ли есть какой-то иной выход из создавшегося положения. Придется похлопотать для клиента, на котором по сути держится все дело.

Чилдан все еще пытался размять одеревеневшие от пережитого только что напряжения ноги,

когда услышал, что кто-то вошел в магазин. Молодые мужчина и женщина, респектабельные, прекрасно одетые. Одним словом — идеальные клиенты. Он взял себя в руки и бодро, с широкой профессиональной улыбкой пошел им навстречу. Наклонившись, посетители рассматривали вещицы в витрине. Внимание их задержалось на прелестной маленькой пепельничке. «Молодожены, — решил Чилдан. — Прямо из города Эфирных Туманов, нового местообитания избранных на холме над Бельмонт-авеню».

— Хелло, — произнес он и сразу же почувствовал себя лучше.

Посетители улыбались: ни тени превосходства, сама любезность. Чилдаи про себя отметил: его собрание, несомненно, лучшее в своем роде на всем Побережье, привело их в изумление, чему он очень порадовался.

— Поистине великолепно, — проговорил молодой человек.

Чилдан благодарно поклонился.

В их взглядах, кроме чисто человеческой симпатии, сквозило восхищение произведениями искусства, отражались общие вкусы и привязанности. Они словно благодарили Чилдана за предоставленную возможность любоваться, вы-

бирать, прикасаться к вещицам, пусть даже без намерения купить. «Да, — подумал Чилдан, — они прекрасно понимают, что этот магазин — не какая-нибудь там туристская барахолка, где торгуют коробочками из секвойи с надписью «Резервация Мура» или «ТША», юмористическими плакатиками, колечками и открытками с изображением полуголых девиц или видиками моста над заливом… А эти удивительные, совершенно не характерные для японки глаза — огромные, глубокие. Он запросто мог бы влюбиться в такую женщину. Какой бы трагичной стала тогда его жизнь, но теперь все может обернуться по-другому. Модная прическа, маникюр, длинные золотые сережки ручной работы в маленьких ушках…

— Ваши сережки, госпожа, — вымолвил он, — возможно, вы приобрели их здесь?

— Нет, — ответила она. — У нас дома.

Чилдан кивнул. Естественно, его магазин не мог предложить клиентам предметов такого антиквариата.

— Господа надолго к нам? — спросил он и уточнил: — В наш Сан-Франциско?

— Мы приехали на неопределенное время, — ответил мужчина и, немного подумав, добавил: — Я работаю в Комиссии по Исследованию жиз-

ненного уровня отсталых районов.

«Конечно же, он не военный, — размышлял Чилдан, — и явно не из тех вечно жующих резинку простаков с типично крестьянскими лицами, заполонивших рестораны и порнокино, тиры и дешевые ночные клубы, украшенные снимками скалящих зубы и поддерживающих свои груди потрепанных блондинок. Безусловно, и не из тех, кто толчется на улицах отвратительного, кишащего беспорядочно снующей толпой района трущоб, занимающего большую половину равнинной части города… Эти уродливые постройки из жести и досок вылезли из руин сразу же, как только прекратились бомбежки. Несомненно, этот человек принадлежит к элите. Культурный и даже более образованный, чем сам господин Тагоми, — как известно, занимающий высокий пост в солиднейшей организации, каковой является Тихоокеанская Торговая Миссия. Тагоми — человек пожилой, с устоявшимися со времен военного правления взглядами».

— Не интересуются ли господа произведениями местного декоративного искусства, ну, хотя бы в качестве сувенира, — вежливо осведомился Чилдан. — Или, возможно, желают приобрести что-либо из предметов отделки и украшений для

нового дома?

Если бы второе… Сердце торговца учащенно забилось.

— Вы угадали, — ответила женщина. — Как раз сейчас мы занимаемся отделкой квартиры. Но у нас возникли некоторые сомнения и мы нуждаемся в совете. Не могли бы вы помочь нам?

— О да, весьма охотно! Почему бы нам не отправиться к господам, прихватив с собой несколько чемоданов. Я бы смог кое-что предложить прямо на месте. Это моя специальность. — Он потупил взор, дабы скрыть свои чувства. Речь может идти о тысячах! О тысячах долларов! — На днях, например, ожидаю столик из Новой Англии — кленовый, изготовленный без единого гвоздя. А еще — зеркала эпохи Наполеона. Могу также предложить образчики и местного промысла: ковры из козьей шерсти, выполненные с применением растительных красителей.

— Я отдаю предпочтение предметам городского искусства, — сказал мужчина.

— О да, разумеется, — поторопился согласиться Чилдан. — Прошу вас выслушать меня. Уникальное в своем роде панно из Почтового офиса, изображающее Горация Грили, уверен, заинтересует вас. Оригинал времен первого президентства

Рузвельта. Настоящий раритет!

— Ах! — воскликнул японец, и его темные глаза заблестели.

— …А еще радиола 1920 года, переделанная под бар.

— О!

— И, прошу обратить внимание, имеется фото Джин Харлоу с автографом.

У японца глаза едва не вылезли на лоб.

— Господа хотели бы уточнить дату встречи? — осведомился Чилдан, пользуясь подходящим, на его взгляд, психологическим моментом. Из внутреннего кармана пиджака он быстро извлек записную книжку и авторучку:

— Я запишу адрес господ.

Затем, когда посетители покинули магазин, Чилдан выпрямился, заложив руки за спину, и выглянул на улицу. Какая радость! Если бы все дни походилина этот: хорошее дельце — выгодное для него и для фирмы, но главное — прекрасный повод для дружеской встречи с молодой японской парой, увидевшей в нем человека, а не просто янки или, в лучшем случае, торговца произведениями искусства. Да, это входящее в жизнь молодое поколение, которое не помнит ни довоенных лет, ни самой войны, — поистине надежда

мира. Различия во взглядах и положении для них не имеют ровно никакого значения.

«Когда-нибудь все это кончится, — подумал Чилдан. — Исчезнет само понятие положения. Не будет управляющих и управляемых, останутся просто люди».

Несмотря на все, казалось бы, положительные результаты общения с клиентами, он дрожал от волнения, представляя, как постучится к ним. Еще раз он просмотрел свои записи. Чета Касура. Они примут его и, возможно, даже предложат остаться к чаю. Сможет ли он вести себя подобающим образом? Поступит ли он в надлежащий момент так, как следует поступить?.. Или они снова поведут себя как звери, оскорбленные неким ужасным faux pas?

«Женщину зовут Бетти. Какое привлекательное лицо, — думал он. — Доброжелательный, полный понимания взгляд… Не случайно же во время своего краткого визита в магазин она уловила перепады его настроения: все его надежды и огорчения.

Надежды… Внезапно голова пошла кругом. Безумные, быть может, даже самоубийственные грезы. Но ходили же слухи о связях японцев с янки, хотя, как правило, речь шла о японцах и

белых женщинах. А она к тому же и замужем».

Его испугала сама мысль об этом. Он прогнал видения и энергично принялся разбирать утреннюю почту. И обратил внимание на дрожащие руки. Но при одной только мысли о предстоящей в два часа встрече с господином Тагоми дрожь унялась и решимость вернулась к нему. «Что-то же должен я предпринять, — подумалось ему. — Но что? И каким образом? Телефон… Мобилизовать все имеющиеся каналы и возможности, все свои способности торговца. Выцарапать где-нибудь «Форд» 1929 года, полностью отреставрированный, отлично хромированный и заново покрашенный. Солидный куш, и благодарность клиента обеспечена. Или, скажем, прямо с завода — трехмоторный почтовый самолет, найденный в старом амбаре, в какой-нибудь

Алабаме. Раздобыть засушенную голову Буффало Билла с импозантной серебряной гривой — американскую историческую ценность. Прославиться в кругах известнейших ценителей искусства во всем Тихоокеанском бассейне, включая Острова.

В дальнейших поисках вдохновения Чилдан закурил папиросу с марихуаной известной марки «Страна Улыбок».

Фрэнк Фринк валялся на кровати в своем жилище на Хэйес-стрит, размышляя, как ему лучше встать. Пробивающиеся сквозь жалюзи косые лучи солнца освещали сброшенную на пол одежду. Очки лежали там же. Занятно будет, если он их растопчет. «А не попробовать ли добраться до ванной ползком?» Голова болела, но, как ни странно, разбитым он себя не чувствовал. Который час? Часы на комоде. Полдвенадцатого! Боже ты мой!

«Вытурят меня с работы», — подумал Фринк, не делая, однако, попытки подняться. Вчера на фабрике он совершил преступление. Неподобающе отвечал господину Уиндэму-Матсону — обладателю вогнутой физиономии с носом Сократа, перстня с бриллиантом и золотой застежки-молнии на брюках. Иными словами — власти. Трону. Мысли Фринка запутывались все больше.

«Так, — размышлял он. — Хороша перспективка. Попаду в черный список».

Теперь ему придется предстать перед Квалификационной комиссией. Поскольку он никогда не мог определить характер отношений, связывавших Уиндэма-Матсона с пиноками, — белым марионеточным правительством в Сакраменто, — ему так и не удалось по достоинству оценить

и влияния своей бывшей фирмы на подлинных правителей, японцев. Комиссия подчинялась пинокам. По распоряжению Уиндэма-Матсона он предстанет перед четырьмя или пятью престарелыми пухлыми белыми рожами. Если ему откажут в лицензии, придется искать место в одном из филиалов Экспортно-Импортной Торговой Миссии со штаб-квартирой в Токио и бюро, расположенными на всей территории Калифорнии, в Орегоне, Вашингтоне, а также в той части Невады, которая вошла в Тихоокеанские Штаты Америки. Однако же, если ему не повезет и там…

Планы роем носились в его голове, а он по-прежнему валялся в постели, уставившись в потолок, на старуюлампу Он мог бы, например, перейти границу, в Штаты Скалистых Гор, однако и там имелись свои каналы связи с Тихоокеанскими Штатами и его могли выдать. А Юг? Он вздрогнул при одной лишь мысли об этом. Брр!.. Только не это. Конечно, как у белого, возможностей у него там больше, чем здесь, в ТША. Настолько больше, что сверх того и не захочешь.

И, что хуже всего, Юг обладал достаточно отлаженной, сложной хозяйственной, идеологической и еще, Бог знает, какой сетью связей с Рейхом, а Фрэнк Фринк… был евреем.

Настоящее его имя — Фрэнк Финк. Он родился на Восточном Побережье, в Нью-Йорке и в 1941 году был призван в американскую армию. Это случилось после падения России. Когда япошки захватили Гавайи, его занесло на Западное Побережье. После войны он оказался в японской зоне и провел тут пятнадцать послевоенных лет.

В 1947 году, в День Капитуляции, на грани сумасшествия, переполненный ненавистью к японцам, он поклялся отомстить им. Закопал в подвале аккуратно замотанное и старательно смазанное оружие, предполагая извлечь его в тот день и час, когда он и его боевые друзья восстанут. Время оказалось, однако, лучшим лекарем, хотя на это он, собственно, и не рассчитывал. Теперь, размышляя о планах большой кровавой бани, о чистке среди пиноков и их хозяев, он чувствовал себя так, будто читал старый, пожелтевший от времени гимназический дневник и возвращался в свои юношеские годы и мечты. Фрэнк Фринк, по прозвищу Золотая Рыбка, будет палеонтологом и клянется связать свою жизнь с Нормой Праут — самой красивой девушкой их класса. И, конечно же, он обещал ей Жениться. Как все это дьявольски далеко, как песенки Фреда Аллена или фильмы с участием Филдса. С 1947 года он

встретился примерно с полумиллионом японцев, но ни разу жажда убивать не материализовалась. Наверное, все это попросту утратило значение, по крайней мере, прежнее.

Хотя нет, существовал некий господин Омуро, откупивший целый квартал жилых домов в центре Сан-Франциско. Какое-то время Фрэнк обитал в одном из таких домов. «Вот уж негодяй», — вспомнил Фрэнк. Акула. Никогда не тратился на ремонт, урезал жилплощадь, повышал размер квартплаты… В кризисные пятидесятые Омуро надувал бедняков и особенно близкихк нищете бывших солдат. Однако именно японская Торговая Миссия свернула ему шею за спекуляции. И теперь подобное нарушение предписаний сурового, непреклонного, но справедливого японского Гражданского кодекса попросту немыслимо. Это свидетельствовало о неподкупности японской оккупационной администрации, — той, что пришла к власти после падения Военного Кабинета.

Размышляя о стоически непреклонной и морально безупречной миссии торговцев, Фрэнк почувствовал себя уверенней. Даже от Уиндэма-Матссна они отмахнутся, как от надоедливой мухи, несмотря на то что он возглавляет корпорацию «У-М». «Похоже, они и впрямь верят в этот

Тихоокеанский Союз Благоденствия, — подумал он. — Странно… Тогда это выглядело как сплошная липа. Пропаганда. Но теперь…»

Наконец он слез с кровати и нетвердой походкой направился в ванную. Умываясь и бреясь, он слушал двенадцатичасовой выпуск новостей.

«…не следует недооценивать этого достижения, — услышал он, когда на минуту прикрутил кран с горячей водой, — для беспокойства нет никаких оснований».

«А мы и не беспокоились», — подумал Фрэнк с досадой. Он знал, о каком достижении шла речь. Довольно забавно представить флегматичных, невозмутимых немцев, суетящихся среди красных песков Марса, на которые до них не ступала нога человека. Намыливая щеки, Фрэнк начал мурлыкать под нос что-то сатирически-пародийное:

«Gott, Herr Kreisleiter. Ist dies vielleicht der Ort wo man das Konzentrationslager bilden kann? Das Wetter ist so schön. Heis, aber doch schön…»[1]

А между тем диктор продолжал:

---

[1] Notes: 1

Боже мой, герр крайсляйтер. Местечко-то здесь высший класс для концлагеря. Да и погода хоть куда. Жарковато, правда, но так чудесно… *(нем.).*

(Здесь и далее примечания переводчика.)

«Тихоокеанское Сообщество должно тщательно взвесить, есть ли в нашем стремлении к достижению разумного баланса, взаимных обязательств, ответственности и взаимовыгоды… («типичный бюрократический жаргон», — отметил по ходу Фрэнк) мы не выпускаем из виду то будущее пространство, в котором будут решаться судьбы всех людей, — будь то арийцы, японцы или негроиды…» — и так далее и так далее.

Одеваясь, он продолжал забавляться: «Погода… schön весьма… schön… Вот только нечем дышать…»

Факт оставался фактом: Тихоокеанское Сообщество ровным счетом ничего не предпринимало для колонизации планет. Вместо этого разворачивало бурную деятельность, — а точнее, погрязало в Южной Америке.

В то время как немцы энергично развертывали автоматизированное строительство в Космосе, японцы жгли джунгли в самом сердце Бразилии, где возводили семиэтажные глинобитные жилые блоки для недавних охотников за черепами. И к тому времени, когда первый японский космический корабль оторвется от Земли, у немцев в кулаке будет уже вся Солнечная система. В старые экзотические времена немцы упустили

момент, когда другие европейские державы строили собственные колониальные империи. «На этот раз, — продолжал рассуждать Фринк, — они не станут плестись в хвосте — урок пошел им на пользу». Он вспомнил Африку и проводимые нацистами эксперименты на этом континенте. На какой-то миг он оцепенел в раздумье, но в конце концов мысли его вернулись к собственным проблемам. Эта гигантская испепеленная пустыня… Радио продолжало разглагольствовать: «…мы должны, однако, со всей ответственностью помнить о том значении, которое Сообщество придает основным материальным потребностям людей, независимо от их социального положения, а также духовным запросам, которые должны быть…»

Фринк выключил радио. Когда немного успокоился, включил снова. «Господи, Боже мой, Африка, — думал он. — Духи уничтоженных племен, стертых с лица земли во имя того, чтобы освободить место для… кого? Этого никто не знал. Возможно, не имели понятия и сами Великие планировщики в Берлине. Отряды роботов день и ночь трудятся, строят. Строят? Скорее, разрушают. Людоеды с палеонтологической выставки, занятые выделыванием посуды из черепа вра-

га; все семейство терпеливо выковыривает его содержимое, чтобы в первую очередь сожрать сырой мозг. А потом — орудия из человеческих костей. Вот это экономия! Не только поедать людей, которые вам не нравятся, но и пить-есть из их черепов. Это ведь первые технократы. Доисторический человек в белом стерильном халате из лаборатории Берлинского университета, усердно работающий над проблемой использования черепов, кожи, волос, жира

других людей. Ja, Herr Doktor? Новое применение пальца ноги. Видите ли, можно использовать сустав в зажигалке. Если, конечно, Herr Krupp наладит их выпуск в достаточном количестве…»

Его поразил этот образ: оживший гигантский доисторический каннибал, который вновь завладел и правит миром. Миллион лет удалялись мы от него, но он возвратился. И не в качестве соперника, а как властелин.

«…остается лишь сожалеть…», — вещало радио голосом маленькой японочки из Токио.

«О Боже, — думал Фринк, — а ведь мы называли их обезьянами — этих цивилизованных кривоногих креветок, для которых мысль о газовых камерах — столь же эфемерна, как, скажем, идея утопить всех женщин мира».

«…как часто в прошлом нас удручала поразительная неисчерпаемость фантастических усилий человеческих существ, поставивших целые массы людей вне защиты правовой системы».

«А они, эти японцы, и впрямь уделяют изрядное внимание праву», — отметил Фринк.

«…дабы процитировать известного святого западной церкви: „Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?“[2]»

Радио на минуту смолкло. Фринк, повязывающий галстук, тоже замер. Утреннее Очищение продолжалось.

«Я должен договориться с ними, — наконец решил он. — Невзирая на угрозу попасть в черные списки. Покинуть японскую зону и оказаться на Юге, или в Европе, или где-либо еще под властью Рейха — означает для меня смерть. Я должен убедить этого Уиндэма-Матсона».

Сидя на кровати с чашкой остывшего чая под рукой, Фрише извлек свой экземпляр «И-чинг»

---

[2] Notes: 2
От Матфея, 16: 27.

— «Книги Перемен»[3] и высыпал из кожаного чехла сорок девять стеблей тысячелистника, стараясь четко сформулировать вопрос.

И произнес его вслух:

«Как надлежит говорить с Уиндэмом-Матсоном, чтобы прийти к взаимопониманию?» Записав вопрос на дощечке, он начал перебрасывать стебельки из одной руки в другую, пока не получил первую линию — начало. Восьмерка. Половина из шестидесяти четырех гексаграмм исключена. Он разделил стебельки и отыскал вторую линию. Благодаря давно приобретенным навыкам, ему вскоре стали известны все шесть линий. Перед ним предстала полностью завершенная гексаграмма, и теперь отпала нужда составлять ее по графикам. Он узнал пятнадцатую гексаграмму. «Ч'иен». «Смирение». Ну, что ж, — «малке, да будут возвышены, великие — да унизятся...» — обращаться к каноническому тексту не стоило: он знал его наизусть. Добрый знак. Оракул давал ему благожелательный совет. И все же он ощутил некоторое разочарование. Пятнадцатая гексаграмма содержала нечто бессмысленное.,

---

[3] Notes: 3

«И-чинг» (И цзин) — (II–I тыс. до н. э.) — учение, основанное на конфуцианстве, буддизме и даосизме и объединяющее все известные в то время знания.

Вероятно, надлежало сохранять смирение. Какой здесь сокрыт смысл? Ведь все равно никакой властью над этим У-М не обладал. Он не мог заставить последнего восстановить себя на работе. Ему лишь оставалось воспользоваться советом пятнадцатой гексаграммы: настал момент смиренной просьбы, надеяться и терпеливо, с благодарностью ждать. Придет время, и Небо вернет ему утраченное, а может, и дарует нечто большее.

Иные линии для прочтения отсутствовали, никаких девяток или шестерок. А это конец. Без перехода к следующей гексаграмме.

Следующий вопрос. Приготовившись, он вопрошал Оракула:

— Увижу ли я когда-нибудь Юлиану?

Юлиана, жена… Собственно, бывшая жена. Год назад они развелись и не виделись вот уже несколько месяцев; откровенно говоря, он даже адреса ее не знал. Все указывало на то, что она покинула Сан-Франциско, а возможно, и ТША. Общие знакомые либо потеряли с ней связь, либо не говорили всей правды.

Он торопливо перебирал стебельки тысячелистника. Сколько раз задавал он разные вопросы о Юлиане! Наконец получил гексаграмму — результат воздействия слепого рока на стебельки

растений. Случайную, однако связанную с моментом, в котором он существовал, и бытие его переплеталось с жизнью всех людей и со всеми частицами Вселенной. Гексаграмму, представляющую в системе сплошных и прерывистых линий определенную

ситуацию. Он, Юлиана, фабрика, правящие Торговые Миссии, освоение планет, миллиард органических останков в Африке, их и трупами теперь уже не назовешь; стремления тысяч людей, ютящихся в своих норах в Сан-Франциско, безумцы в Берлине с бесстрастными лицами и сумасшедшими планами в голове, — все это воссоединилось в миг разбрасывания стеблей тысячелистника, дабы извлечь наиболее подходящее и мудрое изречение из книги, слагать которую начали еще в тридцатом веке до Рождества Христова. Из книги, которую китайские мудрецы составляли, редактировали и дополняли на протяжении четырех — пяти тысячелетий, — из всей этой блестящей космологии и науки, сведенной в Единый кодекс задолго до того, как Европа научилась четырем арифметическим действиям.

Гексаграмма. Замерло сердце. Ну да, опять сорок четвертая! «Коу». «Ожидаемая встреча».

И затем — сухой комментарий: «Дева сильна и могущественна. Брать в жены такую деву не следует».

«Ну ладно, — подумал он, усаживаясь поудобнее, — наверное, она не для меня, я сам об этом знаю. Но спрашивал я не о том. Должно ли предсказание постоянно подчеркивать одно и то же? Ведь это же мое несчастье, что я любил и продолжаю любить ее».

Юлиана — прекраснейшая из его женщин. Цвета воронова крыла волосы и брови — дает о себе знать примесь испанской крови, окрасившая даже ее губы. Легкая, неслышная походка, хоть туфли и разношенные. Сказать по правде, вся ее одежда выглядела поношенной и застиранной. Оба они столь долго существовали без гроша, и ей, при всей своей красоте, приходилось довольствоваться нарядами из хлопчатобумажных тканей, курткой с застежкой-молнией, коричневой твидовой юбкой и гольфами. Она возненавидела и мужа, и свой нелепый вид. Иногда Юлиана с раздражением говорила, что выглядит как теннисистка или, что, по ее мнению, еще хуже, как человек, собравшийся в лес по грибы.

Однако больше всего Фринка привлекало в ней какое-то диковатое выражение лица; бог весть,

почему она приветствовала — даже незнакомых — многообещающей улыбкой Моны Лизы, что ставило их перед неприятным выбором, — поздороваться с ней или нет. А она тем временем равнодушно проплывала мимо. Вначале Фринк расценивал подобную манеру улыбаться какследствие близорукости, но в конце концов признал ее проявлением основательной, хотя и тщательно скрываемой, глупости. И потому тень улыбки, которой она приветствовала незнакомых ей людей, постепенно стала раздражать его, как и ее безмолвная, внушающая подозрение о выполнении некой секретной миссии, манера появляться и исчезать. Но даже бесконечные ссоры под конец их совместной жизни он принимал за причуды неземного создания, материализовавшегося в его жизни в силу неких таинственных причин. И, скорее всего, именно эта разновидность религиозной интуиции, или веры, не позволила ему смириться с утратой.

Она казалась ему столь же близкой и теперь… будто он продолжал обладать ею. Дух ее постоянно присутствовал в его жизни, бесшумно блуждая по жилищу в поисках неведомого, и в мыслях его, стоило только взять в руки тома гадательной книги.

Продолжая одеваться, Фрэнк Фринк задумался о том, кто еще в этом большом и безалаберном Сан-Франциско сейчас, как и он, обращается за советом к Оракулу. И всех ли ждет одинаково неутешительный результат? Для всех ли расклад сил судьбы так же неблагоприятен, как для него?

2

Господин Нобусаке Тагоми сидел, советуясь с даосистским Оракулом, божественной Пятой Книгой конфуцианской мудрости, называемой уже на протяжении столетий «И-чинг». К полудню он начал ощущать беспокойство, связанное с предстоящим визитом Чилдана. Они условились на два часа.

Бюро размещалось на двадцатом этаже «Ниппон Таймс» на Тэйлор-стрит, со стороны, обращенной к Заливу. Сквозь стеклянную стену он часто наблюдал, как корабли проходят под мостом «Голден Гэйт». Вот и сейчас торговое судно огибало остров Алькатрас, но это мало интересовало господина Тагоми. Он подошел к окну, отвязал шнур и опустил бамбуковые жалюзи. В просторном кабинете сразу же воцарился полумрак. Теперь можно спокойно обдумать ситуацию. Приходилось признать: полностью удовлетворить клиента подарком ему не удастся. Что бы ни предложил Чилдан, клиент в восторг не придет и с этим следует смириться.

Однако необходимо предпринять все возможное, дабы не вызвать его недовольства.

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы его задело вручение неподобающего презента. Вскоре клиент прибудет на аэродром Сан-Франциско с новой немецкой пассажирской ракетой «Мессершмитт 9-Е». Тагоми никогда не летал на таких кораблях, и, когда он будет приветствовать господина Бэйнса, ему надо постараться принять пресыщенный и скучающий вид, пусть даже ракета и окажется невесть какой впечатляющей. Наверное, стоит потренироваться. Он замер перед зеркалом и попытался придать лицу выражение полного самообладания и легкой скуки. «Да, они слишком шумные. В них даже читать невозможно. Но зато полет из Стокгольма в Сан-Франциско длится лишь сорок пять минут…» Тут, пожалуй, стоит ввернуть о технических неудачах немцев: «Вы, наверное, слышали сообщения по радио? Эта катастрофа над Мадагаскаром. Должен вам сказать, старые самолеты имели свои преимущества».

И, наконец, самое главное — избегать политических тем, ведь взгляды господина Бэйнса на актуальные политические вопросы неизвестны. А подобные темы неизбежно могут возникнуть. Можно предположить, что господин Бэйнс как шведский подданный придерживается нейтра-

литета. Но все же он выбрал «Люфтганзу», а не «САС». Ловкий ход… «Уважаемый господин Бэйнс, говорят, герр Борман серьезно болен, и осенью партия должна выбрать нового рейхсканцлера. Как вы думаете, это сплетни? Увы, между Рейхом и Пацифидой — столько тайн…».

Тагоми вытащил из папки вырезку из «Нью-Йорк Таймс» с последней речью господина Бэйнса. На этот раз Тагоми долго изучал ее, низко склонившись над текстом из-за небольшого дефекта контактных линз. Речь шла о необходимости поисков, — в который уже раз, — источников воды на Луне. «Нам еще предстоит разрешить эту мучительную проблему, — настойчиво подчеркивал господин Бэйнс. — Ближайшая наша соседка до сих пор используется только в военных целях». «Sic!»[4] — воскликнул про себя господин Тагоми, употребив изысканное латинское словцо. — «Любопытная подробность касательно мистера Бэйнса. Похоже, он

косо смотрит на военных». И Тагоми зафиксировал это в памяти.

Нажав кнопку интеркома, он проговорил:

— Барышня Эфрейкян, не могли бы вы прине-

---

[4] Notes: 4
Так! *(лат.).*

сти сюда магнитофон?

Двери раздвинулись, и вошла Эфрейкян. Сегодня ее волосы премило украшали голубые цветы.

— О, сирень, — заметил господин Тагоми. Когда-то на Хоккайдо он занимался разведением цветов.

Барышня Эфрейкян, высокая темноволосая армянка, поклонилась.

— Готов ли наш «Супер-Экстра Рекорд»?

— О да, господин Тагоми, — барышня Эфрейкян с переносным магнитофоном в руках уселась на стул.

— Я обратился к гадательной книге с вопросом, — начал господин Тагоми, — будет ли моя встреча с господином Чилданом плодотворной, но, к моему разочарованию, получил неблагоприятную гексаграмму — «Превосходство сильного».

Пол прогибается.
Слишком большой груз посреди него.
Весьма далеко от дао.

Магнитофон работал с легким шумом.

Господин Тагоми помолчал, собираясь с мыслями.

Барышня Эфрейкян выжидательно смотрела на него. Шум магнитофона стих.

— Поигласите сюда на минуту господина Рэмси, — сказал Тагоми.

— Да, пожалуйста. — Она поставила магнитофон и вышла, постукивая каблучками.

Вошел господин Рэмси с папкой накладных. Молодой, улыбающийся, в клетчатой сорочке с галстуком-ленточкой и в джинсах в обтяжку без ремня, столь популярных у здешних щеголей.

— Мое почтение, господин Тагоми, — проговорил он. — Прекрасный сегодня выдался денек.

Тагоми поклонился. Рэмси тотчас же вытянулся и поклонился в ответ.

— Я советовался с Оракулом, — начал господин Тагоми, когда барышня Эфрейкян заняла свое место, примостив магнитофон на коленях. — Вам известно, что господин Бэйнс, который вскоре прибудет, разделяет арийскую теорию в вопросе так называемой культуры Востока. Я мог бы попробовать поколебать его убеждения с помощью подлинников китайской живописи иликерамики эпохи Токугава… Но обращение его в истинную веру — не наше дело.

— Я понимаю, — сказал господин Рэмси. Он попытался сосредоточиться, и эти усилия отразились на его лице.

— Поэтому нам придется считаться с его вку-

сами и преподнести ему ценное произведение американского искусства.

— О да, разумеется.

— По происхождению вы американец. Несмотря на то, — тут он остановился и смерил Рэмси пристальным взглядом, — что вы не сочли за труд изменить цвет кожи.

— Обыкновенный загар от кварцевой лампы, тихо сказал Рэмси, — исключительно в целях получения витамина Д.

Однако униженное выражение лица говорило о другом.

— Уверяю вас, я сохранил естественную связь… — Господину Рэмси не хватало слов. — Но я не прерывал контактов с… традиционной местной культурой.

Господин Тагоми повернулся к Эфрейкян:

— Продолжим, пожалуй. — Магнитофон заработал. — После консультации с гадательной книгой и нахождения двадцать восьмой гексаграммы «Та Куо», на пятом месте отыскал неблагоприятное изречение, звучащее так:

На засохшем тополе распускаются почки.

Старуха выбирает себе мужа.

Без сожаления. Без славы.

— Достаточно ясное указание: господин Чилдан ничего достойного внимания нам не предложит. — Тагами сделал небольшую паузу. — Будем откровенны. Я не могу опираться на собственный опыт в делах, касающихся американского искусства. Поэтому… — он задумался, подыскивая подходящее слово, — нам понадобитесь вы, господин Рэмси, как американец по происхождению. Нужно сделать все, что в наших силах.

Господин Рэмси ничего не сказал в ответ. Несмотря на все усилия, его лицо предательски выдавало обиду и гнев, тщательно маскируемые молчанием.

— Далее, — говорил господин Тагоми, — я советовался с Оракулом еще по одному делу. Из политических соображений не могу произнести вопрос при господине

Рэмси. Можно сказать и по-другому: такого человека нельзя допускать к нашим особой важности делам. Достаточно упомянуть, что я получил довольно многозначительный ответ. И он дал пищу для размышлений.

Рэмси и Эфрейкян, не отрываясь, смотрели на него.

— Это связано с господином Бэйнсом, — сообщил Тагоми.

Оба служащих кивнули.

— В ответ на мой вопрос именем тайных сил дао я получил сорок шестую гексаграмму. «Шенг», Доброе предзнаменование. А также шестерку вначале и девятку на втором месте.

Вопрос звучал так: «Удастся ли успешно разрешить дело с господином Бэйнсом?» Девятка на втором месте уверяла:

> Если ты прямодушен,
> То даже малая жертва поможет тебе.
> Не имеющему вины.

Из этого следует: господин Бэйнс удовлетворится любым подарком, врученным ему Высшей Торговой Миссией при посредничестве господина Тагоми. Однако, задавая такой вопрос, Тагоми подразумевал еще одну, более глубокую мысль, едва осознаваемую им самим. Как это часто бывает, гадательная книга восприняла и второй, подсознательный вопрос, и ответила на него тоже.

— Как известно, — продолжал Тагоми, — господин Бэйнс доставляет нам новые литейные формы, разработанные Швецией. Если мы при-

дем к соглашению с его фирмой, то, несомненно, сможем заменить многие дефицитные металлы пластмассами.

На протяжении вот уже нескольких лет Тихоокеанское Сообщество предпринимало немало усилий, пытаясь заполучить от Рейха помощь в области производства пластмасс. Однако крупнейшие немецкие химические концерны и, в первую очередь, «АГ Фарбэн», ревностно охраняли свои патенты, фактически удерживая мировую монополию в этой области, особенно в технологии синтеза полистиролов. Поэтому Рейх имел важное преимущество в торговле с Сообществом и опережал его в техническом отношении по крайней мере на десятилетие. Межпланетные ракеты, стартующие с «Festung Europe»[5], собраны из термостойких, легких и прочных пластмасс, выдерживающих даже столкновение с метеоритами. Тихоокеанское Сообщество не располагало ничем подобным. Здесь по-прежнему использовались традиционные материалы: древесина, и, конечно же, незаменимые еще металлы. При мысли об этом господин Тагоми внутренне съеживался: ему доводилось

---

[5] Notes: 5
«Крепость Европа» *(нем.).*

видеть на ярмарках некоторые образцы новейших немецких достижений. Особенно впечатлял выполненный полностью из пластмасс автомобиль D. S. S., Der Schnelle Spuk.[6], стоивший всего, в пересчете на валюту ТША, около шестисот долларов.

Однако был скрытый вопрос, который он ни при каких обстоятельствах не мог произнести вслух из-за всех этих пиноков, постоянно крутящихся в бюро Торговых Миссий, точнее, определенный аспект деятельности господина Бэйнса, на который лишь намекала полученная из Токио шифрограмма. Ранее кодированные материалы поступали редко и обычно касались вопросов безопасности, ко отнюдь не торговли. Кроме того, применялся метафорический шифр с использованием поэтических аллюзий с целью предотвращения шпионажа со стороны немцев, способных в своих зонах прослушивания дешифровывать самые сложные коды. И токийское руководство опасалось именно Рейха, а отнюдь не полуоппозиционных клик с Японских островов. Ключевая фраза «снятое молоко в его диете» содержала намек на забавную песенку из одной

---

[6] Notes: 6
«Быстрый Призрак» *(нем.).*

оперетки, где настойчиво внушалась мысль:

Бывает и такое,
Что молоко снятое
Прикинется сметаной.

Консультации с «И-Чинг» подтвердили подозрения Тагоми. Комментарий Оракула являл собой следующее: «Надлежит предположить, речь идет о сильном человеке. Истина заключается в его несоответствии своему окружению. Он слишком тверд и очень мало внимания обращает на видимое, а благородный характер обеспечивает ему успех…»

Подозрение состояло в том, что господин Бэйнс — не тот, за кого себя выдает, и подлинной целью его приезда в Сан-Франциско является не заключение соглашений о литейных формах. Короче говоря, господин Бэйнс — шпион.

Однако Тагоми не имел абсолютно никакого понятия о том, на кого работает Бэйнс и за какое вознаграждение.

Без двадцати два Роберт Чилдан с величайшей неохотой закрыл магазин. Затем подтащил свои тяжеленные чемоданы к краю тротуара, подозвал рикшу и велел отвезти его к «Ниппон

Таймс». Сгорбленный и вспотевший китаец с изможденным лицом, униженно пробормотав полагающийся в таких случаях набор вежливых слов, принялся за погрузку багажа. Затем помог Чилдану сесть на покрытое ковром сиденье, щелкнул счетчиком и, вскарабкавшись на свое седельце, начал крутить педали — в потоке автомобилей и автобусов на Монтгомери-стрит.

Чилдан извел полдня, рыская в поисках обещанного для господина Тагоми, и сейчас — злой и обеспокоенный — взирал на плывущие мимо здания. «И все-таки это успех! Профессиональные навыки не зависят от настроения: мне удалось найти подходящую вещь, господин Тагоми смягчится, а его гость, кем бы он ни оказался, будет в восторге. Я никогда не обманываю надежд покупателей», — думал Чилдан.

Просто чудо: ему удалось раздобыть совсем новенький, самый первый номер комикса с Типом и Топом. Одна из первых книжечек такого типа, высоко оцениваемая «americana» тридцатых годов, раритет, притягивающий внимание многих коллекционеров мира. Конечно же, имелись и другие вещицы; их он намеревался продемонстрировать вначале. Неторопливо, переходя от одной к другой, пока не дойдет постепенно до

комикса, надежно спрятанного на дне самого громоздкого чемодана — в кожаном футляре, обернутого в тонкую бумагу. Из радиоприемника рикши неслись популярные мелодии, конкурируя с динамиками других рикш, автомобилистов и автобусов, следовавших рядом. Их Чилдан не слышал: уже привык. Не обращал он внимания и на огромные неоновые рекламы, украшавшие фасады почти всех высотных зданий. В конце концов, его собственная неоновая вывеска вспыхивала и гасла каждый вечер в такт многим другим. Разве существует иная реклама? Приходится мириться с реальностью.

Он признал: вопли радиоприемников, шум автомобилей, толчея, блеск реклам успокаивали его, ибо заглушали. внутреннее беспокойство. Приятно, когда тебя везут, приятно физически ощущать мускульные усилия китайца, передающиеся через равномерные покачивания экипажа. «Будто массажер», — думал Чилдан. Ему нравилось находиться в положении обслуживаемого, хотя бы и на какое-то время.

Он очнулся с ясным ощущением вины: не время для послеполуденной дремы, — слишком много еще следует обдумать. Например, одет ли он соответствующим случаю образом? А вдруг он по-

чувствует себя плохо при подъеме в скоростном лифте? К счастью, у него припасены специальные таблетки немецкого производства. А сколько существует форм обращения к собеседникам… но и они ему известны. Он знает, к кому следует отнестись со всей почтительностью, а к кому — с высокомерием. Пожестче можно вести себя с портье, лифтерами, проводниками, с горничными и рассыльными. Кланяться, несомненно, придется каждому японцу, пусть даже по сто раз кряду. Вот только эти пиноки… Нечто расплывчатое, неопределенное. Нужно раскланиваться, но смотреть сквозь них, будто их не существует. Но всегда ли это оправдано? А что, если он встретится с иностранцем? Ведь торговые миссии часто посещают немцы и представители нейтральных государств…

Кроме того, он может столкнуться с рабом.

Немецкие корабли и суда с Юга — постоянные гости в порту Сан-Франциско, и негров иногда ненадолго отпускают на берег. И всегда группами: не менее трех человек. Им запрещается оставаться в городе после наступления темноты, и, даже находясь под юрисдикцией Тихоокеанского Сообщества, они обязаны соблюдать комендантский час. Рабы, занятые на разгрузке судов, живут в

пристройках к складам и от домов не отходят. В бюро Торговых Миссий их нет, но если речь идет о переносе тяжестей… например, следует ли ему собственноручно вносить свой багаж в бюро господина Тагоми? Очевидно, нет. Он обязан найти для этого раба, даже если придется ждать целый час и опоздать на встречу с господином Тагоми. Нельзя допустить, чтобы рабы увидели, как он несет что-либо сам. Ему нужно оставаться особенно собранным. За подобную ошибку можно дорого заплатить, утратив уважение присутствующих или всех, заметивших его промах.

«С другой стороны, — думал Чилдан, — даже неплохо средь бела дня собственноручно внести багаж в помещение «Ниппон Таймс». Великолепный вышел бы жест! Тем более, и законом не запрещается, и в тюрьмуза это не посадят. Великолепная возможность показать свое настоящее лицо, хотя подобное и не принято в нашем обществе. Но…

Я так бы и поступил, не будь здесь этих проклятых черных рабов. Перенести высокомерие тех, кто стоит выше меня, не составит труда, — так или иначе они подчеркивают свое превосходство, унижая меня ежедневно. Но, если меня увидят те, кто стоит ниже… почувствовать пренебрежение

с *их* стороны, — вот, например, этого китаезы, нажимающего на, педали впереди меня. Стоило мне обойтись без услуг рикши, и он увидел бы, как я пешком добираюсь к месту встречи…

Во всем виноваты немцы. Они всегда стараются откусить больше, чем могут проглотить. Едва им с величайшими усилиями удалось выиграть войну, как они тотчас принялись покорять планеты, одновременно издавая законы, которые… ну, хотя, впрочем, идея-то в принципе неплохая. Ведь вышло же у них когда-то с евреями, цыганами. И славяне, отброшенные в своем развитии на две тысячи лет назад, в свою азиатскую колыбель. Выдворены из Европы ко всеобщему удовольствию. Назад — к скотоводству и охоте с луками и стрелами. А эти большие, в ярких глянцевых обложках журналы, отпечатанные в Мюнхене и рассылаемые во все библиотеки и киоски… Каждый может полюбоваться цветными снимками на всю полосу: голубоглазые блондины — арийские колонисты, миролюбиво пашущие, сеющие и собирающие урожай на бескрайних нивах Украины — мировой житницы. Вне всякого сомнения, эти люди — счастливы, а их ухоженные усадьбы и хозяйства приятно радуют глаз. Зато исчезли фото пьяных поляков, сидящих в оцепе-

нении у входа в свои разваливающиеся халупы или торгующих двумя-тремя жалкими брюквами на сельском рынке. Все это ушло в прошлое, так же, как и заезженные проселки, превращаемые осенними ливнями в непролазные топи.

Но Африка… Вот где дали развернуться энтузиазму, и, хотя полагалось бы восхищаться, рассудок советует немного подождать, ну, хотя бы до завершения плана «Плуг». О, здесь гитлеровцы показали, на что они способны, полностью раскрыв свою артистическую натуру. Средиземное море перекрыто, осушено, дно его превращено в возделываемые поля, — и все благодаря атомной энергии. Какой размах! Как это сбило спесь с разных там шутов с Монтгомери-стрит. Правда, в Африке удалось почти, почти… однако в планах такого типа *почти* — ключевое слово. Впервые оно появилось в известной брошюре Розенберга, изданной в 1958 году: «Что касается окончательного решения африканского вопроса, то нам *почти* удалось реализовать наши цели».

Между прочим, чтобы избавиться от американских аборигенов, понадобилось двести лет. В Африке у немцев на это ушло лет пятнадцать. Итак, для критики нет никаких оснований. Кстати, он, Чилдан, недавно поспорил на эту же тему

за обедом со знакомыми торговцами. Те, видимо, ждали чуда — будто гитлеровцы в состоянии изменить мир с помощью магии. А дело лишь в их науке, технике и работоспособности, вошедшей в поговорки. Немцы прилежны во всем. И если уж за что берутся, то делают это на совесть.

В конечном счете, полеты на Марс отвлекли внимание мира от Африки. Итак, все свелось к тому, о чем он и говорил своим приятелям-торговцам: «Чего у немцев в избытке (и чего, к сожалению, недостает нам) — так это идеализма. Можно поражаться их добросовестному отношению к работе или рациональному ведению хозяйства, но всему причина — их сентиментальность. Космические полеты — вначале на Луну, а затем на Марс. Это ли не воплощение извечной мечты человечества, нашей мечты о всемогуществе? А японцы? Я их неплохо знаю, в конце концов, дела имею с ними ежедневно. Говоря откровенно, это все же люди Востока. Желтые. Мы, белые, должны им кланяться, ибо власть принадлежит им. Но взоры наши обращены к Германии: именно она показывает, чего можно достичь, если побеждают белые, — и это совсем другое дело».

— Уважаемый господин, мы подъезжаем к

«Ниппон Таймс», — проговорил, тяжело дыша после подъема в гору, китаец. Теперь он отдыхал.

Чилдан силился представить себе гостя господина Тагоми. Несомненно, исключительно важная персона: тон господина Тагоми в разговоре по телефону, и его волнение — убедительное тому подтверждение. Чилдан представил одного из своих самых солидных клиентов, — человека, способного в значительной мере обеспечить Чилдану прочную репутацию в высших кругах Побережья.

Четыре года назад Чилдан еще не мог назвать себя, как теперь, специалистом по редким и ценным предметам. В то время он содержал неказистый магазинчик антикварных вещей. По соседству размещались заведения, торговавшие подержанной мебелью, скобяные лавки и прачечные. Район далеко не престижный. По ночам тут случались вооруженные нападения, иногда — изнасилования, и это несмотря на все усилия полиции Сан-Франциско и даже их японских шефов — «Кемпетай». Витрины магазинов закрывались на ночь железными жалюзи в целях предотвращения ограблений. И вот однажды сюда забрел пожилой японец, отставной офицер Ито Хумо. Высокий, худощавый, седой, подтянутый

майор первым дал Чилдану понять, как можно преобразовать его дело.

— Я коллекционер, — объяснил майор Хумо. — Объездил все южные страны и переворошил горы старых журналов.

Тихим голосом он рассказывал о чем-то таком, чего Чилдан в то время еще не мог оценить в полной мере: для многих богатых и культурных японцев исторические предметы американской маскультуры — не менее интересны, чем антиквариат. В чем причина — майор не знал. Величайшей страстью его стало коллекционирование старых каталогов латунных пуговиц и самих пуговиц. Это увлечение подобно коллекционированию значков или монет, и подыскивать этому разумное объяснение — пустая затея. Состоятельные люди готовы платить бешеные деньги.

— Я приведу пример. Известны ли вам открытки, изображающие ужасы войны? — осведомился майор с жадным блеском в глазах.

Минутное раздумье — и Чилдан что-то такое начал припоминать. Много лет назад, во времена его детства, такие карточки вкладывались в обертку жевательной резинки. По центу за штуку. Целая серия, посвященная бедствиям и ужасам войны.

— Один мой лучший друг, — продолжал майор, — собирает «Ужасы войны». У него недостает единственного экземпляра — «Потопление „Панай“». И он готов выложить за его приобретение значительную сумму.

— Подбрасывание карточек! — внезапно воскликнул Чилдан.

— Что-что?

— Детьми мы подбрасывали их. У каждой из карточек имелись две стороны — с картинкой и чистая, ну, как орел и решка. Мне тогда едва стукнуло восемь лет. Каждый из нас владел целой колодой таких карточек. Мы становились лицом друг к другу и подбрасывалиих одновременно так, чтобы они несколько раз перевернулись в воздухе. Мальчик, карточка которого падала лицевой стороной вверх, забирал себе обе. Как приятно вспомнить старые добрые времена, безоблачные дни детства!

— Мне приходилось слышать рассказ моего друга о карточках, — проговорил майор после минутного раздумья. — Но он никогда ни о чем таком не упоминал. Я полагаю, ему неизвестны особенности их использования.

И вскоре приятель майора прибыл в магазин, дабы услышать из первых уст историческое со-

общение. Гостя, тоже офицера Императорской армии в отставке, воспоминания о детских днях Чилдана растрогали и очаровали.

— Крышки! — вдруг осенило Чилдана.

Японцы недоуменно заморгали.

— В детстве мы собирали крышечки от молочных бутылок. Ну, такие кружочки с названием молочного магазина. В Соединенных Штатах подобных магазинов насчитывалось немало, и, естественно, каждый из них штамповал свои крышки.

В глазах офицера сверкнул интерес.

— Есть ли у вас хоть что-то из ваших старых собраний? — Чилдан, конечно же, ничем таким не обладал. Однако… может, ему и удастся раздобыть старые, давно забытые крышки тех времен, когда молоко поставлялось в бутылках, а не в одноразовых картонных упаковках, как сейчас.

Таким образом, он постепенно втягивался в новое для него дело. Другие также открывали подобные магазины, используя все возрастающий интерес японцев к американской культуре, но Чилдан неизменно удерживал свое превосходство над ними.

— Господин, платите доллар, — сказал китаец, выводя его из раздумий и воспоминаний. Багаж

Чилдана уже стоял на тротуаре.

Он машинально расплатился. «Да, весьма вероятно, что клиент господина Тагоми чем-то походит на майора Хумо, по крайней мере, — сыронизировал Чилдан, — с моей точки зрения». Ему приходилось встречать уже столько японцев… Низеньких, приземистых, сложенных, как борцы. Попадались и похожие на аптекарей. Затем — владельцы карликовых деревьев… И молодые — вроде и не японцы вообще. Со временем у него выработалась собственная классификация. «Клиент господина Тагоми — наверняка представительный торговец с филиппинской сигарой в зубах».

Позже, стоя с чемоданами у входа в «Ниппон Таймс», Чилдан вдруг с ужасом подумал: а если этот клиент — не японец? Его образчики рассчитаны исключительно на японский вкус…

«Нет, — успокоил себя Чилдан, — это японец. Господин Тагоми заказывал плакат времен гражданской войны: только японца может заинтересовать такое старье. Это характерно для них — восторг по пустякам и маниакальный интерес к документам, листовкам и объявлениям. Он вспомнил одного, посвящавшего все свое свободное время коллекционированию газетных

объявлений о патентованных лекарствах 1910-х годов.

Следовало, однако, возвращаться к насущным проблемам. Через высокие двери «Ниппон Таймс» входили и выходили прекрасно одетые господа; их голоса вывели Чилдана из оцепенения. Он окинул взглядом устремленное к небу сооружение — самое высокое здание Сан-Франциско. Сплошная стена окон — великолепный образец японской архитектуры, и это окружение: садики из карликовых вечнозеленых деревьев — пейзаж «каренсансуи», с песком, имитирующим застывшие струи потока, который огибает корни деревьев, и простые, неправильной формы плоские валуны…

Чилдан заметил черного носильщика, скучавшего без работы, и подозвал его.

Негр подбежал трусцой, подобострастно осклабившись.

— На двадцатый! — бросил Чилдан властно, как только мог. — Апартамент В. Немедленно. — Он указал на багаж и двинулся ко входу. Естественно, не оглядываясь.

Минутой позже втиснулся в один из скоростных лифтов. Вокруг — одни японцы; их гладко выбритые лица слегка блестели при ярком осве-

щении. Затем — тошнотворный скачок лифта, быстрое мелькание этажей. Чилдан закрыл глаза и, твердо упершись ногами в пол кабины, начал страстно желать, чтобы все это поскорее кончилось. Носильщик, конечно, уже отправился с багажом в грузовом лифте. Нечего и думать впустить его сюда. Чилдан приоткрыл глаза и осмотрелся; по-прежнему он здесь единственный белый. Когда лифт наконец остановился и двери выпустили его на двадцатом этаже,

Чилдан мысленно репетировал поклон, готовясь войти в бюро господина Тагоми.

3

Высоко в небе Юлиана Фринк увидела светящуюся точку, прочертившую дугу на предвечернем небосводе и опускавшуюся к западу. «Один из этих нацистских ракетных кораблей, — подумала она. — Летит на Побережье, набитый важными шишками, а я вот тут, внизу». Она помахала рукой, хотя корабль уже исчез из виду.

Скалистые Горы отбрасывали длинные тени. На темно-синие вершины опускалась ночь. Параллельно горной цепи медленно проплывала стая перелетных птиц. Некоторые автомобили уже зажгли фары, и кое-где на автостраде она различала их двойные отблески, рядом с освещенными окнами домов и огнями газового завода.

Уже несколько месяцев жила она здесь, в Кэнон-сити, Колорадо. Инструктор по дзюдо. Рабочий день подошел к концу, и Юлиана, чувствуя огромную усталость, готовилась принять душ. В ожидании свободной кабины она вышла во двор и там, на прохладе, наслаждалась ароматом горного воздуха. Тишину нарушал единственный звук — легкий шум, доносившийся из бара, расположенного внизу на обочине автострады.

Сейчас у бара остановились два больших грузовика-дизеля, и в сумерках она различила фигуры водителей, натягивающих кожаные куртки, прежде чем войти в павильон. «Кажется, Дизель выбросился из окна своей каюты, — подумала она. — Покончил с собой — утопился во время морского путешествия. Может, и мне следует совершить нечто подобное? Правда, моря здесь нет, но всегда найдется какой-нибудь способ сделать это. Как у Шекспира. Вонзенная через одежду игла, и — прощай, Фринк. И так думает девушка, — усмехнулась она, — не боящаяся бродяг из пустыни, отлично осведомленная обо всех уязвимых точках на теле противника… Или, скажем, навсегда уснуть, надышавшись выхлопными газами в каком-нибудь городишке при автостраде. Наверное, и этому я научилась у японцев. Переняла их спокойное отношение к смерти, равно как и приносящее ей теперь заработок искусство дзюдо. Искусство убивать и умирать. Инь и Янь. Но это уже в прошлом, а здесь протестантские земли».

Пролетающие над головой нацистские ракеты всегда прекрасно видны, и Кэнон-сити, штат Колорадо, по-видимому, не относился к числу интересующих их объектов. Так же, как и Юта, и

Вайоминг, и восточная часть Невады — и другие пустынные скотоводческие штаты. «Ничего-то мы не стоим, — подытожила Юлиана. — Можем и дальше жить в своем маленьком мире. Если, конечно, еще хотим этого. Если этот мир по-прежнему что-то для нас значит».

Стукнула дверь одной из кабинок, и на пороге показалась чья-то высокая фигура. Это оказалась мисс Дэвис, уже одетая и со ©вертком под мышкой.

— Ох, я заставила ждать вас. Прошу извинить меня.

— Ничего страшного, — ответила Юлиана.

— Вы знаете, дзюдо мне так много дает. Даже больше, чем Дзэн. Давно уже мне хотелось сказать вам об этом.

— Дзэн сделает бедра стройными, — сообщила Юлиана. — Избавит от лишних килограммов с помощью безболезненного сатори… Извините, мисс Дэвис, это я так, болтаю.

— Они доставили вам много неприятностей? — спросила мисс Дэвис.

— Кто?

— Японцы. Ну, до того, как вы научились защищаться.

— Вспоминаю с ужасом, — сказала Юлиа-

на. — Вы никогда не посещали Побережье? Их территорию?

— Я ни разу не покидала Колорадо, — ответила мисс Дэвис дрожащим от робости голоском.

— Здесь мы тоже не застрахованы, — сообщила Юлиана. — Они могут принять решение оккупировать и эти земли.

— А кому известны их планы?

— Никогда неизвестно заранее, что они станут делать. Японцы тщательно скрывают свои подлинные намерения.

— Вас к чему-нибудь принуждали? — Мисс Дэвис, с крепко прижатым к груди свертком, вышла из вечерних сумерек поближе к Юлиане, стараясь получше все расслышать.

— Ко многому.

— Боже мой! — воскликнула мисс Дэвис, — Я бы, наверное, сопротивлялась!

Юлиана извинилась и поспешила занять освободившуюся кабину, завидев, что кто-то уже подходил с полотенцем на плече.

Потом она сидела у Чарли («Лучшие гамбургеры прямо из духовки»), изучая с безразличным видом меню. Из автомата доносилась какая-то негритянская мелодия, — электрогитара и расплавленные от избытка чувств стоны… Воздух

заполнился густым дымом. Но здесь все же тепло и светло, и хорошее настроение вернулось к ней. Шоферы расположились рядом с кельнершей и дюжим ирландцем-кассиром.

Завидев Юлиану, Чарли направился к ее столику, желая лично обслужить ее.

— Барышня желает чаю? — на японский манер протянул он, осклабившись.

— Кофе, — сказала Юлиана, игнорируя выкрутасы шеф-повара.

— Ach, so[7], — поклонился Чарли.

— А также горячий сэндвич и жаркое под соусом.

— А супа из ласточкиных гнезд не изволите? Или быть может, — мозг горного козла, поджаренный на оливковом масле?

Оба водителя грузовиков обернулись и, улыбаясь, прислушивались к диалогу. Как видно, они сумели оценить красоту Юлианы. Впрочем, они обратили бы на нее внимание и без шуточек Чарли. Месяцы активных тренировок придали мышцам необычайную упругость. Она знала их воздействие на осанку и фигуру. «Все зависит от плечевых мышц, — думала она, встречаясь с

---

[7] Notes: 7
Вот как! *(нем.).*

ними взглядом. — У танцовщиков то же самое. И рост тут ни при чем».

«Пришлите ваших жен в клуб, и мы их натренируем. Вы не пожалеете!»

— Держитесь от нее подальше, — предостерег шоферов повар и подмигнул им. — Не то окажетесь на полу.

— Вы откуда? — обратилась она к шоферу помоложе.

— Из Миссури, — ответили они разом.

— Из Соединенных Штатов? — спросила она.

— Это я из Штатов, — сказал старший. — Из Филадельфии. У меня там трое детей. Старшему уже одиннадцать.

— Послушайте, а хорошую работу найти там не просто?

— Легко, если у вас соответствующий цвет кожи, — ответил младший из водителей, с черными вьющимися волосами и унылым смуглым лицом, которое, казалось, не покидало огорченное выражение.

— Он у нас макаронник, — пояснил старший.

— Ну и что? Ведь Италия тоже выиграла войну. — Юлиана улыбнулась молодому шоферу, но тот не ответил на ее улыбку. Глаза его ожесточенно блеснули, и он быстро отвернулся.

«Досадно, — подумала она, но вслух ничего не сказала. — Изменить цвет твоей кожи — мне не под силу». Вспомнился Фрэнк. Интересно, жив ли он? Тот всегда мог ляпнуть неподходящее и некстати высунуться. «Ну нет, — подумала она, — по-своему он любит японцев. Наверное, отождествляет себя с ними, ведь они такие же уродливые». Она постоянно твердила ему, какой он урод: кожа с крупными порами, большой нос. Она же обладала необыкновенно гладкой кожей. «Как он там, не пропал без меня? «Финк» — какая-то мелкая птица, а они долго не живут».

— Поедете сегодня дальше? — задала она вопрос итальянцу.

— Завтра.

— Если вам так плохо в Соединенных Штатах, почему бы не уехать оттуда насовсем? — спросила она. — Я уже давно здесь и не жалуюсь. А раньше жила на Побережье, в Сан-Франциско, где с цветом кожи тоже считаются.

Склонившийся над стойкой итальянец бросил на нее быстрый взгляд.

— Дорогая моя, — проговорил он, — с меня вполне достаточно проводить день и ночь в таких вот городишках, как этот. Жить здесь? Боже мой! Да если б я только мог найти другую работу,

и не шататься по дорогам, питаясь в таких дырах, как эта… — Заметив, что владелец заведения покраснел, шофер замолчал и принялся за свой кофе.

— Джо, да ты, я вижу, сноб, — обратился к нему старший.

— Вы могли бы поселиться в Денвере, — посоветовала Юлиана. — Там лучше. «Знаю я вас, американцев с Востока, — подумала она. — Во всем любите размах. Строите грандиозные планы. Скалистые горы — для васзахолустье. Ничегошеньки-то здесь с довоенных времен не изменилось. Пенсионеры, фермеры — глупые, ленивые и бедные люди… все, кто половчей, удрали на Восток, в Нью-Йорк, — легально или через открытую границу. Потому что там большие заработки, крупные предприятия и хорошие деньги, — продолжала размышлять она. — Там прогресс: германские инвестиции свое дело сделали… за короткий срок поставили на ноги Соединенные Штаты».

— Знаешь что? — жестким, гневным тоном отозвался шеф-повар. — Я евреев не очень-то люблю. Но в сорок девятом мне довелось повидать еврейских беженцев, и я тебе скажу, что ты можешь сделать со своими Соединенными Штатами. Если

там много строят и ворочают большими деньгами, то только потому, что обворовали евреев, когда изгоняли их из Нью-Йорка. Эти чертовы нацистские постулаты! Еще мальчишкой я жил в Бостоне и евреев вовсе не обожаю, но никогда не думал, что в Соединенных Штатах будут действовать расистские законы, даже если мы проиграем войну. Удивляюсь, что вы еще до сих пор не в армии и не готовитесь напасть на какую-нибудь крошечную южно-американскую республику, чтобы проложить немцам дорогу и оттеснить подальше японцев…

Водители вскочили с угрожающим видом. Старший обхватил за горлышко бутылку с кетчупом. Шеф-повар попятился и, отыскав на ощупь большую вилку, выставил ее перед собой.

— В Денвере уже возводят специальные взлетно-посадочные полосы для приема ракет «Люфтганзы», — сообщила Юлиана.

Никто из троих не шевельнулся и не отозвался. Остальные посетители сидели молча.

Наконец, ответил шеф-повар:

— Сегодня одна пролетала над нами на закате.

— Та летела не в Денвер, — сказала Юлиана, — а дальше, на Побережье.

Немного успокоившиеся водители присели на

свои места.

— Я ведь забываю, что они все тут заражены «желтухой», — буркнул старший.

— Японцы не уничтожали евреев, — сказал шеф-повар. — Японцы не строили печей.

— А жаль, — проворчал старший водитель, продолжая прерванную трапезу.

«С „желтухой“ он прав, — подумала Юлиана. — Да, пожалуй, он прав. Тут многие симпатизируют японцам».

— Где вы собираетесь заночевать? — обратилась она к молодому шоферу, которого звали Джо.

— Еще не знаю, — ответил тот. — Я только и успел встать из-за руля да зайти сюда. Не нравится мне тут. Может, заночую в машине.

— Здешний мотель «Пчелка» совсем неплох, — вмешался шеф-повар.

— Ладно, — сказал молодой водитель. — Может, я и отправлюсь туда. Если, конечно, их не остановит, что я итальянец. — Он говорил с явным акцентом, несмотря на все попытки скрыть его.

«В нем столько желчи потому, что он идеалист, — подумала, глядя на него, Юлиана. — Он слишком много хочет от жизни. Все еще стремится куда-то, вечно обеспокоенный и недовольный.

Я сама такая же: не смогла усидеть на Западном Побережье, да и здесь долго не выдержу. А наши предки, разве они не такие же? Только и всего, что здесь теперь не Дикий Запад. Наш Дикий Запад сегодня — на других планетах».

«Мы могли бы вместе записаться на один из этих ракетных кораблей, перевозящих колонистов. Однако его немцы не пустят из-за цвета кожи, а меня — потому, что я темноволосая. А все эти выцветшие тощие нордические педики из баварских замков-казарм. А этот тип, Джо, какой-то не такой; уже само выражение его лица неподходящее что ли, ему бы такую холодную и вместе с тем восторженно-оптимистическую мину, будто он, ни во что не веруя, все же подвержен слепой вере: Да, все они такие. Не идеалисты, как Джо и я, переполненные верой циники. Это все их общий мозговой дефект, наподобие лоботомии, — уродство, коим немецкие психиатры силятся заменить терапию.

Их проблема — секс. Что-то у них там извратилось еще в тридцатые, и чем дальше, тем хуже. Еще Гитлер начал этим заниматься со своей… кем там она ему приходилась? Сестрой? Теткой? Племянницей? Его семья и без того дегенеративная, — родители Гитлера состояли в двоюродном

родстве. Все они погрязли в кровосмешении., начиная с первородного греха-желания собственной матери. Потому-то у этих элитарных отпрысков СС такие показные ангельские улыбки — этакое светлое детское целомудрие: они берегут свою невинность для мамочки. Или — друг для дружки».

«И кто же эта их мамочка? — задумалась она. — Фюрер?.. Умирающий герр Борман?.. А может, этот больной?..

Адольф, говорят, в каком-то санатории доживает последние дни в старческом маразме. Мозговой сифилис, подхваченный еще во времена его люмпенствования в Вене… длинный черный плащ, грязное белье, ночлежки…

Поистине неумолимая кара Божия — прямо как в старых фильмах. Страшный человек сражен собственной грязью, — не закономерная ли это кара человеческого зла?

Но самое страшное в том, что нынешняя германская империя является детищем этого мозга. Прежде всего, — партия, затем народ и, наконец, — полмира. А ведь нацисты сами определили диагноз, отождествили болезнь; тот свихнувшийся лекарь, доктор Морели, пичкавший его какими-то таблетками доктора Кестнера, был ве-

нерологом. Это известно всему миру, однако бред фюрера продолжает оставаться святыней. Библией. Его взглядами заражена вся цивилизация, и теперь ослепленные белокурые нацистские педики, как бациллы, разносят болезнь по другим планетам.

Кровосмешение рождает безумие, слепоту и смерть».

Б-р-р… Она стряхнула все эти мысли.

— Чарли! — крикнула она шеф-повару. — Как там мой заказ? — Юлиана, ощущая себя абсолютно одинокой, поднялась, подошла к стойке и уселась рядом с кассой.

Никто не обратил на нее внимания, — кроме молодого итальянца, не отрывавшего от нее взгляда. «Интересно, какая у него фамилия», — подумала она.

Вблизи она рассмотрела, не так уж он и молод, как ей показалось: окружающая его напряженная атмосфера вводила в заблуждение. Он снова и снова проводил ладонью по волосам, зачесывая их назад искривленными, негнущимися пальцами. Что-то особенное отличало этого человека от других. Какая-то аура смерти. Одновременно оно и беспокоило, и привлекало. Шофер постарше нагнулся и что-то шепнул ему на ухо. Теперь уже

оба приглядывались к ней, однако это не походило на обычную мужскую заинтересованность.

— Прошу прощения, — начал старший. Несколько сковывающее их напряжение ощущалось все явственнее. — Знаете ли вы, что это такое? — спросил он, показывая ей небольшую плоскую белую коробочку.

— Знаю, — ответила Юлиана, — нейлоновые чулки. Из искусственного волокна, производством которого занимается исключительно нью-йоркский филиал «АГ. Фарбэн». Очень дорогие.

— Монополия, следует признать, — неплохая идея немцев. — Шофер постарше передал коробочку товарищу, а тот локтем подвинул ее к Юлиане.

— У вас есть машина? — спросил Джо в паузе между двумя глотками кофе.

В дверях кухни показался Чарли с ее тарелкой.

— Вы не могли бы меня подбросить к тому мотелю, где мне придется переночевать? — Он продолжал разглядывать ее своими шальными глазами, и это переполняло ее беспокойством и вместе с тем притягивало еще больше.

— Да, — ответила она. — У меня старенький «студебеккер».

Чарли глянул на нее, потом на молодого шофера и поставил тарелку на стойку прямо перед ней.

Из динамика в конце прохода раздалось: «Achtung, meine Damen und Herren!»[8]

Господин Бэйнс пошевелился в кресле и открыл глаза. Через стекло иллюминатора с правой стороны виднелась коричневато-зеленая поверхность земли, а где-то вдали — синева Тихого океана. Он понял, что ракета начинает долгую плавную посадку.

Сперва на немецком, затем на японском, и, наконец, на английском объявили, что нельзя курить и отстегивать ремни безопасности. Посадка продлится восемь минут.

Тормозные двигатели заработали внезапно и с таким оглушительным шумом, что корабль задрожал, и многие пассажиры охнули. Господин Бэйнс улыбнулся, а сидящий с противоположной стороны прохода молодой блондин с короткой стрижкой улыбнулся в ответ.

— Sie furchten, daβ…[9] — начал молодой человек, но Бэйнс перебил его на английском:

— К сожалению, не знаю немецкого.

---

[8] Notes: 8
Внимание, дамы и господа! *(нем.).*

[9] Notes: 9
Они боятся, что… *(нем.).*

Немец вопросительно посмотрел на него, но все же повторил свой вопрос по-немецки.

— Не немец? — наконец изумленно спросил он на ломаном английском.

— Я швед, — ответил Бэйнс.

— Но господин садиться в Темпельхофе.

— Да, я находился в Германии по делам. Моя работа связана с пребыванием во многих странах.

Молодой немец определенно не мог поверить, что в современном мире кто-то, поддерживающий деловые связи с иностранными партнерами и передвигающийся — черт возьми! — в новейших ракетах «Люфтганзы», не умеет или не желает говорить по-немецки. Поэтому он обратился к Бэйнсу:

— Где вы работать, mein Herr?

— В области производства пластмасс. Полистиролы, синтетические смолы. Эрзацы для промышленного применения. Никаких потребительских товаров.

— Швеция иметь промышленность пластмасс? Я не верить.

— Да, и очень неплохую. Если вы оставите мне визитную карточку, я распоряжусь и вам вышлют каталог нашей фирмы. — Бэйнс достал авторучку и записную книжку.

— Нет-нет. Мне очень жаль. Я есть художник, не торговец. Без обид. Быть может, господин иметь возможность видеть мои работы на континент? Алекс Лотце, — представился он и выразительно замолчал.

— Увы, я не знаток современного искусства. Люблю старых довоенных кубистов и абстракционистов. Мне нравится, когда изображение что-то выражает, символизирует, а не только представляет собой идеал, — сообщил Бэйнс и отвернулся.

— Но это есть цель искусства, — запротестовал Лотце, — развивать дух, побеждать чувственность. Ваш абстракционизм демонстрировать упадок духа, как распад плутократия. Международное еврейство и капиталистические миллионеры поддержать декаданс, но эти времена уходить. Искусство развиваться, а не стоять на месте.

Бэйнс кивнул, вглядываясь в окно.

— Господин уже посещать Пацифида? — осведомился Лотце.

— Много раз.

— Я нет. В Сан-Франциско есть выставка моих работ. Организация ведомством доктора Геббельса, договор с японскими властями. Культурный

обмен, взаимопонимания. Добрая воля. Необходимо смягчать напряженность между Запад и Восток, так ли? Должны иметь больше контактов. Здесь помочь искусство.

Бэйнс снова кивнул. Внизу, за пределами огненного кольца, вырывающегося из реактивных сопел, виднелись Сан-Фракциско и Залив.

— Где вы будете питаться в Сан-Франциско? — спросил Лотце. — Мне бронировать номер в отеле «Палас», но я слышать о неплохой еда в международном районе в Чайна-таун.

— Это так, — подтвердил Бэйнс.

— Высоки ли цены в Сан-Франциско? Приходится все рассчитывать в этой поездка. Министерство есть очень скупое, — Лотце рассмеялся.

— Все зависит, по какому курсу вы собираетесь производить обмен. Я полагаю, у вас чеки Рейхсбанка. В таком случае рекомендую воспользоваться услугами Токийского банка на Самсон-стрит и обменять их там.

— Danke zehr, — поблагодарил Лотце. — Я обменять в отеле.

Ракета находилась почти у земли. Уже виднелись летное поле, ангары, паркинги, городские автобаны, жилые дома… «Красивый вид, — подумал Бэйнс. — Горы, вода и полосы тумана над

Золотыми Воротами».

— Что это есть за огромная постройка под нами? — спросил Лотце. — Неоконченная и открытая с одной стороны. Космодром? Я думал, японцы не иметь космические корабли.

— Это бейсбольный стадион «Золотой Мак», — пояснил с улыбкой Бэйнс.

Лотце расхохотался.

— О да, они любят бейсбол. Невероятно! Они начать такой большой постройка для развлечений, для дурацкий спорт…

— Строительство уже завершено, — прервал его Бэйнс. — Это такая характерная форма — открытая. Современное решение. Они им очень гордятся.

— Это смотреться так, как будто проектировать какой-то еврей, — подытожил Лотце, глядя вниз.

Бэйнс внимательно присмотрелся к нему. На какое-то мгновенье ощутил неуравновешенность, некий психопатический изъян немецкого мышления. Действительно ли Лотце так думает? Искренне ли его замечание?

— Надеюсь, мы еще встретиться в Сан-Франциско, — сказал Лотце, когда ракета коснулась земли. — Я огорчаться, если не иметь возможность поговорить с земляком.

— Но я не являюсь вашим земляком, — возразил Бэйнс.

— О да, это так. Но наши расы очень близко. Можно сказать — мы принадлежать к одна раса. — Лотце завертелся в кресле, высвобождаясь от ремней.

«Действительно ли я близок этому человеку в расовом отношении? — думал Бэйнс. — Можно ли утверждать о нашей принадлежности к одной расе? В таком случае во мне заложен такой же психопатический сдвиг. Да, по сути весь наш мир психопатичен. Власть находится в руках безумцев. Как давно нам это известно? Или мы свыклись с этим? И… многие ли об этом знают? Но наверняка не Лотце. Очевидно, если человек отдает себе отчет в том, что ошибается, он уже не пребывает в заблуждении, и процесс выздоровления начинается. Человек пробуждается. Думается, лишь немногие понимают это. К сожалению, не везде и не все. Но широкие массы… они-то что думают? Или сотни тысяч жителей этого города? Считают ли они, что окружающий их мир в норме? Или так же догадываются, и проблески истины доходят до них?

В конце концов, что означает «заблуждающийся?» Всего лишь юридическая формула. В чем

тут дело? Я вижу все и ощущаю, но как на самом деле?

Взять хотя бы то, что они вытворяют. Все — от сплошного неведения. И это их незнание других людей. Абсолютная их нечувствительность по отношению к тому, что они делают с другими, к истреблению, которое они начали и все еще продолжают. Нет. Не то. Я и сам не знаю и лишь что-то ощущаю интуитивно. И все же… они целенаправленно жестоки… не в этом ли суть дела? Нет. Боже. Я ведь не способен дать всему этому определение. Они пренебрегают целыми фрагментами действительности. Верно, но должно быть что-то еще. Их планы. Освоение планет. Безумное, не поддающееся осмыслению, впрочем, так же, как и завоевание Африки, а еще раньше — Европы и Азии».

«А эта их перспектива и, непременно, космических масштабов. Нет ни отдельного человека, ни ребенка, — но всегда существует некая абстракция: раса, страна. Volk. Land. Blut. Ehre[10]. Честь и достоинство — но не отдельных людей, а Land. Для них реальна лишь абстракция, действительность же им неведома.

---

[10] Notes: 10
Народ. Страна. Кровь. Честь *(нем.)*.

Die Güte[11], — но не добрые люди или вот этот добрый человек. Все возникает из ощущения Пространства и Времени. Минуя субстанции «здесь» и «сегодня», они пристально всматриваются в беспредельную тьму вечного будущего. И это оказывает катастрофическое воздействие на всю жизнь. Потому что когда-нибудь, в конце концов, жизни не будет, подобно тому, как некогда существовали лишь рассеянные в Космосе частицы, раскаленный водород и более — ничего. И так будет снова и снова. Теперь лишь пауза, ein Augenblick[12]. Космический процесс неустанно сминает жизнь, создавая гранит и метан, время истекает для всех форм жизни. Все быстротечно. Но эти безумцы тоскуют о том, что безжизненно и вечно, они пытаются помогать природе.

И я знаю, почему! Они желают быть субъектом, а не жертвой Истории. Отождествляя себя с божественной силой, они считают, что они богоподобны. В этом — их самое большое безумие. Они находятся в плену некоего архетипа. Их личность психопатически разбухла настолько, что им уже не ясно, где они, а где — Бог. И это

---

[11] Notes: 11
Доброта *(нем.)*

[12] Notes: 12
Мгновение *(нем.)*

не дерзость и не спесь, а болезненно раздутое до предела собственного воображения *Я*, когда часть и целое переплетены. Не человек — Бога, а Бог поглотил человека.

Они просто не в состоянии постичь сути человеческой беспомощности. Я слаб и ничтожен и ровным счетом ничего не значу во Вселенной. Мирозданию неведомо о моем существовании, я живу невидимкой. Ну и что, казалось бы, в этом плохого? Не к лучшему ли это — как есть на самом деле? Ведь те, кто отмечены богами, ими же уничтожаются. «Будь ничтожен — и ты избегнешь зависти великих».

Отстегивая ремни, Бэйнс заявил:

— Господин Лотце, забыл вам сказать. Я еврей. Вы меня поняли?

Лотце посмотрел на него с испугом.

— Догадаться об этом невозможно, — продолжал Бэйнс, — поскольку в моем облике нет ничего семитского. Я изменил форму носа, высветлил химическим составом кожу и чуть подправил форму черепа. В общем, исходя из внешних признаков изобличить меня невозможно. Я могу, и часто, к вашему сведению, это делаю, вращаться в высших нацистских кругах и не опасаться, что кто-нибудь когда-нибудь меня разоблачит.—

Тут он приблизился к Лотце и сказал ему тихо, чтобы слышал только он. — И таких нас — много. Слышите? Мы не погибли. Мы живы. Но мы невидимы.

— Служба безопасности… — после минутного молчания выдохнул Лотце.

— Да, — согласился Бэйнс, — СД может затребовать мое личное дело. Вы можете донести, однако имейте в виду: у меня весьма могущественные покровители. И среди них — арийцы и евреи, занимающие высокие посты в Берлине. Ваш донос отправят в мусорную корзину, а потом я донесу на вас. И, благодаря моим связям, вас подвергнут превентивному аресту. — Бэйнс улыбнулся, кивнул на прощание и присоединился к покидающим ракету пассажирам.

Все сошли по рампе на холодное и промозглое летное поле. Уже внизу, спустя какую-то минуту, Бэйнс снова оказался рядом с Лотце.

— Откровенно говоря, — сказал Бэйнс, следуя за немцем, — не нравится мне, господин Лотце, ваша рожа. Все-таки придется донести на вас.

И он ускорил шаг, опережая немца.

В конце летного поля у входа в аэропорт их ожидала шумная толпа встречающих. Родственники и друзья пассажиров махали в приветствии

руками, поднимались на цыпочки и возбужденно-весело скользили взглядами по лицам прибывших. Крупный пожилой японец в элегантном английском плаще, остроносых «оксфордах» и котелке стоял чуть впереди встречающих в обществе молодого японца. На лацкане его плаща поблескивал значок всемогущей Императорской Торговой Миссии. «Это он! — подумал Бэйнс. — Господин Тагоми обеспокоил себя, дабы лично поздравить меня с прибытием».

— Герр Бэйнс?! — воскликнул японец, делая несколько шагов вперед и нерешительно кланяясь.

— Добрый вечер, господин Тагоми, — проговорил Бэйнс.

Они обменялись рукопожатием, а затем и поклонами. Сияющий молодой японец тоже поклонился.

— На открытом поле довольно прохладно, — сказал господин Тагоми. — Мы направимся в центр на вертолете Миссии. Может быть, вы чего-нибудь желаете?.. — Господин Тагоми заботливо глянул в лицо гостя.

— Мы можем отправляться немедленно, — ответил Бэйнс. — Я бы хотел зарегистрироваться в отеле. Мой багаж…

— Им займется господин Котомичи, — перебил его Тагоми. — Он доставит багаж позже. Видите ли, в этом аэропорту почти час уходит на получение вещей. Дольше, чем продолжается полет.

Господин Котомичи вежливо улыбнулся.

Бэйнс не возражал.

— Я бы хотел вручить вам небольшой сувенир, господин Бэйнс, — сказал господин Тагоми.

— Сувенир? Но зачем? — удивился Бэйнс.

— В надежде снискать вашу благосклонность. — Господин Тагоми опустил руку в карман плаща и извлек небольшую коробочку. — Я выбрал это из лучших образцов американского искусства, представленных на рынке.

— Ну что ж, благодарю вас, — проговорил Бэйнс, и взял коробочку.

— Специалисты вели поиски во всех южных странах. И оказалось, что это действительно имеет отношение к исчезающей старой американской культуре, — редчайший, чудом сохранившийся экземпляр, окутанный аурой минувших золотых времен.

Господин Бэйнс открыл коробочку. На черном бархате лежали часики с Микки Маусом.

«Шутит этот Тагоми, что ли? — Бэйнс поднял глаза и увидел его напряженное и обеспокоенное

лицо. — Нет, это не шутка».

— Не знаю, как и благодарить вас, — сказал он. — Невероятно.

— Во всем мире остались лишь считанные единицы, наверное, не больше десятка экземпляров подлинных часиков с Микки Маусом выпуска 1938 года, — сообщил господин Тагоми, пристально всматриваясь в гостя и ожидая восторженной реакции с его стороны. — Никто из коллекционеров, известных мне, не располагает ничем подобным.

Они вошли в здание аэровокзала и начали подниматься.

— Harusame nu nuretsutsu yan no temari kana, — раздался у них за спиной голос господина Котомичи.

— Что он сказал? — спросил Бэйнс господина Тагоми.

— Старинное стихотворение, — ответил тот. — Средневековье, Токугава.

— Весенний ливень. Мокнет на крыше тряпичный детский мячик, — продекламировал по-английски господин Котомичи.

4

Фрэнк Фринк наблюдал за бывшим работодателем, ковыляющим по коридору к главному производственному цеху Компании «У М», и думал: «Странно, ведь Уиндэм-Матсон совершенно не похож на владельца фабрики, он напоминает вымытого остриженного и выбритого пьяницу, которому для начала сделали витаминную инъекцию, выдали новую одежду и пять долларов, чтобы тот начал новую жизнь. У старика какой-то неуверенный, нервный, ну, прямо-таки вечно виноватый вид, — будто все вокруг — потенциальные враги, более могущественные, чем он сам, и поэтому он старается умилостивить их, вкрасться к ним в доверие. «Мы все уладим», — казалось, говорил весь его облик.

Однако старина У-М все еще силен. Он владеет контрольным пакетом акций различных предприятий. Не говоря уже о недвижимости и магазинах Компании «У-М».

Идя за стариком, Фринк толкнул большие металлические двери главного производственного цеха. Шум механизмов, который он слышал ежедневно в течение стольких лет, люди и машины,

воздух, наполненный пылью, движением, световыми вспышками. Старик уже входил в цех. Фринк ускорил шаг.

— Приветствую вас, господин У-М! — вскричал он.

Старик задержался возле лохматого мастера, которого звали Эд Мак-Карти. Оба смотрели на приближающегося к ним Фринка.

— Мне очень жаль, Фрэнк, — проговорил Уиндэм-Матсон, нервно облизывая губы, — но я не могу принять тебя назад. Я уже взял другого человека на твое место, — думал, ты не вернешься после всего, что мне наговорил. — В его кругленьких глазках блеснула знакомая Фринку детская страсть к вранью. У старика она в крови.

— Я пришел за своими инструментами, — заявил Фринк. — Только и всего. — Голос его, как он с удовольствием отметил, звучал твердо и даже жестко:

— Гм-м, там видно будет, — неуверенно буркнул У-М, показывая тем самым, что его не слишком-то интересуют эти инструменты. — Я думаю, это по твоей части, — обратился он к Эду. — Займись-ка Фрэнком, а у меня есть другие дела. — Он взглянул на карманные часы. — Ну хорошо, Эд. Поговорим об этих фактурахпозже. Мне уже надо

бежать. — Он похлопал Эда по плечу и, не оглядываясь, засеменил дальше.

Эд Мак-Карти и Фринк остались вдвоем,

— Ты хотел бы вернуться на работу?

— Да, — признался Фринк.

— Я всегда гордился тобой.

— Я тоже, — сказал Фринк. — Однако теперь-то уж мне работы нигде не найти. — Он ощущал себя подавленным, попавшим в безвыходное положение. — Да ты и сам это понимаешь.

— Не знаю, что и сказать. В литейном деле лучше тебя не сыщешь на всем Побережье. Я помню, как ты проворачивал все дела за какие-то пять минут, включая и первую отделку. Не говоря уже о сварке…

— Да, будет тебе, какой из меня сварщик, — сказал Фринк.

— А ты никогда не думал обзавестись собственным делом?

— И чем бы я стал заниматься? — от неожиданности Фринк запнулся.

— Ювелирными украшениями.

— Ради бога, не говори ерунды.

— Оригинальные изделия на заказ, а не серийная дешевка. — Мак-Карти увел его в угол цеха, подальше от шума. — За две тысячи зеленень-

ких ты сможешь оборудовать рабочее место в какой-нибудь пивной или в гараже. Когда-то я занимался разработкой сережек и подвесок. Да ты, наверное, помнишь, — такие современные.

Достав клочок бумаги, он принялся не спеша и вдумчиво рисовать.

Заглянув ему через плечо, Фринк увидал набросок браслетика с абстрактным узором из плавных линий. Будет ли спрос на это? Ранее ему доводилось видеть лишь предметы традиционного искусства, антикварные вещи — старину. Никто со времен войны не интересуется предметами современного американского искусства.

— Ну так сам создай спрос! — зло посоветовал Мак-Карти.

— Мне, что же, не хватает самому торговлей заняться?

— Поставляй в магазины. В такие, например, как этот… как же он называется? Такой большой фешенебельный магазин на Монтгомери-стрит…

— «Американские Художественные Ремесла», — сказал Фринк. — Мне еще никогда не доводилось посещать такие дорогие модные магазины, да и большинству американцев, уверен, их ассортимент не по карману. Только японцы с их деньгами могут захаживать туда.

— Тебе известно, чем торгуют такие магазины? — спросил Мак-Карти. — И на чем там делают деньги? На дрянных серебряных пряжках для поясов, сделанных индейцами из Нью-Мексико. На паршивой дешевке для туристов. Как же, «местная экзотика».

Фринк пристально посмотрел на Эда.

— Я знаю, что там еще продается.

— И я тоже, — признался Мак-Карти.

Они знали, потому что уже давно и непосредственно со всем этим были связаны.

Компания «У-М» официально занималась производством лестниц, перил, каминных решеток и украшений из кованого железа для новых домов, а также их поставкой массовыми партиями и по стандартным чертежам. Для нового здания на сорок квартир, к примеру, изготовлялся один и тот же предмет в сорока экземплярах. Официально компания «У-М» числилась предприятием металлообрабатывающего профиля, чем-то вроде большой кузницы. Однако здесь прокручивались и другие, побочные, так сказать, дела, которые и приносили ей основную прибыль.

С помощью разнообразных сложных инструментов, материалов и оборудования компания «У-М» осуществляла подделку различных

предметов антиквариата, которые со всеми полагающимися предосторожностями и вполне профессионально переправлялись в оптовую торговлю произведениями искусства, где и растворялись в море подлинников, собранных со всего континента. Так же, как и в торговле значками и монетами, никто не смог бы с точностью определить процент таких фальшивок на рынке. И никто, а тем более торговцы, да и сами коллекционеры, не пытались это выяснить.

Когда Фринк оставлял работу, на его верстаке лежал недоделанный «Кольт» времен Дикого Запада. Он собственноручно изготовил формы, произвел отливку и уже работал над ручной доводкой. Спрос на оружие ближнего боя времен гражданской войны и завоевания Дикого Запада по-прежнему оставался высоким. Компания «У-М» реализовывала столько товара, сколько Фринк успевал сделать. Это и было его специальностью.

Фринк медленно подошел к своему станку и взял в руки еще неотполированный шомпол для револьвера. Еще три дня — и оружие готово. «Неплохая работа, — подумал он. — Эксперт, пожалуй, и отличит подделку, но коллекционеры-японцы не считаются здесь знатоками, они не имеют ни

собственной точки зрения, ни материала для сравнения».

Им и в голову не приходило задаться вопросом, являются ли предметы купли-продажи в магазинах Западного Побережья подлинниками. Возможно, когда-нибудь они и проявят интерес… и тогда мина взорвется, а спрос упадет даже на подлинники. Согласно закону Грэхема, подделки сбивают цену подлинников. Несомненно, тут кроется причина умолчания во всех этих делах. В конечном-то счете довольными оставались все. Заводики в разных городах, производящие подобные предметы, исправно приносили устойчивую прибыль. Оптовики распространяли товар, торговцы в розницу охотно его выставляли и рекламировали, а счастливые коллекционеры тащили «бесценные» покупки домой и приводили в изумление коллег, соседей и подружек.

Подобно послевоенным бумажным деньгам, антиквариат продолжал оставаться в цене до тех пор, пока она не подвергалась сомнению. Ложь еще никому не наносила и не нанесет ущерба до самого Судного дня. А тогда все так или иначе потеряет всякую цену. Но пока никто об этом не вспоминал; даже те, кто кормился от реализации предметов «старины», старались не думать о том,

чем занимаются, сосредоточивая основное внимание на чисто технической стороне вопроса.

— Когда ты перестал проектировать оригинальные предметы? — спросил Мак-Карти.

Фринк пожал плечами.

— Да уже много лет назад. Мне чертовски хорошо удавались копии, однако…

— Знаешь, о чем я думаю? Даже тебя заразила гитлеровская пропаганда. Ты поверил в неспособность евреев творить, они, мол, могут лишь торговать и посредничать. — Мак-Карти устремил на Фринка немигающий взгляд.

— Может, и так, — признался Фринк.

— А ты попробуй. Сделай какой-нибудь оригинальный узор. Или начни работать непосредственно по металлу. Развлекись. Вспомни детство.

— Нет.

— Тебе недостает уверенности, Фрэнк. Ты полн стью утратил веру в собственные силы. Очень жаль, уж мне-то хорошо известно, сколь многое от этого зависит. — Мак-Карти отошел от станка.

«Действительно, очень жаль, — думал Фринк. — Жаль, но это факт. Я не могу заставить себя уверовать в собственные силы, только лишь потому, что это необходимо.

Этот Мак-Карти — чертовски хороший мастер. Он способен пришпорить человека, спровоцировать его на максимальные усилия, заставить выложиться полностью, даже вопреки желанию. Он — прирожденный руководитель: минуту назад он почти что убедил меня. Но сегодня Мак-Карти отступился, его уговоры не подействовали.

Жаль, что при себе нет гадательной книги. Я бы посоветовался с ней, обратился бы к ее опыту, опыту глубиною в пять тысяч лет». И вдруг он вспомнил, что экземпляр «И-чинг» находится в бюро Компании «У-М», и во всю прыть помчался по коридору, соединяющему цеха с Дирекцией.

В холле он уселся в металлопластиковое кресло и записал вопрос на обратной стороне конверта: «Согласиться ли мне на предложение заняться самостоятельно творчеством?» И приступил к гаданию, — на этот раз используя монетки.

В нижней линии выпала семерка, во второй и третьей — тоже. Отсюда получилась нижняя триграмма: «Ч'иен». Доброе предзнаменование; «Ч'иен» означало творческую силу. Затем четвертая линия — восемь. «Инь». Пятая линия, тоже восьмерка. «Боже Всемогущий! — подумал он с воодушевлением. — Еще одна линия «Инь», — и

я получу одиннадцатую гексаграмму, — «Т'аи» — «Мир». Очень благоприятное решение». Или… Когда он встряхивал монетки; руки тряслись: линия «янь» и двадцать шестая гексаграмма, «Та ч'у»> — «Великий Насыщатель». Оба знака — благоприятны, должен выпасть один из них. Он подбросил три монетьь «Инь». Шестерка. Итак, «Мир».

Он раскрыл книгу и прочитал пророчество:

> Мир. Низменное уходит, приближается великое.
>
> Везение. Успех.

Итак, ему нужно последовать совету Эда Мак-Карти. Основать свое, пусть небольшое, дело. А теперь еще:

шестерка вверху — единственная подвижная линия. Он перевернул страницу. Что скажет текст? Он не помнил наизусть, но это должно быть нечто благоприятное, потому что вся гексаграмма весьма благосклонна: соединение Неба и Земли. Однако первая и последняя линии всегда находятся вне гексаграммы. Поэтому шестерка — наверху… Его взгляд мгновенно нащупал нужный текст:

Стена обрушилась в ров. Не выступай с оружием,
Но поддерживай порядок в городе.
Ты поступаешь правильно,
Однако тебе не избежать обвинений.

— Клянусь моим натруженным горбом! — выдохнул он потрясенно, а затем прочитал комментарий:

Изменение, предсказанное половиной гексаграммы, начинается.
Городские стены, обрушившись, засыпают рвы.
Приближается час поражения.

Несомненно, самая зловещая из трех тысяч линий, заключенных в книге. Но пророчество все же благоприятное.

Чем он должен руководствоваться?

Каким образом приговоры судьбы оказались столь противоречивыми? Никогда еще у него не случалось такого: удача и поражение переплелись в предсказании гадательной книги; странный приговор судьбы — Оракул, будто безумный повар, зачерпнул со дна котла и извлек оттуда всевозможную дрянь, но потом одумался

и щедро одарил его светом. «Будто сразу я нажал на две клавиши, — пришло Фринку в голову сравнение, — механизм заело, отсюда и этот искаженный образ реальности…»

«Черт возьми! Должно ведь быть что-то одно, — думал он. — Нельзя же одновременно победить и быть побежденным».

А, может быть… возможно?

Ювелирное дело принесет успех, — предсказание имело в виду именно это. Но вот та самая линия, — будь она проклята! — должна относиться к чему-то, несомненно, более глубокому, — к какой-то грядущей катастрофе, отнюдь не связанной с производством ювелирных изделий. Это — злой рок, подстерегающий меня, что бы я ни делал…»

«Война… — предположил он. — Третья мировая. Водородные бомбы сыплются градом. Все два миллиарда людей уничтожены. Цивилизация стерта с лица Земли.

Ой, гевалт![13] Что ж это делается? Неужели я привожу в действие всю адскую машину? Или же некто, совершенно неведомый, строит мне козни? А может быть, мы все, вместе взятые?

---

[13] Notes: 13
Бардак (евр.).

Проклятые физики с их теорией синхронности: каждая частица связана с остальными, стоит только пукнуть, — и равновесие мироздания нарушится. В таком случае жизнь становится одним большим анекдотом, ибо нет более ничего, на что стоило бы отважиться. Я открываю книгу и получаю отчет о таких надвигающихся событиях, которые даже Господу Богу хотелось бы сдать в архив и вытравить из памяти. Кто я такой? Одно могу сказать точно: все это — не по мне.

Придется забрать инструменты, взять у Мак-Карти двигатели и собрать станок, а потом запустить-таки свое жалкое дельце, невзирая на зловещие линии судьбы. До самого конца я должен творить так хорошо, как только смогу, пока «стены не обрушатся во рвы» и не погребут под обломками нас всех, все человечество. Это и есть то, о чем хотела сообщить мне гадательная книга. Рано или поздно злой рок всех нас отправит на эшафот. Но до того, как это случится, я обязан делать свое дело — работать головой и руками.

Предсказание касалось только меня и моего дела, но одна линия говорила обо всех нас.

Я слишком мелкая сошка. Мне суждено лишь прочитать предначертанное, а затем, склонив голову, продолжить как ни в чем не бывало свой

путь; предсказание не означает необходимости выскочить на улицу и начать вопить, привлекая всеобщее внимание.

Способен кто-либо хоть что-нибудь здесь изменить? Все вместе… или один, но великий человек… или некто, занимающий ключевой пост, в определенное время и в нужном месте? Счастливый случай, просто вероятность. И от этого зависит будущее всех нас и мира…»

Фринк захлопнул книгу, вышел из холла и побрел в цех. Завидев Мак-Карти, жестом отозвал его в сторону, с тем чтобы возобновить прерванный разговор.

— Чем дольше я размышляю, тем больше мне нравится твоя идея, — начал Фринк.

— Вот и ладно, — ответил Мак-Карти. — А теперь я тебе все подробненько растолкую. Неплохо бы вытянуть побольше деньжат из этого Уиндэма-Матсона. — Он выразительно подмигнул. — Я придумал, как это провернуть. Я тоже уволюсь и стану твоим компаньоном. Со своими проектами, понял? Не вижу в этом ничего плохого. Я ведь знаю, как они хороши.

— Само собой, — согласился слегка ошарашенный Фринк.

— Вечером после работы встретимся, — сказал

Мак-Карти. — У меня дома. Если придешь к семи, то и поужинаешь с нами, — конечно, если высидишь за одним столом с детишками.

— Хорошо, — сказал Фринк.

Мак-Карти хлопнул его по плечу и удалился.

«Как много изменилось за последние десять минут», — воодушевленно думал Фринк. Страха он уже не ощущал.

Все произошло так внезапно. Он подошел к верстаку и начал собирать инструменты. Хотя обычно так и бывает, если подворачивается подходящий момент…

«Я ждал этого всю жизнь. Если пророчество сообщает, что ты должен чего-то добиться, — а речь идет именно об этом — наступил твой самый благоприятный час. Итак, посмотрим, что же это за момент? Шестерка вверху в одиннадцатой гексаграмме все меняет и ведет к двадцать шестой гексаграмме — «Великому Насыщателю». «Инь» превращается в «янь», линия приходит в движение, и возникает совершенно новая ситуация. А я, выведенный из равновесия, так и не заметил этого! Готов поспорить, роковая линия потому вше и выпала, что от одиннадцатой гексаграммы можно перейти к двадцать шестой только этим единственным способом! И нет никаких причин

делать со страху в штаны».

И все же, несмотря на прилив оптимизма, мысль об этой линии не оставляла его.

«Так или иначе, — думал он с иронией, — до семи вечера нужно выбросить все из головы, будто ничего и не произошло. Появилась надежда. Эта встреча с Эдом очень важна. Чувствуется, что у него есть какая-то капитальная идея. И этот шанс я не упущу.

Сейчас я ноль без палочки, но если дело выгорит, возможно, мне удастся вернуть Юлиану Теперь я знаю, что ей нужно: она хотела бы стать женой всеми почитаемого человека, а не какого-то ничтожества. Когда-то, еще до войны, мужчины оставались мужчинами, но теперь — увы! — это уже история.

Нет ничего удивительного в том, что ее бросает с места на место, от одного мужчины к другому, и ищет онаневесть что. Но что это — я теперь знаю и, благодаря нашему с Мак-Карти делу, что бы там, черт побери, ни пришлось вытворять, — она получит то, что ей необходимо».

Роберт Чилдан закрыл магазин на обеденный перерыв. Обычно он перекусывал в баре напротив, стараясь не оставлять лавку более чем на полчаса. Однако сегодня он вернулся уже через

двадцать минут.

Может, стоит отказаться от посещений клиентов, а все дела обговаривать прямо в магазине?

Ухлопать два часа на показ образцов. Это уж слишком! В итоге — с дорогой и сборами — все четыре часа, магазин уже и открывать не стоит. Потратить полдня и продать одну-единственную вещицу — часики с Микки Маусом!.. Вещь, конечно, дорогая, но все же… Он отомкнул двери магазина и, оставив их широко распахнутыми, подошел к вешалке повесить плащ. Вернувшись, увидел клиента. Белый. «Ну что ж, — подумал он, — сюрприз».

— Мое почтение, — проговорил Чилдан с легким поклоном. «Наверняка пинок. Худощавый, модно одетый брюнет. Однако держится не слишком-то уверенно: лоб слегка вспотел».

— Добрый день, — ответил посетитель, оглядываясь на витрины. Затем неожиданно приблизился к прилавку, опустил руку в карман и извлек блестящий кожаный кошелечек с разноцветными, искусно оформленными визитными карточками.

Императорский герб с военными регалиями. Военно-морской флот. Адмирал Харуши. Чилдан с почтительным видом рассматривал визитку.

— Адмиральский корабль, — пояснил гость, — в настоящее время стоит на якоре в Заливе Сан-Франциско. Авианосец «Сёкаку».

— Ах, вот как.

— На Западном Побережье адмирал Харуши впервые, — продолжал клиент. — И самое горячее его желание — лично посетить ваш магазин. На родине он много слышал об «Американских Художественных Ремеслах».

Польщенный Чилдан поклонился.

— Однако, — продолжал гость, — ввиду огромной занятости адмирал не может посетить ваше почтенное заведение и поэтому прислал меня. Я его ординарец.

— Адмирал — коллекционер? — осведомился Чилдан, в то время как мысли его лихорадочно работали.

— Адмирал — большой любитель искусства. И хотя он знаток, но — не коллекционер. Он ищет что-либо в подарок. Короче говоря, адмирал хочет сделать всем офицерам корабля памятные ценные подарки, — например, оружие ближнего боя времен легендарной Гражданской войны. — Гость на мгновение умолк. — На корабле двенадцать офицеров.

«Двенадцать револьверов времен Гражданской

войны, — подсчитывал Чилдан. — Стоимость покупки составит почти десять тысяч долларов!» Он ощутил охватившее его приятное волнение.

— Нам хорошо известно, — продолжал между тем гость, — в вашем магазине имеются такие раритеты американской истории. Увы, слишком быстро уходящей в небытие.

Очень осторожно подбирая выражения, — такую удачу ни в коем случае нельзя упускать, — ни одной фальшивой ноты! — Чилдан сказал:

— О да, это так! Мой магазин располагает наиболее полным на Западном Побережье набором оружия времен Гражданской войны. Я счастлив услужить адмиралу. Могу ли я доставить на борт «Сёкаку» свою коллекцию? Может, прямо сегодня, во второй половине дня?

— Нет, — ответил гость, — я осмотрю оружие на месте.

«Двенадцать. — Чилдан снова мысленно подсчитывал. — Двенадцатью он сейчас, конечно же, не располагает. Едва ли тремя. Однако, при известном везении, по разным каналам за неделю можно подсобрать требуемое количество. Например, доставить воздушным экспрессом с Востока. Или поспрашивать у местных оптовиков».

— Господин лично разбирается в таком ору-

жии? — вежливо осведомился Чилдан.

— Постольку-поскольку, — ответил гость. — У меня небольшая коллекция огнестрельного оружия, включающая и миниатюрный пистолет в виде костяшки домино 1840 года.

— Исключительный, уникальнейший экземпляр, — подтвердил Чилдан, отходя к сейфу за оружием для ординарца адмирала Харуши. Возвратившись, он застал клиента уже заполняющим чек. Гость прервал свое занятие и сообщил:

— Адмирал намерен заплатить с лихвой. Депозит в размере пятнадцати тысяч долларов ТША.

Чилдан почувствовал, как земля уходит из-под ног. Однако ему удалось овладеть собой и даже придать голосу оттенок легкой скуки.

— Как вам будет угодно. Это вовсе не обязательно, — обычная в таких делах формальность. — Он поставил на прилавок коробку из кожи и фетра и пояснил:

— Это редкий экземпляр «Кольта-44» образца 1860 года. — Он открыл коробку. — Заряжается черным порохом и пулями. Состоял на вооружении армии США. С этими кольтами парни в голубых мундирах принимали участие во втором сражении под Булль-Ран.

Гость с минуту осматривал оружие и, подняв

глаза, проговорил:

— Простите, но это имитация.

— Как вы сказали? — спросил Чилдан, ничего не понимая.

— Этой вещи не более полугода. Ваш товар — подделка. Я глубоко огорчен. Вот, посмотрите сюда, на рукоятку. Она искусственно состарена путем воздействия кислоты. Очень жаль. — Он отложил оружие в сторону.

Чилдан взял «Кольт» обеими руками. Он растерялся и не находил, что сказать. Повертев револьвер, наконец, смог выдавить:

— Но это невозможно…

— Револьвер — не более чем имитация подлинного образца исторического оружия. Боюсь, вас обманул какой-то бессовестный человек. Вы должны сообщить в полицию. — Гость поклонился. — Это меня весьма огорчает. Другие предметы продажи в вашем магазине также могут оказаться подделками. Возможно ли такое, — владелец магазина — человек, специализирующийся на торговле предметами старины, — не может отличить фальшивки от подлинника?

Мертвая тишина.

Гость смахнул с прилавка не заполненный чек, спрятал его в карман и поклонился:

— Очень жаль, но я — увы — не смогу иметь дел с «Американскими Художественными Ремеслами». Адмирал Харуши будет разочарован. Я думаю, вы понимаете, в какое положение меня поставили.

Чилдан не отрываясь смотрел на оружие.

— Прошу прислушаться к моему ненавязчивому совету и нанять эксперта для оценки этих образцов. Ваша репутация… я уверен, да вы и сами понимаете.

— Если бы уважаемый господин смог… — выдохнул Чилдан.

— Можете быть спокойны. Я никому ни о чем не скажу. Адмиралу доложу, что интересующий его магазин, к сожалению, закрыт. В конце концов, — гость задержался в дверях, — мы ведь оба белые. — Он поклонился еще раз и вышел.

Чилдан остался стоять с револьвером в руках. «Это невозможно, — Думал он. — Хотя и похоже на равду. Боже мой! Я раздавлен. Упустил выгоднейшую сделку — на целых пятнадцать тысяч долларов. А как же с его репутацией, если все выплывет наружу? Если ординарец адмирала Харуши не сдержит своего слова?»

«Я покончу с собой, — решил он. — Все потеряно. Жить больше незачем… Но, с другой стороны,

этот человек мог и ошибиться.

А может, он намеренно соврал?

Ведь мог же он быть подослан, хотя бы «Американской Стариной». Или тем же «Западным Салоном Искусств».

В конечном счете, конкуренты способны и не на такое.

Оружие, несомненно, подлинное».

«Но как это проверить? — Чилдан лихорадочно размышлял. — Ага, вот оно! Отдам-ка я оружие на криминалистическое исследование в лабораторию Калифорнийского университета. С кем-то я там знаком. Нечто подобное как-то уже случалось, — вспомнил: имитация старого штуцера!»

Он тотчас же связался с одним из транспортных агентств и попросил прислать посыльного. Упаковав револьвер, принялся за составление записки в университетскую лабораторию с просьбой определить возраст оружия и срочно сообщить результат экспертизы по телефону.

Вскоре посыльный прибыл. Чилдан вручил ему письмо, сверток и попросил воспользоваться вертолетным маршрутом. Посыльный ушел, а Чилдан принялся мерять шагами комнату. И ждать… ждать…

Наконец, в три часа раздался звонок.

— Господин Чилдан, — услышал он голос, — вы заказывали нам экспертизу армейского «Кольта» образца 1860 года. — Пауза. Чилдан в напряжении стиснул трубку. — Я зачитаю вам лабораторное заключение. «Представленный на экспертизу экземпляр — имитация. «Кольт» целиком отлит, за исключением деревянных частей, в пластмассовой форме. Серийный номер — фальшивый. Сплав, из которого изготовлен ствол, не подвергался закалке цианидами. Деревянная и металлическая части поверхности обработаны современными скоростными методами; оружие искусственно состарено с целью придания ему вида предмета, продолжительное время находившегося в эксплуатации».

— Но человек, который принес мне его для оценки… — сдавленно пробормотал Чилдан.

— Можете сообщить, что его обманули. Причем сделали это весьма ловко и, несомненно, профессионально… Видите ли, подлинное оружие действительно имеет детали с голубоватым отливом. Добиться подобного результата можно, поместив оружие в резервуар с кожаными лоскутами, который наполняли цианидами и затем нагревали. Сегодня такой процесс слишком трудоемок. Однако при изготовлении данного

экземпляра использовалось новейшее оборудование. Мы обнаружили частицы различных сплавов, применяющихся при полировке и доводке. Некоторые из них довольно любопытны. Мы не в состоянии привести вам доказательств, однако располагаем сведениями о существовании хорошо налаженного производства, осуществляющего выпуск подобных подделок. И так оно, по-видимому, и есть, поскольку нам уже приходилось проводить подобного рода исследования.

— Нет, — повысил голос Чилдан. — Это не может быть правдой! Я говорю с полной уверенностью. — Голос его срывался. — Кому-кому, а мне бы об этом стало известно! Или вы думаете, я прислал вам этот предмет случайно? Я заподозрил в нем подделку, благодаря моему многолетнему опыту. Это розыгрыш. — Он замолчал, чтобы отдышаться. — Признателен вам за подтверждение моих подозрений. Прошу прислать счет. Еще раз благодарю вас, — сказал он и повесил трубку.

Главное сейчас — установить, каким путем попало к нему оружие. Интересно, откуда оно взялось? Кто всучил его? Он извлек регистрационные книги.

Оружие поступило, как быстро удалось выяснить, от одного из крупнейших в Сан-Франциско

оптовиков: «Рэй Кэлвин и Ко», Ван Несс-стрит. Он снял трубку.

— Я хочу поговорить с господином Кэлвином, — сказал Чилдан, уже почти спокойно.

— Слушаю, — голос, очевидно, принадлежал человеку, которого оторвали от дела.

— Боб Чилдан, «Американские Художественные Ремесла», Монтгомери-стрит. Рэй, у меня деликатное дело. Нам необходима встретиться и поговорить тет-а-тет: в вашем бюро или где-либо еще. Прошу вас, выслушайте меня, это в ваших же интересах! — он почти что рычал в трубку.

— Согласен, — сказал Рэй Кэлвин,

— Прошу не распространяться о нашем разговоре. Помните: дело абсолютно конфиденциальное.

— Как насчет четырех?

— Меня это устраивает, — ответил Чилдан. — У вас в бюро. До встречи. — Он с такой силой швырнул трубку, что аппарат слетел на пол. Он поднял его и поставил на место.

Времени оставалось полчаса — целых полчаса на то, чтобы в беспомощном ожидании вышагивать из угла в угол. Что делать? Идея! Он позвонил в местную редакцию токийской «Геральд».

— Господа, — проговорил он, — мне необходима

информация о том, находится ли сейчас в порту авианосец «Сёкаку» и если да, то надолго ли. Буду весьма признателен уважаемой редакции за эту информацию.

Минута томительного ожидания, и он услышал смеющийся женский голос:

— По данным нашей картотеки, авианосец «Сёкаку» в настоящее время находится на дне океана в районе Филиппин. Он потоплен американской подводной лодкой в 1945 году. Можем ли мы еще чем-нибудь помочь вам? — определенно, в редакции по достоинству оценили дурацкий розыгрыш.

Чилдан положил трубку. Авианосца «Сёкаку» уже семнадцать лет, как не существует. Так же, как и адмирала Харуши. Незнакомец оказался обманщиком. Но все же…

Все же он сказал правду. «Кольт» — поддельный.

Однако какого-либо смысла в происшедшем Чилдан не видел.

Возможно, этот человек авантюрист, любой ценой стремящийся монополизировать торговлю оружием времен гражданской войны? Но ведь только эксперт мог так быстро установить подделку.

Да, только специалист мог определить фальшивку. И не просто коллекционер, а кто-то из наших.

Чилдан почувствовал некоторое облегчение: таких, к счастью, мало. Дело наружу не выплывет.

Не обращать внимания?

Он задумался. Нет. Нужно все хорошенько расследовать. Во-первых, потребовать возврата денег и взыскать с Кэлвина отступные. И отослать имеющееся в наличии оружие на экспертизу.

А если окажется, что среди них — фальшивки?

Да, дело непростое.

«Одно несомненно, — заключил он, ощущая прилив решимости. — Надо идти к Кэлвину и поговорить с ним с глазу на глаз. Потребовать установить источник поступающих фальшивок. Может, тот и ни при чем. А если — иначе? В любом случае, он скажет, что, мол, еще одна подделка, и у него больше ничего не купят.

Кэлвину все же придется покрыть издержки, — решил Чилдан. — Если же он не согласится, свяжусь с другими розничными торговцами и все им расскажу. Это подорвет его репутацию. Почему только я должен нести убытки и рисковать своим именем? Я готов повторить всем тем,

кто за это отвечает. Пусть сами таскают каштаны из огня.

Однако необходимо сохранить происходящее в глубокой тайне. Все должно остаться между нами».

5

Телефонный звонок Рэя Кэлвина застал Уиндэма-Матсона врасплох. Сначала он вообще не мог сообразить, о чем идет речь, — отчасти из-за того, что Кэлвин говорил очень быстро, а отчасти потому, что было полдвенадцатого ночи, и Уиндэм-Матсон в своих апартаментах в отеле «Муромахи» принимал даму.

— Послушай-ка, приятель, — сказал Кэлвин. — Мы возвращаем всю последнюю партию. Я вернул бы и остальное, но за это, к сожалению, уже заплачено. Дата возврата — восемнадцатое мая.

Уиндэм-Матсон, естественно, потребовал объяснений.

— Это все — жалкие подделки, — сказал Кэлвин.

— Но ты же знал об этом, — Уиндэм-Матсон изумился. — Послушай, Рэй, тебе ведь с самого начала было известно, что к чему. — Он оглянулся: девушки в комнате не было, наверное, она вышла в ванную.

— Я-то знал, что это подделки, — сказал Кэлвин. — Речь не о том. Я говорю тебе, что они бездарные. Мзня не касается, в действительно-

сти ли револьвер, присланный тобой, — времен гражданской войны. Я желаю только, чтобы этот «Кольт-44» соответствовал описанию в каталоге. Слушай, ты знаешь, кто такой Роберт Чилдан?

— Да. — В голове что-то вертелось, однако ему никак не удавалось увязать услышанное имя с человеком. Какая-то важная особа.

— Сегодня он зашел ко мне в бюро и рассказал многое. Я звоню тебе отсюда, а ке из дому. Мы все еще обсуждаем происшедшее. Он алой, как сто чертей. Правда-правда. Так вот, пришел к нему какой-то важный клиент — то ли японский адмирал, то ли его посыльный. Чилдан упоминал о заказе на сумму в двадцать — тысяч долларов, хоть это наверняка не так. Как бы там ни было, японец действительно посетил его магазин, и оснований сомневаться в этой истории у меня нет. Клиент уже выписывал чек, но, взглянув на один из «кольтов» вашего производства, мгновенно узнал подделку. Убрал чек в карман и ушел. Так что ты на это скажешь?

Уиндэм-Матсон не знал, что говорить. У него сразу же мелькнула мысль: это работа Фринка и Мак-Карти. Они ему уже грозились наделать неприятностей, и вот они начались. У-М только не мог понять, как им это удалось; рассказ Кэлви-

на не отличался связностью.

У-М по-настоящему ощутил суеверный страх. Как они смогли проделать такое с оружием, произведенным еще в феврале? Он не исключал, что они отправятся в полицию, в редакции газет и даже обратятся к властям, — там-то у него все схвачено. Странно. Он не знал, что ответить Кэлвину, и лишь бормотал что-то, чувствуя: это продолжается бесконечно. Наконец разговор кое-как удалось закончить, и он с облегчением повесил трубку.

С удивлением Уиндэм-Матсон обнаружил: Рита уже успела вернуться из ванной и слышала весь разговор. Она нервно расхаживала по комнате в одной шелковой комбинации; ее светлые волосы рассыпались по слегка веснушчатым плечам.

— Сообщи в полицию, — посоветовала она.

«Ну, что ж, дешевле расстаться с двумя тысячами. Они должны согласиться, наверняка им только это и нужно. У такой мелюзги и мыслишки-то мелкие, подобная сумма для них — целое состояние. Пусть вложат средства в свое новое дело, — один черт, прогорят и опять останутся без гроша».

— Нет, — ответил он.

— Но почему? Шантаж — это ведь преступле-

ние.

Трудно все объяснить ей. Он привык приплачивать,

это включалось в текущие расходы, как, например, плата за освещение, газ. Если сумма невелика… но, с другой стороны, Рита права. Он задумался.

«Дам им две тысячи и свяжусь со знакомым полицейским инспектором. Пускай полистает досье на Фринка и Мак-Карти, — может, и выплывет что-нибудь подходящее». Когда они заявятся к нему еще раз, он будет знать, что делать.

«Например, я узнаю, что Фринк — еврей. Изменил имя и форму носа. Вполне достаточно, чтобы сообщить от этом германскому консулу. Дело простое. Консул добьется от японских властей разрешения на интернирование. И отправит его в газовую камеру сразу же, как тот переступит демаркационную линию. Кажется, один из таких лагерей находится где-то в Нью-Йорке. Из тех, что оборудованы печами».

— Удивляюсь, — проговорила девушка, — неужели кто-то осмеливается шантажировать человека с твоим положением? — Она смерила его пренебрежительным взглядом.

— Знаешь, что я тебе скажу? Весь этот шум во-

круг старины — сплошная чушь. Японцы просто свихнулись на ней. Сейчас я тебе это докажу. — Он встал и прошел в кабинет. Вернулся с двумя зажигалками, которые поставил на столик.

— Погляди-ка. На вид они совершенно одинаковы, не правда ли? Однако одна из них представляет антикварный интерес. Возьми их. Смелее. Так вот, за одну из них коллекционеры готовы выложить сорок, а то и все пятьдесят тысяч.

Девушка осторожно взяла обе зажигалки и принялась их рассматривать.

— Ну как? — засмеялся он. — Не ощущается никакого духа старины?

— А в чем она вообще состоит, эта «историческая ценность»?

— Если вещь заключает в себе частицу истории… Вот, послушай-ка. Первая зажигалка находилась в кармане Франклина Рузвельта в момент его убийства. Понятно, что она представляет собой историческую ценность. И немалую. Трудно подобрать нечто исторически более ценное. А во второй нет ничего. Ты можешь это ощутить? — он тронул ее локтем. — Нет. Тебе и не отличить. Ни одна из них не источает «мистической ауры».

— Вот это да! — выговорила девушка с благоговением. — Неужели правда? Он действительно

имел при себе одну из них в тот день?

— Бесспорно. И мне известно, какую именно. Теперь ты понимаешь, о чем идет речь. Все это одна сплошная липа, они себя обманывают. Например, определенный вид оружия применялся в известной битве, но оно ничем не отличается от других экземпляров. Все дело в этом, — он постучал себя по лбу. — В голове, а не в оружии. Я сам когда-то был коллекционером. Откровенно говоря, так я и стал профессионалом. Собирал марки — первые английские колонии.

Сложив руки, девушка стояла у окна и всматривалась в яркие огни центральной части Сан-Франциско.

— Мои родители говорят: мы не проиграли бы войну, если б он остался в живых, — сказала она.

— Ну ладно, — продолжал Уиндэм-Матсон, — а теперь, допустим, в прошлом году, канадские власти или еще кто-нибудь обнаружили матрицы какой-нибудь старой марки. А также типографскую краску и запасы…

— Я не верю в то, будто одна из этих зажигалок принадлежала Рузвельту, — перебила его девушка.

— Об этом-то как раз и речь! — рассмеялся Уиндэм-Матсон. — Я обязан доказать тебе это,

предъявив некий документ. Свидетельство аутентичности. И именно потому все это надувательство, массовая галлюцинация. Ценность заключается не в самой вещи, а в прилагаемой бумаге!

— Покажи мне ее.

— Пожалуйста, — он вскочил и удалился в кабинет. Снял со стены обрамленное свидетельство Смитсоновского института. Документы и зажигалка влетели ему в копеечку, но они того стоили, поскольку являлись доказательством его правоты. Слово «фальшивка» ровным счетом ничего не означает, ибо и сам термин «подлинник» по существу ке подразумевает ничего.

— «Кольт-44» — это «Кольт-44», — произнес он, возвращаясь в комнату. — Все зависит от калибра и конструкции, а не от времени изготовления. Это зависит от…

Девушка протянула руку. Уиндэм-Матсон подал ей документ.

— Значит, все это правда, — сказала она после минутного молчания.

— Да. А вот это — та самая, — двумя пальцами он взял зажигалку с длинной царапиной сбоку.

— Ну, я пошла, — сказала девушка. — Как-нибудь вечером встретимся. — Она отложила

зажигалку и документ и пошла в ванную за одеждой.

— Но почему?! — вскричал он, торопясь следом. — Ведь мы здесь в полной безопасности, жены не будет еще несколько недель, я же тебе говорил. У нее отслоение' сетчатки.

— Не в этом дело.

— А в чем же?

— Прошу тебя, найми рикшу, а я тем временем оденусь.

— Я сам тебя отвезу домой, — сказал он угрюмо.

Она оделась и молча ходила по комнате, ожидая,

когда Уиндэм-Матсон подаст ей плащ. «Прошлое настраивает меня на мрачный лад, — подумала она. — Черт возьми! И что меня дернуло затронуть эту тему? Я так еще молода… но кто бы мог предположить, что это имя что-то еще для меня значит?»

Девушка остановилась возле книжного шкафа.

— Ты читал вот это? — спросила она, доставая книгу.

Он близоруко сощурился. Броская обложка бестселлера. Роман.

— Нет, — ответил он. — Это книга моей жены.

Она много читает.

— Ты должен ее прочитать.

Все еще ощущая досаду, он взял книгу. «Тучнеет саранча».

— А! Это, кажется, из тех книг, которые в Бостоне запрещены?

— Она запрещена по всей Америке. И, конечно же, в Европе, — Рита подошла к дверям в прихожей и ждала.

— Я что-то слышал об этом Готорне Абендсене, — соврал он. Единственной ассоциацией, вызываемой в нем книгой, было то… а, собственно, что? Что она довольно популярна? Очередная мода. Очередной массовый психоз. Он наклонился, чтобы вернуть книгу на место.

— У меня нет времени на чтение популярной литературы. Я слишком занят работой. «Секретарши, — со злостью подумал он, — прочитывают подобную литературу от корки до корки. Они искренне стремятся ко всему такому. Это их одновременно и привлекает, и внушает опасения».

— Какой-то романишко, — сказал он хмуро, отпирая двери.

— Нет. Книга о войне. — И уже на лестнице добавила: — Он рассказывает то же, что и мои родители.

— Кто? Этот Абботсон?

— У него есть собственная теория. Если бы Джо Зангара промахнулся тогда — Рузвельт вытащил бы Америку из Великой Депрессии и вооружил ее так, что… — Она запнулась: они подошли к лифту, где уже ожидали другие постояльцы отеля.

Когда они ехали по ночному городу в «мерседесе» Уиндэма-Матсона, она вернулась к начатой теме:

— Абендсен утверждает: Рузвельт был бы чрезвычайно сильным президентом. Масштаба Линкольна. Он доказал это еще в первый год своего президентства, когда провел столько реформ… Все это описано в форме романа. Рузвельта не убивают в Майами, он продолжает управлять и в 1936 году избирается на повторный срок и является президентом до начала войны. Понимаешь? Он находится на посту, когда Германия нападает на Англию, Францию и Польшу. Наблюдает за всем этим и строит сильную Америку… Гарнер ведь был весьма скверным президентом. В том, что случилось, много его вины… А потом, в 1940 году, вместо Брикера выбрали бы демократа…

— Этот Абельсон так считает? — перебил ее Уиндэм-Матсон. Он взглянул на девушку. «Боже, зачитывается такими книжонками и считает

себя взрослой».

— Он утверждает, что в 1940, вместо изоляциониста Брикера, президентом после Рузвельта стал бы Рексфорд Тагвелл. — Ее чистое, посветлевшее лицо в отблесках уличных огней сияло, зрачки возбужденно расширились; рассказывая, она все время жестикулировала.

— Тагвелл энергично продолжил бы антигитлеровскую политику Рузвельта. В этих условиях Германия побоялась бы прийти на помощь Японии в 1941. Они не стали бы поддерживать Пакт. Понимаешь? — Повернувшись к нему и крепко ухватив его за плечо, она заключила:

— В таких условиях Германия и Япония проиграли бы войну!

Он рассмеялся.

Она посмотрела на него, будто пытаясь найти что-то в его лице, и, когда он отвернулся, чтобы следить за дорогой, сказала:

— Ничего смешного в этом нет. Так могло быть на самом деле. Соединенные Штаты могли бы победить Японию и…

— Каким же это образом? — перебил он ее.

— Он все там объясняет. — Она на минуту замолчала. — Книга написана в форме романа и, естественно, в ней много чисто литературных

приемов. Она увлекательна, иначе ее не стали бы читать. Есть там и романтический сюжет: молодая пара — парень служит в армии, а девушка… В общем, это не важно. Главное — у президента Тагвелла есть голова на плечах и он понимает, что замышляют японцы…

Об этом можно говорить свободно, — поспешила уверить она его. — Японцы разрешили продажу книги по всей Пацифиде; она популярна и на Островах. Вызвала там большие дискуссии.

— Ну ладно, — сказал Уиндэм-Матсон, — а с Пирл-Харбором как?

— Президент Тагвелл настолько предусмотрителен, что отправляет все корабли в море, и американский флот таким образом избегает уничтожения.

— Понятно.

— Собственно, никакого Пирл-Харбора и нет. Японцы атакуют, однако уничтожают лишь пару мелких суденышек.

— И все это называется «Саранча как-то там»?

— «Тучнеет саранча». Цитата из Библии.

— И Япония терпит поражение из-за того, что не было Пирл-Харбора? Послушай, Япония в любом случае победила бы. Даже без Пирл-Харбора.

— В романе американский флот препятствует

захвату Филиппин и Австралии.

— Они бы и так захватили, их флот был сильнее. Я неплохо изучил японцев, и мне давно известно: господство в Тихоокеанском регионе предначертано им судьбой. Соединенные Штаты шли к упадку со времен первой мировой войны. Союзники вышли из нее опустошенными нравственно и духовно.

Девушка не сдавалась.

— И если бы Германия не захватила Мальту, Черчилль остался бы у власти и привел Англию к победе.

— Каким это образом? Где?

— В Северной Африке… В конце концов Черчилль одолел бы Роммеля.

Уиндэм-Матсон фыркнул.

— А после победы над Роммелем англичане смогли бы перебросить свои войска через Турцию и вместе с Красной Армией оказать сопротивление немцам. По книге, немцы застряли в каком-то городе у Волги. Абсолютно неизвестный у нас город, но он существовал на самом деле, я смотрела по атласу.

— И как же он называется?

— Сталинград. Именно там ^англичане добились перелома в войне. Таким образом, по книге,

Роммелю не удалось соединиться с немецкими войсками, переброшенными из России, помнишь, — армия фон Паулюса? Немцам не удается захватить Ближний Восток со столь необходимой им нефтью, и соединиться с японцами в Индии, как и они сделали в действительности…

— Ни один стратег в мире не смог бы одолеть Эрвина Роммеля, — перебил ее Уиндэм-Матсон, — и события, наподобие выдуманной этим типом обороны того русского города с весьма героическим названием «Сталинград», могли бы — в лучшем случае — оттянуть неизбежный финал. Слушай, я знаю Роммеля лично. Мы познакомились в 1948 году в Нью-Йорке, когда я устраивал там свои дела. (На самом деле Уиндэм-Матсон видел военного наместника в США лишь на фото в Белом Доме, да и то издалека.)

— Что за человек! Сколько достоинства во всем его облике! Какая выправка! Поэтому я знаю, что говорю, — добавил он.

— Это было ужасно, — сказала Рита, — когда генерала Роммеля сместили с поста, а его место занял этот отвратительный Ламмерс. С тех пор и пошли экзекуции и концентрационные лагеря.

— Лагеря существовали и при Роммеле.

— Да, не… — ока сделала неопределенный

жест, — неофициально. Возможно, палачи из СС и творили все это… но он-то отличался от всех, в нем чувствовалось что-то от старого пруссака. Он был строг…

— Я скажу тебе, кто сделал для Штатов по-настоящему полезное дело, — начал Уиндэм-Матсон, — и кого мы должны благодарить за экономическое возрождение. Альберт Шпеер! Не Роммель и не организация Тодта. Шпеер — лучший из тех, кого НСДАП дала Америке. Это он создал целую сеть предприятий, объединений, заводов и все остальное — на крепкой и здоровой основе. Как бы такой человек пригодился нам здесь! А у нас в каждой отрасли — с десяток конкурирующих предприятий, — это же все равно, что гатить болото деньгами. Нет ничего глупее экономической конкуренции.

— А я бы не смогла жить в этих лагерях, бараках, как на Востоке, — сказала Рита. — Одна моя знакомая работала там, Написать мне обо всем не решилась, потому что письма подвергались цензуре. Она рассказала все, только когда очутилась здесь. Они вставали в шесть утра под звуки оркестра.

— И ты привыкла бы. Имела бы право на чистенькую спальню, сытную пищу, развлечения

и медицинское наблюдение. Чего еще надо? Завтрак в постель, что ли?

Его большой немецкий автомобиль продолжал бесшумно рассекать ночную мглу Сан-Франциско.

Господин Тагоми сидел, поджав ноги, на полу. В руках он держал чашку горячего чая марки «Улунг», время от времени дуя, прихлебывая и улыбаясь господину Бэйнсу.

— У вас прелестный дон, — нарушил молчание Бэйнс. — Здесь, на Побережье, так спокойно. Не то, что… там, — сказал он неопределенно.

— Бог обращается к человеку под знаком Роста.

— Простите, что вы сказали?

— Это пророчество. Извините, я рассеиваюсь и говорю сам с собой.

«Рассеян», — мысленно поправил его Бэйнс и улыбнулся.

— Мы смешны, ибо живем согласно предписаниям книги, которой пять тысячелетий. Мы обращаемся к ней, как будто она живая. Впрочем, она такая и есть. Как Библия у христиан. Многие книги живы. Не в переносном смысле. Питает их дух, вы понимаете меня? — господин Тагоми внимательно посмотрел в лицо собеседнику.

Тщательно взвешивая каждое слово, Бэйнс

ответил:

— Я плохой знаток религии, это не моя специальность. Предпочитаю придерживаться таких тем, в которых хоть немного ориентируюсь. — Откровенно говоря, он не слишком понимал, к чему клонит собеседник. Должно быть, это от усталости. Весь вечер, с той самой минуты, как они сюда приехали, все представлялось каким-то… уменьшенным, гротескным что-ли. Что это за книга, возраст которой насчитывает пять тысяч лет? Часики с Микки Маусом, да и сам господин Тагоми с крошечной чашечкой чая на ладони… а на стене напротив — огромная голова бизона, отталкивающая и жуткая.

— Что это за экспонат? — неожиданно спросил он.

— Это голова существа, на которое когда-то давно охотились аборигены.

— Понятно.

— Я охотно продемонстрировал бы вам искусство охоты на бизона… — Господин Тагоми поставил чашку на столик и поднялся. Здесь, в собственном доме, он любил ходить одетым в шелковое кимоно и мягкие туфли.

— Представьте, я сижу в вагоне «железного коня». — Он присел на воображаемую скамью. — На

коленях у меня верный «Винчестер», модель 1866 года, из моей коллекции. — Он остановился и вопросительно глянул на Бэйнса. — Вы, наверное, устали с дороги?

— Увы, да, — ответил Бэйнс. — Для одного дня — чересчур много. Деловые хлопоты… «Будь это где-нибудь в другом месте», — подумал он. Разболелась голова. Его беспокоило, доступны ли здесь, на Побережье, те превосходные болеутоляющие средства «АГ. Фарбэн», с помощью которых он избавлялся от простуды.

— Все мы должны во что-то верить, — сказал Тагоми. — Самим нам не под силу найти ответ, ведь мы не умеем заглядывать в будущее.

Бэйнс кивнул.

— Моя жена, уверен, вам что-нибудь подыщет от головной боли, — сказал Тагоми, видя, что гость снял очки и начинает массировать виски. — Несомненно, боль вызвана усталостью глаз. Прошу прощения. — Он поклонился и вышел из комнаты.

«Лучшее лекарство — сон, — подумал Бэйнс. — Хорошо бы ночью выспаться. А может, головная боль вызвана опасениями по поводу сложного задания? Или нежеланием сопротивляться складывающейся ситуации?»

Когда господин Тагоми вернулся со стаканом воды и таблеткой, Бэйнс проговорил:

— Наверное, и в самом деле мне придется вернуться в отель. Однако прежде мне хотелось бы узнать кое-что. Подробности мы сможем обсудить завтра, если не возражаете. Предупреждены ли вы о третьем лице, которое должно присоединиться к нашим переговорам?

На лице Тагоми мгновенно отразилось изумление, однако его тут же сменило обычное бесстрастное выражение.

— Мне об этом ничего неизвестно. Но это, безусловно, очень интересно.

— Некто с Островов.

— Ах так, — проговорил Тагоми, уже ничем не выдавая своего удивления. Он полностью овладел собой.

— В прошлом бизнесмен, — продолжал Бэйнс. — Прибудет сюда на корабле. В пути он уже около двух недель.' К сожалению, ему противопоказаны полеты.

— Наверное, какой-нибудь старый чудак? — заметил Тагоми.

— Благодаря своим деловым связям он имеет доступ к информации о японском рынке. Мы сможем многое узнать у него; кстати, он и так

собирался на каникулы в Сан-Франциско. Это все не столь важно, но внесет в наши переговоры элемент доверительности.

— О да, — согласился Тагоми. — Я заодно мог бы ликвидировать и пробелы в своем знании нашего рынка. Острова я не видел вот уже два года.

— Эта таблетка — для меня?

Тагоми вздрогнул, опустил глаза и увидел, что до сих пор держит таблетку и стакан воды.

— О, прошу прощения! Это очень сильнодействующее средство — заракаин. Производство фармацевтической фирмы из Провинции Китай. Не наркотик, — добавил он, протягивая лекарство.

— Тот почтенный господин, — продолжал Бэйнс, собираясь проглотить таблетку, — свяжется, скорей всего, непосредственно с вашей торговой миссией. Я запишу его имя, чтобы ваши люди случайно его не выставили. Мы не знакомы, но мне известно, что он глуховат и склонен к чудачествам. Нам придется постараться не испортить ему настроение. — Тагоми понимающе кивнул. — Он увлекается рододендронами, и, если вы найдете кого-нибудь, кто перед встречей сможет полчаса поболтатьс ним о рододендронах, он будет счастлив. Сейчас я напишу его имя.

Запив лекарство, он достал авторучку и карточку.

— Господин Шиньиро Ятабе, — с почтением произнес Тагоми и положил карточку в карман.

— И еще одно.

Тагоми, слушая, медленно поглаживал остывшую чашечку.

— Дело весьма деликатное. Почтенный господин… У него имеются определенные затруднения. Ему уже почти восемьдесят, а некоторые его предприятия под самый Конец карьеры оказались не слишком удачны. Вы меня понимаете?

— Он небогат, — догадался Тагоми. — Наверное, помимо пенсии, доходов не имеет.

— Вот-вот, одна только пенсия, — и к тому же донельзя жалкая. Поэтому ему приходится различными способами пополнять свой бюджет.

— Например, нарушая какие-нибудь второстепенные предписания, — предположил Тагоми. — А власти со своим вечно подозрительным налоговым управлением… Ситуация мне понятна. Старик получает от нас вознаграждение за консультацию, но не сообщает об этом в Департамент социального обеспечения. Итак, мы не должны афишировать цель его визита. Для них он здесь на каникулах.

— Вы чрезвычайно догадливы, — сказал Бэйнс.

— Такие ситуации уже имели место. Нашему обществу не удалось решить проблемы престарелых, число которых неуклонно растет благодаря достижениям современной медицины. Китай показывает пример почтительного отношения к старшим, однако Германия демонстрирует нечто, в сравнении с чем наше невнимание к старости — почти достоинство. Насколько мне известно, своих стариков они убивают.

— Германия, — пробормотал Бэйнс, опять принимаясь массировать голову. Наверное, таблетка уже действует. Он ощущал сонливость.

— Как скандинав вы несомненно поддерживаете обширные связи с «Festung Europa». Например, вы прибыли сюда из Темпельхофа. Но возможно ли такое отношение? Вы-то соблюдаете нейтралитет? Нет ли у вас желания выразить свое мнение по этому вопросу?

— Мне непонятно, о каком отношении идет речь.

— Об отношении к старикам, больным, слабым, убогим, одним словом — беспомощным во всех отношениях людям. «Какова польза от новорождённого» — такой, если не ошибаюсь,

вопрос задал один англосаксонский философ[14]. Вопрос этот мне хорошо запомнился, и я много размышлял над ним. Говоря в целом — пользы-то никакой нет.

Бэйнс издал какой-то неопределенный звук, никак, однако, не соотносящийся с его мнением.

— Ни один человек, — продолжал Тагоми, — не должен выступать орудием удовлетворения потребностей другого, не так ли? — Он поклонился. — Прошу вас сообщить мне ваше независимое скандинавское мнение.

— Я, право, не знаю, — ответил Бэйнс.

— Во время войны я служил чиновником в Провинции Китай, в Шанхае. В еврейском гетто для интернированных императорскими властями обитатели содержались за счет иностранной помощи. Германский консул в Шанхае настаивал на ликвидации евреев. Я. помню ответ моего начальства: «Это противоречит принципам гуманизма». Требование отвергли как варварское. Это произвело на меня огромное впечатление,

— Понятно, — проговорил Бэйнс.

«Не хочет ли он меня спровоцировать?» — подумал он и насторожился.

---

[14] Notes: 14
Имеется в виду Дж. Свифт (Памфлет «Скромное предложение»).

— Евреев, — продолжал Тагоми, — гитлеровцы всегда представляли как азиатов и цветных. Выводы для японцев, уверяю вас, включая и членов военного правительства, — очевидные. Поэтому я никогда не беседовал на эту тему с гражданами Рейха.

Бэйнс прервал его.

— Но я ведь не немец, и от имени Германии говорить не могу. — Он встал и направился к дверям. — Завтра мы еще вернемся к нашей теме. Прошу прощения, но сейчас я не в состоянии сосредоточиться. — В действительности он мыслил совершенно четко. Бэйнс понял: отсюда лучше уйти. Этот человек заходит слишком далеко.

— Прошу извинить мою бестактную одержимость, — проговорил Тагоми, торопливо следуя за ним. — Философский азарт ослепил меня, и я забыл о самых простых вещах. — Он что-то прокричал по-японски, и парадные двери распахнулись. В проеме в легком поклоне застыл глядя на Бэйнса молодой японец.

«Это мой шофер, — вспомнил Бэйнс. — По-видимому, все это из-за моих дон-кихотских выходок во время полета, — пришла неожиданная догадка. — С этим, как его… Лотце. Каким-то образом все дошло до японцев. По каким-то неизвестным

мне каналам».

«Стоило ли дискутировать с этим Лотце? — подумал он. — Жаль, но теперь уже поздно.

Я не гожусь для такой работы».

Однако ему вдруг пришло в голову: настоящий швед именно так бы и поступил. «Все в порядке, ничего іе случилось. Волнуюсь я по сущим пустякам. Я автоматически привношу в сегодня свои привычки из прежшх ситуаций. Здесь же я действительно о многих вещие могу говорить свободно. Это именно то, к чему мне еще предстоит привыкнуть».

Вместе с тем многолетний опыт подсказывал: вести себя подобным образом не следует. Против этого в нем восставало все. «Ну, открой же рот, — говорил он себе. — Скажи же что-нибудь. Ну, хоть что-то. Ты должен это сделать, если хочешь чего-нибудь здесь добиться».

— Возможно, ими руководит какой-то властный подсознательный архетип. В юнговском смысле.

Тагоми кивнул.

— Я читал Юнга. Я вас понимаю.

Они пожали друг другу руки.

— Завтра рано утром я позвоню вам, — с кагал Бэйнс. — Спокойной ночи. — Он поклонился,

Тагоми поклонился в ответ.

Молодой улыбающийся японец сделал шаг вперед и что-то сказал, но Бэйнс не понял.

— Что-что? — переспросил он уже на ходу.

— Он обратился к вам по-шведски, — пояснил Тагоми. — В Токийском университете он прослушал лекции о Тридцатилетней войне и страстно увлекся национальным героем Швеции Густавом Адольфом. — Тагоми понимающе улыбнулся. — Но, по-видимому, его попытки овладеть столь экзотическим языком оказались безуспешными. Он наверняка пользовался одним из этих курсов, записанных на грампластинках. Такие курсы очень популярны у студентов, ибо дешевы.

Молодой японец, явно не понимающий по-английски, продолжал с улыбкой кланяться.

— Понятно, — промямлил Бэйнс. — Ну что ж, желаю ему успехов. «У меня, как видно, тоже появились языковые проблемы, — подумал он. — Господи, а ведь этот японский студент по дороге в гостиницу, конечно же, будет пытаться заговаривать со мной по-шведски». На языке, который он, Бэйнс, едва понимал, да и то если собеседник изъяснялся медленно и правильно. Но общаться на шведском с молодым японцем, который пытается выучиться языку по пластинкам…

«Мне нипочем не понять его. А он ведь возобновит попытки, еще бы, такой шанс: еще одного шведа он, может, так никогда и не встретит. — Бэйнс мысленно охнул. — Какое, право, мучение предстоит нам обоим!»

6

Ранним утром Юлиана отправилась за покупками. Наслаждаясь солнечной погодой, она шла по тротуару с двумя бумажными сумками. Спешить некуда, и она задерживалась перед каждой витриной.

Заглянула в один из магазинчиков. Всю первую половину дня она свободна: занятия в клубе сегодня начинались только в двенадцать. Она села за столик у прилавка, поставила сумку на пол и принялась листать журналы.

В сегодняшнем номере «Лайфа» ее внимание привлекла статья, которая называлась «Телевидение в Европе: взгляд в будущее». К материалу прилагалось фото немецкой семьи, сидящей у телевизора. «Уже сегодня, — гласил текст статьи, — ежедневно Берлин осуществляет четырехчасовую трансляцию. В недалеком будущем все крупнейшие города Европы будут иметь свои телеустановки, а к 1970 году такая станция откроется в Нью-Йорке».

Другие снимки запечатлели немецких инженеров-электронщиков, инструктирующих нью-йоркский местный персонал. Немцев можно

узнать без труда: выхоленные, здоровые, самоуверенные. Американцы же выглядели… обычно.

Один из немецких техников на что-то указывал американцам, а те, в свою очередь, силились это самое разглядеть. «У них наверняка и зрение получше, — признала Юлиана. — Еще бы, отличное питание в течение последних двадцати лет. Справедливо говорят: им доступны вещи, которые не в состоянии постичь никто. Возможно, все дело в витамине А?

Интересно, каково это, не выходя из дома, иметь возможность наблюдать весь мир на маленьком сером экранчике. Если эти нацисты способны слетать на Марс и обратно, почему бы им не развивать и телевидение? В любом случае, я предпочла бы смотреть развлекательные телепрограммы и, наконец, узнать, как выглядит Боб Хоуп или Дюран, чем шляться по Марсу.

Может быть, в этом все и дело, — думала она, откладывая журнал в сторону. — У нацистов нет чувства юмора, так зачем же им телевидение? В конце концов они истребили большую часть по-настоящему талантливых артистов только по той причине, что это в основном евреи. Уничтожили большую половину людей, занятых именно в сфере «индустрии развлечений». Диву

даешься, что Хоупу все его выдумки сходят с рук. Правда, пленка записывается в Канаде, где немного посвободнее. Но он и на самом деле многое себе позволяет. К примеру, этот последний его анекдот про Геринга… как Геринг покупает Рим и приказывает перенести его в свою резиденцию в горах. А потом пытается возродить христианство, чтобы его львы могли чем-то…»

— Госпожа покупает этот журнал? — настороженно спросил сухонький коротышка — владелец магазинчика.

Смутившись, она отложила «Ридерз Дайджест», который только начала просматривать.

Идя опять с покупками по улице, Юлиана размышляла, станет ли Геринг после смерти Бормана фюрером? Ей казалось, он несколько отличается от остальных. Вообще-то Борман пришел к власти лишь потому, что вовремя оказался на месте, когда Гитлер иссяк, — ведь усугубляющийся процесс деградации могли наблюдать только особо приближенные. А старый Геринг в это время отсиживался в своей резиденции в горах. Стать фюрером после Гитлера должен был именно Геринг, — ведь это его «Люфтваффе» уничтожили английские радарные установки и разгромили Королевский Воздушный флот.

Гитлер приказал им разбомбить Лондон, как это сделали с Роттердамом.

«Но, наиболее вероятно, фюрером станет Геббельс, — решила она. — Все так говорят. Только бы не этот страшный Гейдрих! Он всех нас поубивает. Настоящий сумасшедший! А вот единственный, кто нравится мне, так это Бальдур фон Ширах. Единственный из них, ктовыглядит как нормальный человек. Но у него нет никаких шансов».

Она свернула с главной улицы и через несколько минут уже поднималась по ступенькам старого деревянного дома, где жила.

Открыв двери, Юлиана увидела, что Джо Цинанделла лежит в той же позе, что и до ее ухода: поперек кровати, лицом вниз, свесивши руки. Он все еще спал.

«Нет, — подумала она, — он не должен оставаться здесь: ведь грузовик-то его уехал? Ну, конечно же…»

Она прошла в кухню и поставила сумки с покупками на стол рядом с грязной посудой.

«Он что, нарочно остался? — задала она себе вопрос. — Интересно. Странный человек… Всю ночь такой активный и вместе с тем как бы отсутствующий, делал все как-то бессознательно.

Казалось, мысли его витают где-то далеко».

Она автоматически стала запихивать продукты в старенький «Дженерал электрик». Затем позавтракала и убрала со стола.

Наверное, он проделывает это так часто, что оно стало как бы его второй натурой; его тело выполняет такие движения автоматически, как это делаю я, например, когда убираю тарелки и столовые приборы в мойку. Наверняка он смог бы сделать это и после удаления большей части его мозга, как те декопитированные лягушки, подергивающие лапками на уроке биологии.

— Эй, — позвала она. — Проснись!

Джо пошевелился и фыркнул.

— Ты слышал последнее выступление Боба Хоупа? — громко спросила она. — Великолепный анекдот про немецкого майора, допрашивающего первых из встреченных им марсиан. Они не смогли предъявить документов, подтверждающих, что их предки были арийцами. И тогда этот майор отправляет в Берлин рапорт о том, что Марс населен евреями. А рост их всего тридцать сантиметров, и у них две головы… Ты знаешь, этот Боб Хоуп так умеет выдавать свои анекдоты…

Джо открыл глаза и, не проронив ни слова, устремил на нее немигающий взгляд. Лицо его

выглядело почерневшим от выросшей за ночь щетины, а темные глаза, казалось, полны боли… Юлиана притихла.

— В чем дело? — спросила она минуту спустя. — Ты что, испугался? — И тут же подумала: «Нет, это Фрэнк испугался бы, а здесь… сама не знаю, что».

— Грузовик уехал, — сказал Джо и сел на кровати.

— И что ты теперь собираешься делать? — Она присела с краю, вытирая руки кухонным полотенцем.

— Буду его ловить на обратном пути. Напарник меня не подведет. Он знает: я поступил бы так же.

— У вас уже случалось подобное?

Джо не ответил. «Он сам хотел остаться, — убеждала себя Юлиана. — Я же вижу, это так». А вслух сказала:

— А если он будет возвращаться другим маршрутом?

— Он всегда выбирает «пятидесятый» и никогда — «сороковый». Случилось там как-то происшествие: он врезался в лошадей, — они как раз вышли на дорогу. Где-то в районе Скалистых Гор. — Он взял со стула одежду.

— Сколько тебе лет, Джо? — спросила она, оце-

нивающе изучая его обнаженное тело.

— Тридцать четыре.

«Значит, ему пришлось повоевать». Она не заметила никаких дефектов или следов ранений. У него действительно прекрасно сложенное, поджарое тело и длинные ноги. Джо, почувствовав, что его разглядывают, нахмурился и отвернулся.

— Уже и посмотреть на тебя нельзя? — спросила она, пытаясь сообразить, в чем дело: ночь они провели вместе, и вдруг такая стыдливость. — Нам что, придется теперь прятаться по темным углам, как клопам, которые не выносят света?

Недовольно что-то буркнув, он отправился в ванную, почесывая на ходу подбородок.

«Это мой дом, — думала Юлиана. — Я дала тебе приют, а ты даже не позволяешь смотреть на себя. Зачем же тогда остался?» Она направилась за ним в ванную, где он напускал в умывальник горячую воду.

Заметив на его руке татуировку — голубого цвета букву «К», она спросила:

— Что это? Первая буква имени жены? Конни? Коринна?

— Каир, — проговорил он, умываясь.

«Какое экзотическое имя», — подумала она, но тут же почувствовала, что краснеет.

— Вот глупая, — сказала она вслух. Ведь понятно же: этот итальянец, тридцати четырех лет от роду, из немецкой части мира, побывал на войне. На стороне держав Оси. И воевал под Каиром: татуировка — символ братства итальянских и немецких ветеранов этой кампании… разгром британских и австралийских войск генерала Готта, победа Роммеля и его Африканского корпуса.

Она вышла из ванной и принялась нервно застилать постель.

Вещи Джо аккуратно сложены на стуле: одежда, чемоданчик, всякие мелочи. Она обратила внимание на обтянутую бархатом коробочку, по форме напоминающую футляр для очков; не удержалась и заглянула вовнутрь.

«Да, ты действительно воевал под Каиром, — подумала она, разглядывая Железный Крест второй степени с выгравированной вверху датой: «10 июня 1945 года». Такая награда доставалась далеко не каждому, а только самым храбрым. Интересно, что ты сделал такого… тогда ведь тебе едва минуло семнадцать?»

Джо стоял в дверях ванной и смотрел на нее. С Крестом в руках она вздрогнула от неожиданности и смутилась. Однако, похоже, он не рассердился.

— Я только хотела посмотреть, — оправдывалась Юлиана. — Никогда не видела Железного Креста. Тебя что, сам Роммель наградил им?

— Генерал Байерлен. Корпус Роммеля тогда уже перебросили в Англию, чтобы он там закончил все дела. — Голос его оставался спокойным, но рука вновь стискивала виски и расчесывала волосы. Движения эти напоминали хронический нервный тик.

— Расскажи мне, — попросила Юлиана, когда он приступил к бритью.

После бритья он принял душ, а потом кое-что рассказал ей, впрочем, ничего такого, о чем бы ей хотелось услышать. Два его старших брата участвовали в абиссинской кампании, а он, тогда еще тринадцатилетний подросток, состоял в фашистской молодежной организации в своем родном Милане. Позже его братья служили на батарее добровольцев Рикардо Парди, и, когда разразилась Вторая Мировая, Джо удалось присоединиться к ним. Они воевали под Газой, Грациано. Снаряжение было никудышным, особенно танки. Англичане отстреливали их, как зайцев. Танковые люки приходилось в бою придавливать мешками с песком, чтобы не открывались самопроизвольно. Майор Парди дал

приказ собирать даже выбракованные снаряды; их надраивали, смазывали и вели огонь. Батарея отразила мощнейшую атаку танков генерала Уэвелла в 1943 году.

— Твои братья живы? — спросила Юлиана.

Оказалось, они погибли в сорок четвертом: их задушили особой проволокой британские коммандос из Пустынного Дивизиона Дальнего Действия, воевавшие в тылу войск Оси. Их фанатизм особенно проявился на заключительной стадии войны, когда стало ясно: Союзникам не выиграть.

— А как ты относишься к англичанам сейчас? — немного поколебавшись — стоит ли тревожить его воспоминаниями, — спросила Юлиана.

— Хотел бы я, чтобы немцы сделали в Англии тоже, что и в Африке, — бесстрастно сказал он.

— Но ведь… прошло уже восемнадцать лет. Вообще-то я слышала, англичане творили жуткие дела, но все же…

— Кругом только и разговоров, — вот, мол, что сделали эти нацисты с евреями, — проговорил Джо. — Но мало кто знает, что англичане вытворяли кое-что и похуже. В битве за Лондон, — он на мгновение умолк. — Эти зажигательные смеси — фосфор и нефть-сырец. Впоследствии мне при-

ходилось видеть несколько немецких солдат… Десантные корабли превращались в пепел один за другим: эти подводные зажигательные трубы обращали воду в пламя. А что творили с гражданским населением «ковровые» бомбардировки зажигательными бомбами! Черчилль в последний момент попытался оттянуть поражение налетами на Гамбург и Эссен, которые преследовали цели чисто психологического воздействия.

— Ну, хватит об этом, — перебила его Юлиана. Она отправилась поджаривать грудинку, потом принялась настраивать свой «Эмерсон», радиоприемничек в белом пластмассовом корпусе — подарок Фрэнка ко дню рождения.

— Я приготовлю тебе поесть, — сказала она, поворачивая ручку настройки в поисках какой-нибудь легкой, приятной музыки.

— Сейчас я кое-что тебе покажу, — сказал Джо, усаживаясь на кровать с чемоданчиком на коленях. Открыв его, извлек какую-то истрепанную книгу: по-видимому, она прошла через множество рук. Он улыбнулся Юлиане. — Иди-ка сюда. Ты знаешь, что тут один тип понавыдумывал? Вот этот… — Он постучал по книжке,—

Чтение весьма занятное. Садись. — Он взял ее за руку и привлек к себе. — Я тебе сейчас почи-

таю. Ты можешь себе представить, что победили они? Не стоит ломать голову, каким образом этот тип все придумал. — Открыв книгу, Джо начал медленно переворачивать страницы.

— Британская Империя завладела Европой и всем Средиземноморьем. Италия в таком случае исчезла бы вообще. Да и Германия тоже. Представь себе: повсюду — британские «бобби», забавные такие солдатики в высоких медвежьих шапках, — от Атлантики до Волги.

— Неужели все было бы так плохо? — еле слышно спросила Юлиана.

— Ты читала эту книгу?

— Нет, — призналась она, бросив взгляд на обложку. — Я только слышала о ней, но знаю: читали ее многие. Впрочем, Фрэнк и я… мой бывший муж и я… часто спорили о том, что сталось бы в случае, если бы Союзники выиграли войну.

Джо, казалось, не слушал ее, он не отрывал взгляда от обложки «Саранчи».

— А знаешь, почему у него Англия побеждает? Почему ей удается разгромить страны Оси?

Она покачала головой, чувствуя, как в сидящем рядом с ней человеке нарастает напряжение. Подбородок его затрясся, он принялся нервно облизывать губы и опять запустил пальцы в ше-

велюру… Голос его охрип:

— Италия предает и переходит на сторону Союзников. Присоединяется к англосаксам и обнажает то, что он назвал «мягким подбрюшьем Европы». Для него весьма естественно думать так. Кто не знает трусливых итальянских вояк, бегущих при виде англичан! Пьяное, беспечное, никуда не годное войско. Этот тип… — Джо захлопнул книжку и перевернул ее, чтобы посмотреть на последнюю страницу обложки. — Этот Абендсен… У меня к нему никаких претензий. Он лишь фантазирует, просто представляет, что сталось бы с миром, если бы страны Оси проиграли. А как бы еще удалось им это сделать, если бы не предательство Италии. — Сейчас он говорил каким-то скрипучим голосом. — Дуче всем известен как шут…

— Мне надо перевернуть грудинку, — сказала Юлиана и выскользнула на кухню.

Джо отправился следом с книгой в руке.

— А еще им помогают Соединенные Штаты, конечно, задав перед этим хорошую трепку япошкам, И после войны Соединенные Штаты и Британия производят раздел мира. Так же, как это в действительности сделали Германия и Япония.

— Германия, Япония и Италия, — уточнила Юлиана.

Он смерил ее взглядом.

— Ты пропустил Италию, — она смотрела ему прямо в глаза. «Или ты тоже забыл, — добавила мысленно. — Как и все, забыл про эту крошечную ближневосточную империю — опереточный Новый Рим…»

Спустя минуту она поставила перед ним тарелку с поджаренной грудинкой и яйцами, тосты с мармеладом и кофе. Он жадно набросился на еду.

— Чем вас кормили в Северной Африке? — спросила она, усаживаясь рядом.

— Дохлой ослятиной, — сказал Джо.

— Фу, это ужасно!

— Asino Morte, — пояснил он с кривой усмешкой. — На банках с тушенкой стоял штамп — буквы «А» и «М». Немцы прозвали их «Альтер Манн». «Старик».

«Хотелось бы мне это прочитать, — подумала Юлиана, протягивая руку за книгой, которую Джо держал под мышкой. — Долго ли он пробудет здесь?» Книга имела потрепанный вид: испачкана, многие страницы вырваны и просто вложены. Повсюду — следы грязных пальцев. Ее читали шоферы дальних рейсов поздними вечерами в маленьких закусочных… «Держу пари, чтение

дается тебе с трудом. Готова спорить, ты корпишь над этой книгой уже несколько недель, если не месяцев».

Открыв наугад, она прочла: «…теперь, состарившись, он со спокойствием взирал на свою державу, которой позавидовали бы и древние, но и им, пожалуй, не под силу постичь такое: наши корабли повсюду — от Крыма до Мадрида, и все это — единая Империя, с централизованными финансами, общим языком и под одним стягом. Великолепный старый Юнион Джек, взвивающийся на флагштоках повсюду — от солнечного восхода до самого заката. Наконец-то сбылось: все слова — и про солнце, и про знамя…»

— Единственная книга, которая всегда со мной, — сказала Юлиана, — это и не книга вовсе, а Оракул «И-чинг»… Фрэнк заразил меня всем этим, и я обращаюсь к ней за советом всякий раз, когда нужно принять важное решение. Стараюсь держать ее всегда под рукой. — Она закрыла томик «Саранчи». — Хочешь, покажу? Давай, научу тебя ею пользоваться.

— Нет, — ответил Джо.

Подперев подбородок переплетенными пальцами, она исподлобья посмотрела на него и спросила:

— Ты решил сюда переехать насовсем? Ну, и что ты намерен делать дальше?

«Все еще смакуешь эти оскорбления и клевету, — думала она. — Как изумляет меня твоя ненависть ко всему свету. Но все же… что-то в тебе есть. Ты похож на сообразительного зверя». Изучающе вглядываясь в его лицо, она размышляла над тем, как могла заблуждаться, считая, что он моложе ее. Однако в определенном смысле это правда: он инфантилен, так и остался младшим братишкой, обожающим старших братьев, своего майора Парди и генерала Роммеля, мальчишкой, готовым в любой момент сбежать на войну драться с англичанами. Только вот, правда ли, что твоих братьев задушили проволокой? После войны пришлось наслушаться отчетов о военных преступлениях со всеми этими фотографиями… Ее передернуло. — «Однако британские коммандос предстали перед судом и уже давным-давно казнены».

Музыка стихла. По-видимому, наступило время новостей; на коротких волнах пробивались сигналы европейских станций. Затем они стали тише и исчезли совсем. Долгая пауза — ничего, кроме тишины. Наконец, послышался четкий голос диктора, — ближайшая радиостанция в

Денвере. Она протянула руку покрутить ручку настройки, но Джо остановил ее.

«…сообщение о кончине канцлера Бормана обрушилось на немцев, как гром среди ясного неба, поскольку еще вчера их уверяли в том, что…»

Юлиана и Джо вскочили.

«…все радиостанции Рейха прервали свои передачи, торжественно и скорбно прозвучал партийный гимн «Хорст Вессель» в исполнении военного хора дивизии СС «Рейх». Потом из Дрездена, где состоялась встреча председателя НСДАП с руководством СД — Народной полиции безопасности, пришедшей на смену гестапо после…»

Джо усилил звук.

«…реорганизация правительства по инициативе покойного рейхсфюрера Гиммлера, Альберта Шпееграи других; объявлен двухнедельный всенародный траур и, как нам только что сообщили, к настоящему времени многие магазины и заведения уже закрыты. До сих пор не поступили сведения о предполагаемом созыве Рейхстага, официального парламента Третьего Рейха, которому предстоит одобрить…»

— Рейхсканцлером станет Гейдрих, — сказал Джо.

— А мне бы хотелось, чтобы тот высокий блон-

дин — Ширах. Боже, неужели ом, наконец, умер? Как ты думаешь, у Шираха есть шансы?

— Нет, — коротко ответил Джо.

— Теперь и гражданская война может начаться, — сказала Юлиана. — Какие они теперь все старые: Геринг, Геббельс и остальные партийные вожди.

«…прискорбное известие застало его в личной альпийской резиденции близ Бреннера…» — продолжал диктор.

— Это о Толстом Германе, — вставил Джо.

«…отметив, что потрясен утратой не только как солдат, патриот и старый товарищ по партии, но — и это подчеркнуто неоднократно — как преданный друг, поддержавший его в ходе послевоенных дебатов, когда определенное время казалось: элементы, которые противились назначению Мартина Бормана на высший пост…»

Юлиана выключила радио.

— Сплошная болтовня, — сказала она, — к чему все эти разговоры? О жутких убийцах говорят так, как будто они обыкновенные люди.

— Они и есть обыкновенные люди, — возразил Джо и вернулся к прерванному завтраку. — Каждый из нас сделал бы то же на их месте. Они спасли мир от коммунизма. Если б не они, все

находились бы теперь во власти красных.

— Ты плетешь что-то несуразное, — сказала Юлиана. — Как это радио. Сплошная болтовня!

— Я немало прожил при власти нацистов и понимаю, что она для меня значит. И для меня это не болтовня, а больше пятнадцати лет жизни. Моя трудовая книжка выдана в ОТ. Я работаю в организации Тодта с 1947 года, сперва в Северной Африке, а затем — в Штатах. Слушай внимательно, — он поднял указательный палец. — У меня, как и у всех итальянцев, талант к реальной, земной работе. ОТ недаром присвоила мне высокий разряд. Я не укладывал асфальти не бетонировал автобаны, а оказывал техническую помощь в проектировании. Однажды доктор Тодт, лично инспектируя наш коллектив, сказал мне: «У тебя золотые руки». Это был великий миг, Юлиана. Они не болтали, они вернули работе достоинство. До того, как они пришли к власти, все — и я в том числе — презирали простую физическую работу. Тоже мне, аристократы. Трудовой Фронт покончил с этим. Впервые я увидел, на что способны мои руки. — Он говорил быстро, и иностранный акцент заметно усилился. Юлиана уже с трудом понимала его. — Мы все жили в лесу, в штате Нью-Йорк, как настоящие братья. С

песней маршировали на работу. Подлинный бойцовский дух, но уже в деле восстановления, а не уничтожения. Это наше лучшее время — период послевоенного восстановления: рядьгухоженных, добротных домов, улица за улицей, — новые города, — Нью-Йорк и Балтимор. Все в прошлом. Теперь верховодят крупные корпорации, такие, как «Американ Крупп и Сыновья». Но это уже не нацисты, а старая европейская плутократия. Они хуже нацистов, слышишь! Нацисты, такие, как Роммель и Тодт, в миллион раз лучше промышленников типа Круппа и разных там банкиров. Всех этих пруссаков и господ в жилетках надо отправить в газовые камеры.

«Однако, — подумала Юлиана, — эти «господа в жилетках» обосновались здесь навсегда. А твои боги — Роммель и Тодт — пришли сюда после войны лишь для того, чтобы разобрать руины, соорудить автобаны и восстановить промышленность. И они (что за неожиданность!) сохранили жизнь даже евреям, их амнистировали, чтобы и они включились в работу. По крайней мере, до сорока девяти лет… а затем, по усмотрению господ Тодта и Роммеля, — можно и на пенсию, собирать грибочки…

Разве мне все это не известно? Разве мало наслу-

шалась я от Фрэнка? Мне не нужно рассказывать о жизни при нацистах, ведь мой муж был… нет, он им и остается, евреем. Мне уже известно: доктор Тодт — наискромнейший, наидобрейший человек из всех живущих под солнцем; я и без того знаю, что он поставил цель — достойной и солидной работой обеспечить миллионы отупевших, сломленных американцев, мечущихся среди послевоенных руин. Знаю, он хотел обеспечить всех медицинским обслуживанием, правом на отдых и приличным жильем, независимо от расы; он был не философом, а строителем… и в значительной мере ему удалось осуществить запланированное. Он действительно добился своего. Однако…»

Из глубины ее сознания всплыла и только сейчас оформилась мысль.

— Джо, эта книга о саранче… на Восточном Побережье, наверное, запрещена?

Он кивнул.

— Как же ты тогда читал ее? — что-то вызывало, в ней тревогу. — Разве за это не грозил расстрел?

— Все зависит от расовой принадлежности. От такой миленькой повязочки на рукаве.

Он говорил правду: действительно все так и было. Славяне, поляки, пуэрториканцы макси-

мально ограничивались в праве читать, работать и слушать. Англосаксы располагали значительно большими правами. Так, им разрешалось посещать библиотеки, музеи и концерты, их дети могли учиться, получать образование. Но, несмотря на это, «Тучнеет саранча» без каких-либо исключений была запрещена для всех.

— Я читал ее урывками, прятал в подушку. Откровенно говоря, я и делал это только потому, что на нее наложили запрет.

— А ты, оказывается, очень смелый.

— Ты что, иронизируешь? — спросил он растерянно.

— Нет.

Ответ успокоил его.

— Легко вам тут: живете себе в безопасности, беспечно и бесцельно, и события обходят вас стороной. Никакого тебе беспокойства, никаких забот, просто какая-то тихая заводь.

— Твой цинизм бьет по тебе же самому, — сказала она. — Ты лишился всех своих идолов, некому стало приносить жертву. — Она подала ему вилку. «Ешь, — мысленно обратилась она к нему, — ешь, если ты, конечно, не намерен отрицать даже этот простейший естественный процесс».

Джо кивнул в сторону книжки:

— Этот Абендсен живет, судя по информации на обложке, где-то поблизости. В Шайенне. Взирает на мир из самого безопасного местечка, — попробуй доберись до него. Почитай-ка, что они там пишут, — вслух почитай.

Юлиана взяла книгу и прочла текст на обложке:

«В прошлом — солдат. Во время Второй Мировой войны служил в американской морской пехоте, ранен в бою с немецкими «тиграми». Имеет звание сержанта. По слухам, его жилище — настоящая крепость, до отказу набитая оружием».

Она отложила книгу и прибавила:

— Здесь об этом не пишется, но я слышала, как кто-то говорил, что он на этом помешан: дом в горах обнесен колючей проволокой, на которую подан ток. Пробраться к нему очень сложно.

— Ему виднее, — сказал Джо, — как жить после выхода в свет такой книги. Многим немецким шишкам кровь ударила в голову, когда они ее прочитали.

— Он вел подобный образ жизни и до того, как написал ее. Место, где он живет, называется, — она мельком взглянула на обложку, — Высокий

Замок. Он сам его так назвал.

— Ничего, доберутся и до него, — сказал Джо, торопливо жуя. — А он хитрец. Все время настороже.

— Я считаю, он большой смельчак, если решился написать такое. Если бы страны Оси проиграли войну, каждый, как когда-то, мог бы говорить и писать, что угодно. У нас были бы единая держава и справедливые законы, одинаковые для всех.

К ее изумлению, он согласно кивнул.

— Не понятно мне это, — сказала она, — свои-то убеждения у тебя есть? Чего ты добиваешься? Сперва ты защищаешь этих уродов, этих извращенцев, истребивших евреев, а теперь… — она вне себя схватила его за уши и, вставая, потянула его за собой. Он зажмурился от боли и неожиданности.

Они стояли, тяжело дыша, друг против друга и не могли выдавить из себя ни слова.

— Ты дашь мне доесть завтрак? В конце концов, для кого он приготовлен? — наконец прервал молчание Джо.

— Что же ты не отвечаешь? Боишься сказать правду? Ты все отлично понимаешь, только прикидываешься, будто и понятия не имеешь, о чем это я тебе все время твержу, и продолжаешь как

ни в чем ни бывало есть. — Она отпустила его уши, ставшие теперь ярко-красными.

— Это пустая болтовня, — сказал Джо. — Бессмыслица. Как к сообщение по радио, о котором ты говорила, Знаешь, как ребята в коричневых рубашках называют тех, кто пробавляется философией? Eierkopf. Яйцеголовые. Потому что их высоколобая пустая башка так легко раскалывается в уличных заварушках.

— Если ты так думаешь, то почему до сих пор не ушел отсюда? Зачем ты вообще сидишь здесь?

Лицо его приняло загадочное выражение, а от взгляда повеяло холодом.

«Я уже жалею, что впустила его к себе, — думала она. — Но теперь поздно раскаиваться. Избавиться от него, конечно, не удастся: он слишком силен.

Происходит нечто ужасное. И он — источник этого кошмара. И, похоже, я невольно чем-то помогаю ему».

— Что с тобой происходит? — Он взял ее за подбородок и потрепал по затылку, потом запустил руку под блузку и принялся нежно поглаживать ее плечи. — У тебя просто скверное настроение. Скажи мне, что тебя мучает, и я бесплатно займусь психоанализом.

— ей, ты что, жидовский психоаналитик, — вяло улыбнулась она, — в крематорий захотел?

— Ты все это время боишься мужчин, не так ли?

— Не знаю.

— Прошлой ночью это чувствовалось. Только потому, что я… — Он запнулся на полуслове. — Лишь благодаря тому, что я старался ничем не обидеть тебя…

— Потому что ты уже побывал в постели со столькими женщинами… Ты это хотел сказать?

— Но я же прав. Послушай, Юлиана, я никогда не обижу тебя. Клянусь могилой моей матери! Я буду особенно внимателен и, уж если речь зашла о моем опыте, то ты вполне можешь воспользоваться им. Ты избавишься от своих страхов. Я помогу тебе расслабиться и научу многому, уверяю тебя, в ближайшее же время. Просто тебе до сих пор не везло с мужчинами.

Она кивнула. Настроение немного улучшилось. Однако неизвестно почему она по-прежнему ощущала тоску.

Рабочий день господина Нобусаке Тагоми начался с минуты одиночества. Он восседал в своем кабинете в «Ниппон Таймс» и медитировал.

Перед самым выходом из дому он получил от

Ито рапорт о господине Бэйнсе. Студент уверял, что господин Бэйнс вовсе не швед. Господин Бэйнс, несомненно, немец.

Однако ни Торговая Миссия, ни тайная полиция «Таккока», похоже, до сих пор об открытии Ито не догадывались. «Глупец, он наверняка не смог разнюхать ничего достойного внимания, — размышлял Тагоми. — В рапорте отсутствует что-либо существенное, кроме сверхстарательности и романтического доктринерства. Снова мне самому приходится срывать маски, ни на миг не ослабляя бдительности».

В любом случае, встреча с господином Бэйнсом и почтенным незнакомцем с Островов состоится в полном соответствии с планом, независимо от национальности господина Бэйнса. Он понравился Тагоми. Наивысшим талантом у таких, как он, занимающих высокие посты людей, несомненно, является интуиция. И в первую очередь по отношению к людям. Умение распознавать достойных людей, пробиваться к человеческой сути сквозь все церемонии, условности и обманчивую видимость.

Сердце всегда заключено меж двух стихий: «инь» — стиснуто темными страстями, — там сохраняется свет, «янь» — сокрытое в глубине

пламя.

«Он мне понравился, — подумал Тагоми. — И не важно, кто он: немец или швед. Надеюсь, заракаин помог ему избавиться от головной боли. Надо бы не забыть спросить его об этом».

На рабочем столе засигналил интерком.

— Позже, — сказал он. — Мне сейчас не до разговоров.

Наступало мгновение внутренней истины.

Несмотря на его замечание, из динамика раздался голос господина Рэмси:

— Прошу многоуважаемого господина выслушать меня. Минуту назад из информационного отдела поступило сообщение. Умер рейхсканцлер Мартин Борман. — Стало тихо.

«Отменить на сегодня все дела», — пронеслось в голове у Тагоми. Он поднялся из-за бюро и, сжав руки, начал нервно вышагивать по кабинету. «Необходимо все продумать. Но сначала — отправить соболезнования рейхсконсулу. Дело простое, с таким справится и подчиненный. Глубочайшие соболезнования и т. п. Вся Япония скорбит вместе с немецким народом в эту тяжелую минуту. Что еще? Максимальная бдительность. Приготовиться к приему срочной информации из. Токио».

Нажав кнопку интеркома, он сказал:

— Господин Рэмси, убедитесь в наличии связи с Токио. Прошу телефонисток быть в постоянной готовности. Все сообщения принимать немедленно.

— Слушаюсь.

— С этой минуты я постоянно в своем кабинете. Отменить все текущие дела. Отпустить клиентов.

— Простите, как вы сказали?

— У меня должны быть развязаны руки на тот случай, если придется действовать незамедлительно.

— Слушаюсь.

Через полчаса, в девять ноль-ноль, поступило сообщение от высшего наместника Императорского Правительства на Западном побережье — посла Японии в Тихоокеанских, Штатах Америки — досточтимого барона Л. Б. Кэлемакуле. Министерство иностранных дел созывает чрезвычайное совещание в здании посольства на Суттер-стрит; каждой торговой миссии приказано направить ответственного представителя. В данном случае должен присутствовать лично господин Тагоми.

На переодевание времени не оставалось. Тагоми поспешил к экспресс-лифту и спустя минуту

уже сидел в представительском лимузине миссии — черном «кадиллаке» выпуска 1940 года, с шофером-китайцем в ливрее за рулем.

У здания посольства он насчитал больше десятка машин других важных особ. По широким ступеням поднимались различного ранга сановники, некоторых из них он знал лично. Шофер открыл дверцу, и Тагоми поспешно вылез из машины, сжимая ручку пустого портфеля. Для совещания бумаг не требовалось, но крайне необходимо было создать впечатление, что он не сторонний наблюдатель. Он поднимался по ступеням с видом, внушающим всем важность отведенной ему в происходящем роли, хотя на самом деле ему не сообщили даже темы совещания.

Сановники собирались в небольшие группы. Из холла доносился приглушенный шум дискуссий. Обменявшись поклонами, Тагоми присоединился к знакомым чиновникам. Так же, как и все, он держал себя с торжественным достоинством.

Спустя минуту появился сотрудник посольства и проводил их в Большой зал, уставленный складными стульями. Все вошли и заняли свои места. Разговоры стихли, слышалось лишь покашливание.

К столику на возвышении пробрался какой-то джентльмен с бумагами. Сшитый на заказ костюм: представитель министерства иностранных дел.

Легкое замешательство. Присутствующие обмениваются взглядами.

— Господа, — громким, властным голосом начал представитель министерства. Все взоры обратились к нему. — Как вам известно, сообщение о смерти героя Рейха подтвердилось. Получена официальная телеграмма из Берлина. Наша встреча будет недолгой, и вскоре вы сможете вернуться к своим делам. Мы собрали вас, чтобы проинформировать о нашей оценке соперничающих фракций германских политиков, которые, как следует теперь ожидать, начнут бескомпромиссную борьбу за освободившийся пост.

Вкратце о главных лицах. Прежде всего — Герман Геринг. Прошу прощения, если буду излагать общеизвестные факты.

Прозванный в народе Толстым ввиду его тучности, сперва храбрый воздушный ас в сражениях первой мировой войны, а затем — основатель гестапо. Занимал важный пост в прусском правительстве. Один из самых жестоких среди старых наци, но впоследствии сибаритские эксцессы

создали ему обманчивый образ обаятельного гуляки; в соответствии с рекомендациями нашего правительства доверять ему не следует. Этот человек, несмотря на слухи о его недомогании или даже болезни, связанной с обжорством, походит скорее на падких до развлечений римских цезарей, власть коих с возрастом не только не ослаблялась, но и, напротив, росла. Скандальное реноме этого человека в тоге и с ручными львами, владельца огромного замка, полного трофеев и произведений искусства, — несомненно, ближе к истине. Грузовые составы, доставлявшие награбленные сокровища в его владения, наделялись правом преимущественного следования даже по отношению к военным видам транспорта в самый разгар войны. По нашим оценкам, этот человек обладает непомерной жаждой власти и в состоянии ее добиться. Наиболее развращенный из всех наци, — в противоположность покойному аскету Гиммлеру. У герра Геринга образ мышления грабителя, использующего власть и средства в целях личного обогащения, к тому же примитивный, можно сказать, вульгарный; однако он достаточно умен, не исключено, что самый хитрый из всех нацистских вождей.

Конечной целью его устремлений является

возвеличивание собственной персоны в духе римских императоров.

Следующий. Герр Иозеф Геббельс. В юности перенес болезнь Гейне-Мединых. Вначале исповедовал католичество. Блестящий оратор, известный публицист. Образ мышления — гибкий и одновременно фанатичный, остроумен, в известном смысле — человек культурный» космополитичен. Интересуется дамами. Элегантен. Образован. Способности выше среднего. Много работает. Собран, организован. Имеет поистине патологическую склонность к порядку. Говорят, он никогда не отдыхает. Пользуется уважением в массах. Может быть обаятельным, однако его непримиримость выражена в большей степени, чем у остальных нацистов. Его идеологическую ориентацию можно охарактеризовать как иезуитство плюс постромантический немецкий нигилизм. В партии признан единственным подлинным интеллектуалом. В юности мечтал стать драматургом. Друзей мало. Подчиненные его не любят, поскольку он воплощает многие положительные черты культурного европейца. Цель его устремлений — власть ради власти. К управлению и организации подходит в классическом стиле прусской аристократии.

Герр Гейдрих. — Чиновник МИДа оторвался от бумаг и обвел взглядом присутствующих. Затем продолжил.

— Значительно моложе названных выше участников нацистской революции 1932 года. Как профессионал связан с элитой СС. Подчиненный Гиммлера, не исключается причастность его к невыясненным до конца обстоятельствам смерти его шефа в 1948 году. В официальном порядке избавился от конкурентов в полицейском аппарате, — например, Эйхмана, Шелленберга и ряда других. Говорят, многие члены партий боятся его. Руководил инспекцией Вермахта после беспорядков в известном столкновении полиции с армией, когда НСДАП одержала победу. Последовательный приверженец Мартина Бормана. Своего рода продукт элитарной подготовки, однако еще до создания так называемой замковой системы СС. Ходят слухи, он лишен эмоциональности в традиционном смысле. Мотивы его поступков не ясны. Возможно, общество рассматривается им в категориях теории игр, — особого квазинаучного подхода, встречающегося в определенных технократических кругах. В идеологических спорах участия не принимает. Вывод: по складу и образу мышления может считаться самым

современным среди нацистских вождей. Относится к так называемому пострелигиозному типу людей, отрекшихся от, так сказать, устойчивых иллюзий, наподобие веры в Бога. Социологи в Токио не в состоянии исчерпывающе объяснить феномен подобного образа мышления. Следует, однако, обратить особое внимание на корреляцию в отсутствии эмоциональности и симптомы застарелой шизофрении.

Слушая это, Тагоми почувствовал себя паршиво.

— Бальдур фон Ширах. Бывший шеф Гитлерюгенда. Считается идеалистом. Во внеслужебных отношениях не лишен обаяния. Однако его нельзя назвать достаточно опытным и компетентным. Искренне верит в достижимость партийных целей. Отвечал за проведение осушительных работ в Средиземном море, целью которых являлось получение новых гигантских сельскохозяйственных угодий. В начале пятидесятых сдерживал проведение политики расового геноцида на славянских территориях. Обратился непосредственно к немецкому народу с идеей оставить сохранившуюся часть славянских народов в закрытых резервациях. Призывал (правда, безрезультатно) к прекращению некоторых форм

эвтаназии и сворачиванию медицинских экспериментов.

Доктор Зейсс-Инкварт. Бывший глава австрийских наци, в настоящее время — ответственный за состояние колоний Рейха и проведение колониальной политики. Говорят, как никто другой, вызывает к себе ненависть во всем Рейхе. Как утверждается, инициатор большинства, если не всех, репрессий в отношении покоренных народов. Соавтор Розенберга по разработке идеологических обоснований, вызывающих большую тревогу планов стерилизации в гигантских масштабах уцелевшего русского населения. Точные данные отсутствуют, однако считается одним из ответственных за приказ о начале экспериментов над населением африканского континента и за создание условий для геноцида негритянского населения. Вероятно, по темпераменту он, как никто другой, напоминает первого фюрера, Адольфа Гитлера.

Представитель МИДа закончил сухое изложение материала.

«Я, кажется, сейчас сойду с ума, — подумал Тагоми. — Наверное, это приступ, я должен как можно быстрее выйти. Если мой организм сию минуту не очистится, я погибну». Он неуверен-

но встал и на ватных ногах стал пробираться к выходу. «Скорей в туалет!» Он ускорил шаги, как только мог.

Несколько человек повернулись в его сторону. Его заметили. Боже, какой позор! Ему стало плохо прямо на важнейшем совещании, — какой урон для его престижа! Тагоми почти выбежал в двери, услужливо открытые посольским работником…

Постепенно паника начала стихать. Мир вокруг перестал головокружительно вертеться, вернулась способность нормального восприятия. Пол приобрел прежнюю незыблемость, а стены — устойчивость.

Это — просто внезапное головокружение. Несомненно, какие-то отклонения в вестибулярном аппарате.

«Подкорка, таламус, — дает о себе знать древнейшая часть мозга, — подумал он. — Какое-то скоротечное органическое расстройство.

Необходимо думать только о том, что укрепляет дух. Взывать к всеобщей гармонии. К чему бы теперь обратиться? К религии? Он принялся воображать: а теперь — гавот в медленном исполнении… Оба музыканта безупречны, поистине безупречны, их игра виртуозна. Характер танца воспроизведен безукоризненно…» Он прикрыл

глаза, представляя ансамбль Дойла Карта — так же реально, как тогда, во время послевоенного турне, когда он услышал их впервые-

Голое сотрудника посольства вернул Тагоми на землю:

— Глубокоуважаемому господину чем-нибудь помочь?

Тагоми поклонился:

— Благодарю вас, я чувствую себя лучше.

Открытое озабоченное лицо без тени улыбки. «А если

на самом деле все они в глубине души смеются над ним? — подумалось Тагоми. — ...Зло существует. Оно реально и незыблемо, как бетонная толща.

Не могу поверить в это. Просто невозможно. Зло оказалось не просто абстрактной точкой отсчета». Он брел по холлу, прислушиваясь к уличному шуму и доносившемуся из зала голосу представителя министерства. «Вся наша религия — ложь. Что же делать?» — спрашивал он себя. Швейцар проводил его к выходу, распахнул перед ним двери, и господин Тагоми спустилсяпо ступеням на улицу... Машины на стоянке. Ожидающие водители. А вот и его автомобиль...

«Это все — часть нас самих, — неотъемлемая

часть всего нашего мира. То, что вокруг нас, пронизывает наше тело, ум, сердце.

Но почему?

Подобно слепым кротам, мы на ощупь роемся в земле, весь мир осязая носом». Он чувствовал почти то же самое. И теперь не знал, куда направиться. Хотелось завыть от безысходности. Обратиться в бегство.

Господина Тагоми оставалось только пожалеть.

«Они смеются надо мной, — думал он, идя к своему автомобилю, мимо шоферов, разглядывающих его. — А папку-ТО я забыл. Оставил ее в большом зале… Глаза всех обращены к нему…» Подозвал шофера, дверца распахнулась. Он почти вполз внутрь. «Сказать, чтобы ехал в клинику? Нет, надо вернуться в бюро».

— В «Ниппон Таймс», — произнес он. — Прошу помедленнее. — И он уставился в окно: автомобили, магазины, современные высотные здания. Занятые каждый своим делом мужчины и женщины вокруг.

Прибыв в бюро, он поручил Рэмси связаться с Миссией Неметаллических Ископаемых, и попросил передать их представителю на совещании в посольстве перезвонить по возвращении.

Звонок раздался около двенадцати.

— Вы, наверное, уже заметили, что мне стало нехорошо на совещании, — сказал Тагоми. — Это, несомненно, бросилось в глаза, особенно мой поспешный уход.

— Я ничего не заметил, — ответил коллега из Миссии Неметаллических Ископаемых. — Но мне не удалось увидеться с вами после, и я подумал, что могло бы с вами случиться.

— О, вы весьма тактичны, — торопливо заметил господин Тагоми.

— Вовсе нет. Я абсолютно уверен: всех настолько захватило сообщение представителя министерства, что ни на что другое оби просто не обратили внимания. Что же касается развития событий после вашего ухода… Вы до конца дослушали список вероятных претендентов на пост?

— Мне кажется, я выслушал все, включая информацию о докторе Зейсс-Инкварте.

— Потом докладчик охарактеризовал тамошнюю экономическую ситуацию. Наше правительство считает: германские Планы обращения в рабство населения Европы и Северной Азии плюс уничтожение всех интеллектуалов — представителей местной буржуазии, патриотически настроенной молодежи и прочее, — все это с

экономической точки зрения обернулось катастрофой. Немцев спасают только их потрясающие достижения в области технологии и промышленности. Так сказать, «вундерваффе»[15].

— О да, — согласился господин Тагоми. Сидя за бюро, он одной рукой придерживал телефонную трубку, а другой наливал в чашку горячий чай. — Это что-то вроде «Фау-1», «Фау-2» или реактивных истребителей военной поры.

— Это эквилибристика, — сказал собеседник. — Все еще как-то держится на использовании атомной энергии и на пропагандистском шоу ракетных путешествий на Марс и Венеру. Докладчик подчеркнул, что, несмотря на ошеломляющее воздействие на воображение, их экономическая ценность равна нулю.

— Однако они такие зрелищные, — заметил Тагоми.

— Прогнозы докладчика малоутешительны. Он полагает, нацистские власти не желают взглянуть реальности в лицо и все более склоняются к ярким авантюрам за счет безопасности и общего равновесия в экономике. Сначала — цикл маниакального энтузиазма, затем — страх, и, на-

---

[15] Notes: 15
Чудо-оружие *(нем.)*.

конец, — непродуманные партийные решения… но, в любом случае, как он подчеркивал, это выносит наверх несерьезных и безответственных политиканов.

Господин Тагоми согласился.

— Держу пари, выберут как раз худшего, но уж никак не лучшего. Трезвые и взвешенные в этой борьбе проиграют.

— А кто, с точки зрения представителя министерства, этот наихудший?

— По мнению императорских властей, — Гейдрих, Зейсс-Инкварт и Геринг.

— А наилучший?

— Наверняка фон Ширах и Геббельс, но представитель в них не уверен.

— Это все?

— Еще он сообщил, что в настоящий момент мы должны сохранять верность императору и правительству более, чем когда-либо. Сегодня надлежит обращать наши взоры ко Дворцу с доверием и надеждой.

— И, конечно же, намять усопшего почтили минутой молчания?

— О да.

Господин Тагоми поблагодарил собеседника и положил трубку.

Некоторое время он сидел и пил чай. Голос барышни Эфрекяйн раздался по интеркому:

— Вы хотели отправить телеграмму рейхсконсулу, — она сделала паузу. — Вы продиктуете текст сейчас же?

«Ах да, конечно, же, — спохватился Тагоми, — я и забыл». А вслух сказал:

— Прошу вас зайти в кабинет.

Через минуту секретарша вошла.

— Вы чувствуете себя лучше? — с надеждой в голосе осведомилась она.

— О да. Витаминная инъекция мне помогла. — Он задумался. — Прошу вас, напомните мне фамилию рейхсконсула?

— Пожалуйста, Freiherr[16] Гуго Райс.

— Майн герр, — начал господин Тагоми. — До нас дошло поистине ошеломляющее известие о том, что ваш Вождь, герр Мартин Борман, скончался. Когда я пишу эти строки, слезы наворачиваются на глаза. Я вспоминаю решительные шаги герра Бормана по обеспечению защиты немецкого народа как от внешних врагов, так и внутренних, а также его потрясающе суровые действия, направленные против непокорных и

---

[16] Notes: 16
Барон *(нем.)*.

предателей, пытавшихся подорвать мечты человечества, о Космосе, куда теперь смело вторглись белокурые и голубоглазые арийцы, после всех тысячелетий… — Он замолчал. Это предложение невозможно закончить. Барышня Эфрекяйн выключила магнитофон и ждала.

— Мы живем в удивительное время, — сообщил он.

— Это записывать? — она неуверенно включила магнитофон опять.

— Нет, я просто обратился к вам.

Он улыбнулся.

— Сотрите, пожалуйста, мой ответ.

Катушка завертелась, потом раздался его голос — слабый и металлический:

— «…решительные шаги герра Бормана по обеспечению защиты немецкого народа…» — он слушал этот комариный писк и думал: «Все это пустая болтовня…»

— Я придумал дальше, — сообщил он, когда катушка остановилась. — Полные решимости, жертвуя собственной жизнью, они устремлялись к звездам, дабы занять свое место в истории, — место, которого уже никому не отнять, как бы ни сложилась судьба.

— Все мы букашки, — сказал он барышне

Эфрекяйн. — Слепо стремимся к чему-то либо ужасному, либо божественному. Вам так не кажется?

Он поклонился.

Барышня Эфрекяйн ответила легким поклоном.

— Прошу отправить это, — сказал господин Тагоми. — Проставьте подпись и все остальное. Если хотите, можете подправить фразу, чтобы она имела больше смысла. — Когда секретарша выходила из кабинета, он добавил:

— Или так, чтобы текст вообще стал бессмысленным. Как вам будет угодно.

Она удивленно оглянулась.

Тагоми решил уже заняться текущими делами, но из интеркома раздался голос Рэмси.

— Прошу прощения, звонит господин Бэйнс.

«Вот и хорошо, — подумал Тагоми, — можно будет приступить к переговорам».

— Прошу соединить, — сказал он и поднял трубку.

— Это господин Тагоми? — услышал он голос господина Бэйнса.

— Добрый вечер. В связи с известием о смерти канцлера Бормана я вынужден был рано утром покинуть бюро. Однако…

— Господин Ятабе связался с вами?

— Еще нет, — ответил Тагоми.

— Вы предупредили ваших работников о его визите? — в голосе господина Бэйнса проступало беспокойство.

— О да, — ответил Тагоми. — Его проведут ко мне как только он прибудет. — А про себя он отметил, что должен предупредить обо всем Рэмси, — поскольку не успел сделать этого раньше. Разве нельзя начать переговоры, не дожидаясь старика? Он почувствовал разочарование.

— С нетерпением ожидаю встречи. Вы продемонстрируете ваши новые литейные формы? Несмотря на всю сегодняшнюю суматоху…

— Произошли серьезные изменения, — сказал Бэйнс. — Придется дождаться господина Ятабе. Вы уверены, что он еще не прибыл? Пообещайте мне, что дадите знать сразу же по его прибытии. Очень прошу вас, господин Тагоми, соберитесь. — В голосе господина Бэйнса ощущалось волнение.

— Обещаю вам. — Теперь и его охватило чувство тревоги. Смерть Бормана — вот причина всех изменений.

— А пока, — поспешил он продолжить, — я бы с удовольствием пообедал в вашем обществе. Из-за всего случившегося мне до сих пор так и не

удалось этого сделать. — Он продолжал импровизировать. — А за едой мы бы смогли обсудить ситуацию, особенно, что касается…

— Нет, — перебил его господин Бэйнс.

«Но почему же?» — подумал Тагоми.

— Извините, — сказал он, — я неважно себя сегодня чувствую. Случилась досадная неприятность. Надеюсь, что вы меня поймете…

— Црошу прощения, — вмешался господин Бэйнс. — Я позже вам перезвоню. — Раздался треск: он бросил трубку.

«Обиделся, — подумал Тагоми. — Он наверняка догадался, что я по оплошности не предупредил персонал о визите почтенного старца. Но это же мелочь». Он нажал кнопку интеркома и сказал:

— Господин Рэмси, зайдите ко мне.

«Нужно все немедленно исправить. Понятно, что речь идет о чем-то очень важном. Его потрясла смерть Бормана. В этой мелочи — свидетельство моей небрежности и глупости. — Он ощутил угрызения совести. — Плохой день. Следует спросить совета у Оракула, осведомиться, в чем смысл настоящего момента. Пока лишь несомненно одно: я слишком далек от тао».

«Под знаком какой гексаграммы из всех шестидесяти четырех действую я теперь?» — спросил

он себя. Открыв ящик бюро, он извлек оба тома «И-чинг». О многом хотелось бы спросить у мудрецов. «Столько вопросов, которые даже сформулировать до конца невозможно…»

Когда вошел Рэмси, он уже знал содержание гексаграммы.

— Посмотрите, господин Рэмси, — он показал книгу.

Сорок седьмая гексаграмма. «Преследование». «Истощение».

— Как будто, дурное предзнаменование, — сказал господин Рэмси. — О чем вы спрашивали, если не секрет?

— О настоящем моменте, — ответил господин Тагоми. — В котором находимся все мы. Ни одной подвижной линии. Статичная гексаграмма. — Он захлопнул книгу.

В три часа пополудни Фрэнк Фринк и его компаньон, в ожидании решения Уиндэма-Матсона, захотели обратиться за советом к Оракулу.

— «Как пойдут дела?» — спросил Фрэнк и бросил монетки.

Выпала сорок седьмая гексаграмма, с единственной подвижной линией, — девятка на пятом месте.

Нос и стопы отсечены.

Преследование со стороны человека с пурпурными подвязками.

Радость приходит постепенно.

Выгодно приносить жертвы и делать возлияния.

Долго, по крайней мере с полчаса, он изучал строки и комментарии к ним, силясь понять, что же это может означать. Гексаграмма и особенно эта подвижная линия обеспокоили его. В конце концов, вопреки желанию, он сделал вывод: денег им не получить.

— Слишком уж ты всему этому веришь, — успокаивал его Мак-Карти.

В четыре прибыл посыльный компании «У-М» и доставил им конверт, в котором лежал подписанный чек на две тысячи долларов.

— Ну, теперь ты убедился, что я прав?! — вскричал Мак-Карти.

«Итак, — подумал Фринк, — в предсказании речь идет о каких-то неясных последствиях происшедшего. В этом-то все и дело: только тогда, когда все свершится, можно будет понять, что же подразумевало предсказание. Но не теперь...»

— Можно начинать обустраивать мастер-

скую, — сказал Мак-Карти.

— Сегодня? Прямо сейчас? — Фринк только теперь ощутил усталость.

— Почему бы и нет? Заказы мы уже оформили, осталось вложить их в конверты. Чем быстрее, тем лучше. А то, что можно достать здесь, мы и сами купим. — Натягивая на ходу пиджак, Эд направился к выходу.

Они договорились с владельцем дома, где жил Фринк, об аренде помещения, в котором когда-то располагалась пивная. Сейчас оно использовалось под склад. Бели убрать картонные коробки, можно установить станки, начать монтаж двигателей и трансмиссий. Проект, спецификации, перечень деталей уже подготовлены.

— А дело-то пошло, — понял Фрэнк. Они даже обговорили название фирмы: «ЭДФРЭНК — ПРОИЗВОДСТВО ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИИ».

«Все, что мы можем пока приобрести, — это древесину для мастерской и, возможно, часть оборудования».

Потом они отправились на склад древесины в южную часть Сан-Франциско. Меньше чем за час вопрос с древесиной уладился.

— Что тебя все это время мучает? — осведомился Мак-Карти, когда они входили в скобяную

лавку.

— Деньги. Меня постоянно угнетает, что наши финансовые дела пришлось решать таким способом.

— Ничего, старик У-М нас поймет, — сказал Мак-Карти.

«Да, — подумал Фринк, — это и меня угнетает. Мы вышли в люди и стали такими же, как он. Мысль, не слишком уж и приятная».

— Нечего так часто вспоминать об этом. Что было, быльем поросло, — проговорил Мак-Карти. — Смотри-ка лучше вперед. Думай о собственном деле.

«Я-то смотрю, — подумал Фринк. Ему не давала покоя гексаграмма. — Какие жертвы и какие воздаяния предстоит совершить? И кому?»

7

Милая японская пара, посетившая магазин Роберта Чилдана, — чета Касура, — дала о себе знать в конце недели. Его пригласили на ужин. И хотя Чилдан в общем-то ожидал этого, он по-настоящему обрадовался.

Закрыв свой магазин немного раньше обычного, он отправился в фешенебельный квартал, где остановились супруги Касура. Он знал этот район, хотя белые там не жили. Рикша вез его по извилистым улочкам, мимо газонов и плакучих ив. Чилдан всматривался в новые жилые дома, удивляясь их привлекательному виду. Балконы, украшенные решетками из кованого железа, стройные, в стиле модерн колонны, пастельные тона, контрастирующие фактуры образовали то целое, которое принято называть произведением искусства. Он еще помнил времена, когда этот район лежал в руинах и щебне.

Японские дети, играющие у входов домов, какое-то время молча и равнодушно наблюдали за ним, чтобы затем быстро вернуться к бейсболу или футболу.

«Но взрослые, — подумал он, — совсем другое

дело». Чилдан заметил, что японцы смотрели на него с куда большим интересом, чем дети. Наверняка они все задавались вопросом, живет ли он здесь… Молодые бизнесмены, вернувшиеся домой из своих контор… здесь жили даже главы торговых миссий. Он обратил внимание на «кадиллаки» на стоянках. По мере того, как рикша приближался к конечному пункту маршрута, Чилдана все больше охватывало волнение.

Немного позже, поднимаясь по ступенькам дома четы Касура, он размышлял: «Вот куда теперь меня приглашают, — и не просто по делам, а на домашний прием…» Естественно, он оделся с особой тщательностью, по крайней мере, за внешний вид он мог не волноваться. «Все дело, конечно, в том, как я выгляжу, — сообразил он. — На кого хочу быть похожим? И кого пытаюсь ввести в заблуждение? Ведь все равно я не из их круга. Подумать только, на этой земле, где белые вырубили леса и построили один из прекраснейших городов мира… Я — чужак на своей земле…»

Выстланный ковром коридорчик вел ко входной двери. Он позвонил, и в ту же минуту дверь распахнулась. Его встречала сама госпожа Каеура, в нарядном шелковом кимоно с поясом «оби»; ее длинные черные волосы падали на плечи. Она

приветливо улыбалась Чилдану. За ее спиной в гостиной уже ожидал ее супруг, со стаканчиком в руке, одобрительно склонив голову.

— О, господин Чилдан, пожалуйста, входите»

Он поклонился и вошел.

В высшей степени изысканно… но так аскетично. Совсем мало мебели: стол, книжный шкаф, на стенах — гравюры. Непостижимое японское ощущение «ваби». Дать этому американское определение — просто невозможно. Что-то, заключенное в умении видеть красоту обыденных вещей, — красоту большую, чем в специально созданных для этой цели предметах. Нечто, связанное с искусством размещать вещи в пространстве.

— Что вы будете пить? — осведомился господин Касура. — Виски с содовой?

— Господин Касура… — начал Чилдан.

— Просто Пол, — перебил его молодой японец и указал на жену, — Бетти. А ваше имя…

— Роберт, — вполголоса проговорил Чилдан.

Усевшись со стаканами на мягкий ковер, они начали слушать записи мелодий «кото» — японской тринадцатиструнной арфы. Новая, довольно популярная сегодня запись. Чилдан отметил, что все детали граммофона и даже динамик скрыты.

Он так и не смог понять, откуда исходит звук.

— Не зная ваших гастрономических вкусов, — сказала Бетти, — я решила рискнуть. В электропечи поджаривается эскалоп на косточке. К нему — печеный картофель под соусом или со сметаной и луком. У нас говорят: не ошибешься, если подашь новому гостю на обед эскалоп.

— Благодарю вас, — проговорил Чилдан. — Я очень люблю эскалоп. — Он несомненно говорил правду. Крупные поставки скота со Среднего Запада на Западное Побережье почти прекратились. Он действительно не мог вспомнить, когда в последний раз пробовал настоящий эскалоп.

По мнению Чилдана, наступил подходящий момент для вручения подарка.

Из кармана пиджака он извлек что-то небольшое, обернутое в папиросную бумагу, и осторожно положил на столик. Заинтересовавшиеся хозяева ждали объяснений.

— Эта вещица предназначается для вас, господа. Так, ничего особенного. И хотя бы отчасти, но она свидетельствует о моем уважении к вам.

Он развернул бумагу и взял подарок в руки. Небольшой обломок слоновой кости, украшенный резьбой, выполненной сто лет назад китобоями из Новой Англии. Миниатюрное произведение

искусства, называемое «скримшоу». Лица хозяев просияли: они, несомненно, знали цену таким вещичкам, сделанным моряками в свободные от вахт минуты. Как нельзя лучше они олицетворяли старую американскую культуру.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина.

— О, мы очень благодарны вам, — проговорил Пол.

Роберт Чилдан поклонился.

В его душе мгновенно воцарилось спокойствие. Его сувенир, по словам, «И-чинг», — жертвоприношение, с успехом выполнил свое предназначение. Беспокойство и подавленность, так раздражавшие Чилдана в последнее время, начали отступать.

Рэй Кэлвин вернул ему наличными за поддельный «Кольт-44» и дал письменные гарантии на будущее. Однако облегчения это не принесло. И только теперь, в ситуации, никоим образом не связанной с теми делами, его хотя бы на время покинуло ощущение, будто все неумолимо катится по наклонной плоскости… «Это все «ваби», окружающая его атмосфера гармонии… причина только в этом, — признал он. — Соразмерность. Равновесие. Насколько близки они к «тао», эти

молодые японцы. Вот почему еще тогда они произвели на него такое впечатление. Я ощутил в них «тао», уловил его отблеск».

«Как изменилось бы все, — задумался Чилдан, — если бы он действительно познал «тао», создавшее вначале свет, а затем тьму. Рождающее игру двух первооснов, благодаря чему неизбежно приходит обновление и не иссякает свет. Вселенная никогда не погибнет, ибо, когда окажется, будто все уже поглощено тьмой, в самой глубине ее зародится новая искорка света. В этом, собственно, и заключен Путь. Искорка попадает в самое глубь земли и там, невидимая, рождается новая жизнь».

— Закуска, — объявила Бетти. Стоя на коленях, она подала поднос с крошечными крэкерами с сыром. Он с удовольствием взял парочку.

— В последнее время новости международной жизни находятся в центре внимания, — сказал Пол, потягивая виски. — Возвращаясь домой, я слушал прямую трансляцию из Мюнхена всенародной театрализованной траурной церемонии. Более пятидесяти тысяч присутствующих, знамена и так далее. Траурные мелодии «Ich hatte einen, Kamerad». Гроб с телом выставлен для прощания.

— Да, это прискорбно, — сказал Чилдан. — Такие известия в начале недели.

— Сегодняшняя «Ниппон Таймс», из хорошо информированных источников, сообщила о домашнем аресте фон Шираха, — сказала Бетти. — Говорят, без СД здесь не обошлось.

— Плохо, — бросил Пол и покачал головой.

— Несомненно, власти пошли на такое в интересах поддержания порядка, — заявил Чилдан. — Ведьфон Ширах прославился своими своевольными, необдуманными и даже невероятными решениями. Он очень напоминает Рудольфа Гесса с этим его сумасшедшим путешествием в Англию.

— А что еще пишет «Ниппон Таймс»? — обратился к жене Пол.

— Крупные беспорядки и интриги. Армейские части перемещают во всех направлениях. Увольнительные и отпуска отменены. Пограничные пункты закрыты. Рейхстаг заседает. Все выступают с речами.

— Слушая вас, я вспомнил великолепное выступление доктора Геббельса по радио, — сказал Чилдан. — Примерно год назад. Очень умное и напористое. Он, как всегда, полностью завладел аудиторией. Целая гамма эмоций. Несомненно,

после ухода со сцены Адольфа Гитлера доктор Геббельс у нацистов — оратор номер один.

— Это так, — согласились Пол и Бетти, кивая в ответ.

— Доктору Геббельсу повезло с женой и детьми, — продолжал рассуждать Чилдан. — Все они — выдающиеся личности.

— Да, — подтвердили супруги. — В отличие от других больших бонз с их сомнительными сексуальными связями он — примерный семьянин, — добавил Пол.

— Я бы не стал чересчур доверять сплетням, — сказал Чилдан. — Вы имеете в виду Рэма и ему подобных? Но это же все было давным-давно.

— Скорее, я подразумевал Геринга, — уточнил Пол, посматривая в свой стакан. — Эти рассказы об их фантастических оргиях в духе римлян… Послушать их — уши вянут, и мороз идет по коже.

— Клевета, — возразил Чилдан.

— Все это, право же, не достойно ваших споров, — тактично вмешалась Бетти, внимательно наблюдавшая за ними.

Они почти уже допили виски, и Бетти удалилась снова наполнить стаканы.

— Много всякой грязи поднимается в ходе таких политических дискуссий, — сказал Пол. — Эти

споры — везде и всюду. Как важно в подобной обстановке сохранять спокойствие.

— О да, — согласился Чилдан. — Спокойствие и порядок. Тогда все примет нормальное положение.

— Период, следующий непосредственно за смертью вождя, — всегда критический для тоталитарного общества, — рассуждал Пол. — Из-за отсутствия традиций и институтов, представляющих интересы среднего класса… — он замолчал, не окончив своей мысли.

— Может, лучше оставим политику? — он улыбнулся. — А то получается, как в добрые студенческие времена.

Роберт Чилдан почувствовал, что краснеет, и нарочито склонился над своим стаканом, чтобы скрыть это от хозяев. «Ужасное начало. Так глупо и крикливо рассуждать о политике, продемонстрировать недостаток хороших манер, затеять епор… Положение спасла тактичность хозяев. Мне еще многому следует научиться, — подумал Чилдан. — Они так милы и тактичны. А я — как белый варвар. Увы, это правда».

Какое-то время он ограничивался лишь поглощением виски, пытаясь сохранять естественное выражение лица. «Я должен во всем подражать

им, — повторял он себе. — Все время соглашаться с ними».

В приступе паники он подумал: «Рассудок мой сейчас замутнен алкоголем. К тому же я устал и нервничаю. Удастся ли мне это? Кончится тем, что они больше никогда не пригласят меня. Все пропало». Его охватило отчаяние.

Бетти вернулась из кухни и снова уселась на ковер. «Она прекрасна, — подумал Чилдан. — Какое гибкое тело. Насколько фигуры их женщин лучше. Им не нужны корсеты и бюстгальтеры… Ни за что нельзя дать ей почувствовать его смятение…»

Но все же время от времени он позволял себе украдкой бросать на нее взгляды. «Восхитительная смуглая кожа, глаза, волосы… В сравнении с ними мы какие-то непропеченные, как будто нас преждевременно вынули из печи. Старая притча говорит правду. Нужно как-то отвлечь свои мысли. Какой-нибудь общей темой, неважно, чем». — Он пытался хоть за что-нибудь зацепиться взглядом, однако взор его бесцельно продолжал блуждать. Тяжелое молчание затянулось, напряжение приближалось к критической отметке. «Невыносимое положение. Что же, черт возьми, сказать? Что-нибудь индифферентное,

нейтральное...»

Он заметил книгу, лежащую на низком черном столике.

— О, я вижу, вы читаете «Тучнеет саранча», — сказал он. — От многих уже приходилось слышать о ней, но у меня такая пропасть работы, что даже не хватает времени просмотреть ее. — Он поднялся и взял книгу, незаметно наблюдая за реакцией хозяев, которые, похоже, положительно оценили этот дружеский жест. — Это детектив? Прошу простить мое абсолютное невежество. — Он полистал. несколько страниц.

— Отнюдь не детектив, — сказал Пол. — Напротив, интереснейшая форма беллетристики, скорее, ее следует отнести к жанру научной фантастики.

— О нет! — запротестовала Бетти. — Там нет никакой науки, и действие происходит вовсе не в будущем. Ведь научная фантастика предсказывает завтра, особенно такое, где наука ушла далеко вперед. А эта книга не отвечает ни одному из этих требований.

— Однако, — возразил в свою очередь Пол, — речь в ней идет об альтернативном настоящем. На эту тему написано немало научно-фантастических романов. Не удивляйся моей настойчи-

вости, — внезапно перешел на «ты» Пол, — моей жене известно, что уже многие годы я увлечен научной фантастикой. Она — мое хобби с ранних лет. Тогда мне минуло всего девятнадцать. Где-то в самом начале войны.

— Понятно, — вежливо вставил Чилдан.

— Ты бы хотел прочитать «Саранчу»? Мы скоро ее дочитаем, возможно, уже завтра, ну, максимум — послезавтра. Мое бюро находится в центре, неподалеку от твоего замечательного магазина. Я охотно занесу ее в обеденный перерыв. — Он на мгновение замолчал, а потом, как догадался Чилдан, — по знаку Бетти, — добавил:

— Мы могли бы, Роберт, заодно и пообедать вместе…

— Благодарю, — проговорил Чилдан. Он смог выдавить из себя только одно слово. «Обед в одном из престижных ресторанов в центре города»., там, где, как правило, встречаются бизнесмены. И он — в обществе элегантного высокопоставленного японца… Нет, это даже слишком». — От радости у него помутился взор, однако как ни в чем не бывало он продолжал листать страницы и кивать.

— Да, — подтвердил он, — похоже, это что-то интересное. Очень хочется прочитать. Я стара-

юсь следить за новинками, имеющими шумный успех. «Правильно ли он сказал? По сути, он ведь признался: его интерес вызван не более чем модой. Может, это здесь не к месту?» — Он не знал наверняка, но чувствовал — его опасения не беспочвенны.

— Нельзя составить мнения о книге лишь на том основании, что она бестселлер, — прибавил он. — Я думаю, все мы это понимаем. Ведь многие бестселлеры — ерунда. Однако… — он запнулся.

— Очень верно, — заметила Бетти. — Заурядный вкус заслуживает лишь сожаления.

— Это — как в музыке, — добавил Пол. — Сейчас, например, совсем пропал интерес к настоящему американскому джазу. Тебе нравятся даймы Бака Джонсона, Кида Орри и остальных? У меня есть коллекция пластинок с этой старой музыкой, в оригинальных записях Дженета.

— Боюсь, я мало разбираюсь в негритянской музыке, — признался Роберт. Похоже, его замечание произвело не слишком-то благоприятное впечатление.

— Я предпочитаю классику — Баха или Бетховена. Уж в этом, кажется, нет ничего предосудительного. Он почувствовал себя слегка обиженным. «Кто бы мог подумать, что придется почти от-

рекаться от величайших мастеров европейской музыки, бессмертных классиков, в пользу какого-то ньо-орлеанского джаза, вышедшего из дешевых ресторанчиков и забегаловок негритянских кварталов?»

— Возможно, если я поставлю тебе что-нибудь в исполнении нью-орлеанских королей ритма… — начал Пол, но Бетти взглянула на него упреждающе. Он заколебался, а потом пожал плечами.

— Ужин почти готов, — объявила Бетти.

Слегка недовольный. Пол проговорил:

— Джаз из Нью-Орлеана — это же типично американская музыка. Она рождена на этом континенте, а все остальное пришло из Европы, вроде тех слезливых баллад в староанглийском стиле.

— Извечная причина наших раздоров, — вмешалась Бетти, улыбнувшись Чилдану. — Я совершенно не разделяю его увлечения так называемым оригинальным джазом.

Все еще с книгой в руках Чилдан осведомился:

— А все же какая альтернатива нашей действительности описана в этом романе?

— Германия и Япония проигрывают войну.

Воцарилось молчание.

— Пора к столу, — сообщила после паузы Бетти, обаятельно улыбаясь. — Следуйте за мной, голодные джентльмены-бизнесмены. — Она увлекла их к столу, уже накрытому белой скатертью, сервированному столовым серебром и фарфоровой посудой. Большие накрахмаленные салфетки вставлены, как успел заметить Чилдан, в костяные колечки, — изделия современных американских мастеров. Неплохо смотрится и американское серебро. Увидев чашки и блюдца фирмы «Ройял Альберт», синие с золотом и довольно редкие, он не смог сдержать профессионального удивления.

Только тарелки не американские, похожи на японские. А может, он и не прав, поскольку не является специалистом в этом деле.

— Фарфор Имари, — пояснил Пол, увидев, что Чилдан заинтересовался. — Из Ариты. Относится к продукции высшего класса. Япония.

Они сели за стол.

— Кофе? — спросила Бетти.

— О да, — сказал Чилдан, — с удовольствием.

— После ужина, — уточнила она, поворачиваясь к столику на колесах.

Вскоре все приступили к еде, которая показалась Чилдану превосходной. Бетти, несо-

мненно, — незаурядная кухарка. Особенно ему пришелся по вкусу салат: авокадо и сердцевина артишоков, присыпанная сыром пикантным с плесенью. Слава Богу, — они не стали угощать его яствами японской кухни — этой смесью мяса и овощей, которой так часто после войны приходилось питаться. И эти в обязательном порядке дары моря. На креветки и моллюски он уже не мог смотреть.

— Интересно, — сказал Роберт, — каким он представляет мир, где Германия и Япония проиграли войну.

Какое-то время Пол и Бетти хранили молчание. Наконец Пол проговорил:

— Там слишком много подробностей; общая картина настолько сложна, что самое лучшее — прочесть книгу. Комментарии, пожалуй, только испортят удовольствие.

— Я придерживаюсь на этот счет определенной точки зрения, — сообщил Роберт. — И часто об этом размышляю. Думаю, мир выглядел бы значительно хуже. — Он услышал в своем голосе решительные, даже жесткие нотки, и повторил: — Да, значительно хуже.

Их лица выразили удивление, — вероятно, из-за его тона.

— Повсюду господствовал бы коммунизм, — продолжал Роберт.

— Автор книги, господин Абендсен, всесторонне обдумал проблему экспансии Советской России. У него, как и после первой мировой, несмотря на то что она воевала на стороне победивших Союзников, эта отсталая аграрная страна опять остается ни с чем. Ко всеобщему посмешищу. Стоит лишь вспомнить русско-японскую войну…

— Нам многое пришлось вынести, за все заплатить сполна, — сказал Роберт. — Но не напрасно: славянский потоп удалось сдержать.

— Я не поверю никаким историческим версиям, если речь пойдет о «затоплении» мира хоть кем-нибудь: славянами, китайцами или японцами, — негромко произнесла Бетти, спокойно глядя на Роберта. Она полностью владела собой и не давала воли эмоциям, выражая собственное мнение. Лишь щеки ее слегка порозовели.

Какое-то время ели молча.

«Опять все то же, — думал Роберт Чилдан. — Эту тему обойти невозможно. Она повсюду, — и в случайно выбранной книжке, и в грампластинках. Даже в костяных колечках для салфеток… Победители захватывают трофеи. А добычей оказывается наследие моего народа.

Надо смотреть правде в глаза. Я ведь только притворяюсь, будто эти японцы и я во всем похожи. Ну, а в действительности, даже, когда я делаю над собой усилие и выражаю полное удовлетворение их победой и поражением своей страны, даже здесь мы не находим общего языка... Очевидное для меня — для них всегда означает нечто совсем иное. У них и мозг устроен по-другому. И душа тоже. Вы только посмотрите на них: пьют из английского фарфора, на столе американское серебро, слушают негритянские мелодии. Но это все наносное, поверхностное. Власть и богатство дают им возможность позволить себе все, однако на самом "деле это не более, чем эрзац.

Даже «И-чинг», ставшая уже и нам поперек горла, — не их книга, а китайская. Они позаимствовали ее, черт-знает, когда. Кого они пытаются обмануть? Самих себя? Перенимают отовсюду чужие привычки, еду, манеру говорить и одеваться, даже походку. Вот, например, как сегодня — объедаются печеным картофелем с луком и сметаной — традиционным американским блюдом, — и его они умудрились включить в список своих трофеев. Но надуть им никого не удастся, и, уж поверьте, меня-то и подавно.

Только белая раса наделена способностью тво-

рить. Однако я, человек, принадлежащий к этой расе, вынужден кланяться японской парочке. Подумать только, как бы сложилось все, выиграй войну мы! Да мы бы их попросту стерли с лица земли! От Японии мокрого места не осталось бы, а Соединенные Штаты стали бы единственной на всем свете Божием гигантской и непревзойденной силой.

Я должен прочитать эту «Саранчу». Хотя бы из чувства патриотизма».

— Роберт, ты ничего не ешь. Неужели не нравится? — тихо спросила Бетти.

Он тотчас же поддел вилкой салат.

— О нет, — сказал он, — я уже и не помню, сколько лет не. пробовал ничего более вкусного.

— Спасибо, — ответила явно польщенная Бетти. — Я так старалась. Я всегда слежу за тем, чтобы все закупки делались в лавочках на Мишн-стрит. Мне известно: там не обманывают.

«Вы научились виртуозно готовить местные блюда, — думал между тем Чилдан. — Правду говорят: ваши способности к подражанию неограниченны. Шарлотка, кока-кола, прогулка после кино, Гленн Миллер… Да, вы способны из жести и рисовой бумаги слепить новую, искусственную Америку: на кухне — бумажная мамочка, бумаж-

ный папочка читают газетку, бумажный песик на полу. Ну всё-всё в точности…»

Пол молча смотрел на него. Почувствовав его взгляд, Чилдан прервал размышления и принялся за еду. «Он, что — мысли мои читает? Неужели ему на самом деле известно, о чем я думаю? Нет уж, понять что-либо по лицу невозможно. Выражение лица соответствующее, и ему нипочем не догадаться».

— Роберт, — обратился Пол, — ты родился и вырос здесь, и тебе хорошо знакомы все обороты речи американцев. Может, поможешь мне прочесть одну книгу? Я испытываю определенные трудности. Это роман американского автора, написанный в тридцатые годы.

Роберт слегка поклонился.

— Книга довольно редкая, но у меня она есть. «Мисс Лонлихартс» Натаниэла Уэста. Я прочитал ее с удовольствием, но не совсем понял, что же в конечном счете хотел сказать автор. — Он с надеждой взглянул на Роберта.

— Я… не знаю, что это за книга, — признался Чилдан после минутного колебания. «И даже не слышал о ней», — мысленно уточнил он.

На лице Пола отразилось разочарование.

— Жаль. Книга очень тонкая. В ней рассказыва-

ется о человеке, который возглавляет отдел писем и полезных советов в газете; на его имя приходит множество писем от разных людей, которые поверяют ему свои сердечные дела. Он пропускает через себя человеческие страдания, что в конечном счете приводит к умопомешательству: и ему начинает казаться, будто он Христос. Тебе это ничего не напоминает? Вспомни, — может, когда-то давно ты все же читал ее?

— Нет, — ответил Роберт.

— У автора — удивительный, оригинальный взгляд на природу страдания, — продолжал Пол. — Эта проблема, в той или иной степени, — в центре внимания всех вероисповеданий. В религиях, подобных христианству, утверждается: первопричина всего — грех. Уэст владеет куда более убедительными аргументами. Возможно, ему известно о существовании, казалось бы, беспричинных страданий именно потому, что он еврей?

— Если бы Германия и Япония проиграли войну, миром бы правили евреи. Из Москвы и с Уолл-стрит, — заявил Роберт.

Японская пара после этих слов как бы съежилась. Они как-то вдруг сникли, ушли в себя. Повеяло холодом. Роберт Чилдан почувствовал

себя в одиночестве. Ну что он опять сказал такого? Чего они снова не поняли? Не тупость ли это? А может, недостаточный уровень знаний языка и, как следствие, непонимание нашего образа мышления? Они определенно избегают некоторых тем, потому, наверное, и обиделись. «Как это нелепо, — думал он. — Но тут уж ничего не поделаешь. Надо попытаться вернуть ту атмосферу, которая царила здесь минуту назад».

Он только теперь это понял. Однако Роберт Чилдан уже не чувствовал себя так плохо, как раньше. Он вспомнил, с каким благоговением входил сюда. Поднимался по этим ступеням с романтическим, ну прямо-таки юношеским воодушевлением. Однако пренебречь реальностью невозможно, в конце концов пора уже взрослеть.

«Все здесь обман. Этих людей и настоящими-то людьми не назовешь. Скорее, они напоминают ряженыхцирковых обезьян. Конечно, им не откажешь в ловкости и умении подражать, но на этом их достоинства исчерпываются.

Почему я все время стараюсь им угодить? Только потому, что они победили?

Эта встреча выявила большой изъян в его характере. Что да, то да, тут уж ничего не поделаешь. Забавная склонность к… ну, скажем,

безошибочному выбору наименьшего из зол. Ведь даже корова, завидя кормушку, неудержимо тянется к ней.

Я всегда делаю лишь то, что нужно, ибо так безопаснее: в конце концов, они — победители и здесь распоряжаются. Наверняка и в дальнейшем он будет поступать точно так же, ибо кто же хочет накликать беду на собственную голову? Они, видите ли, читают книжки американских авторов и желали бы, чтобы им все объяснили. Надо полагать, надеются, что я отвечу на любой их вопрос. Я и хотел бы, но в данном случае — просто не могу…»

— Допускаю, что мне как-нибудь и удастся заглянуть в эту «Мисс Лонлихартс», — обратился он к Полу. — Вот тогда я, возможно, и скажу что-нибудь об особенностях ее языка.

Пол слегка кивнул.

— Правда, сейчас я слишком перегружен работой. Может, чуть попозже… Уверен, много времени это не потребует.

— О нет, — тихо сказал Пол. — Это совсем небольшая книга.

«Они выглядят одинаково огорченными, — думал Роберт Чилдан. — Интересно, ощутили ли они ту пропасть, которая легла между нами?

Надеюсь, да. Они этого заслуживают. Мне очень жаль, но им самим придется постигать смысл романа».

Теперь он ел с удвоенным аппетитом.

К счастью, вечер завершился без новых споров. Роберт Чилдан, покидая в десять часов дом четы Касура, ощущал ту же решимость, что пришла к нему ранее, во время ужина.

Чилдан спускался по лестнице, и его больше не беспокоило, что он столкнется с другими жильцами дома, и те обратят на него внимание. Чилдан вышел на темную вечернюю улицу, окликнул рикшу и вскоре уже находился на пути домой.

Он частенько размышлял о том, что изменилось бы, сложись у него с кем-нибудь из клиентов дружеские отношения. «Наверняка хуже не стало бы, а такое знакомство весьма пригодилось бы в делах», — решил он.

«Хорошо, что я встречаюсь накоротке с людьми, которые совсем еще недавно вызывали у меня страх. Когда узнаешь их поближе, боязнь исчезает».

Размышляя так, он не заметил, как доехал до своего района, а потом и до собственного дома. Расплатившись с китайцем, поднялся по знакомой лестнице. В холле он увидел незнакомца.

Белый мужчина в плаще сидел на диване, читая газеты. Роберт Чилдан в нерешительности застыл у дверей, а мужчина, отложив газету, лениво поднялся и сунул в карман пиджака руку. Извлек удостоверение и сказал:

— «Кемпетай».

Итак, пинок. Сотрудник государственной полиции японских оккупационных властей в Сакраменто. Поразительно!

— Роберт Чилдан?

— Да, это я, — ответил он. Сердце бешено колотилось.

— Недавно, — начал полицейский, заглядывая в бумаги, по-видимому, вынутые из папки, лежавшей на диване, — вам нанес визит белый мужчина, который представился адъютантом адмирала Императорского флота. Расследование показало — это ложь: ни такого адмирала, ни такого корабля не существует. — Он изучающе посмотрел на Чилдана.

— Да, это правда, — сказал Чилдан.

— Мы располагаем сведениями, — продолжал полицейский, — о серии попыток шантажа в районе Залива. Очень вероятно, интересующая нас личность как-то с этим связана. Смогли бы вы его описать?

— Невысокий, кажется, смуглый… — начал Чилдан.

— Еврей?

— Ну да! — воскликнул Чилдан. — Теперь-то я уверен, что это так, а тогда как-то упустил из виду.

— У меня есть снимок. — Сотрудник «Кемпетай» показал его Роберту.

— Это он, — подтвердил Чилдан, взглянув на фото. Его потрясли осведомленность и оперативность «Кемпетай». — Как вам удалось это? Я ведь не подавал жалобы. Я только позвонил своему поставщику Рэю Кэлвину и рассказал ему…

Движением руки полицейский остановил его.

— Здесь у меня бумага, вы ее подпишите, и на этом закончим. Вам не придется являться в судебное заседание; ваше участие в деле ограничится этой формальностью. — Он вручил Чилдану документ и ручку. — От вас требуется подтвердить, что этот тип пытался обмануть вас, выдавая себя за другого. Ну, и так далее… Ознакомьтесь, пожалуйста. — Полицейский отвернул рукав и взглянул на часы, в то время как Чилдан читал документ: «Подпишите, если он в основном соответствует действительности».

Что ж, пожалуй, соответствует. У Роберта

Чилдана не оставалось времени для внимательного изучения документа и, кроме того, он так до конца и не понял, что же собственно тогда произошло. Одно лишь знал точно: этот тип представился кем-то и все это как-то связано с мошенничеством. К тому же, как объяснил сотрудник «Кэмпетай», этот человек — еврей. Чилдан взглянул на подпись под снимком. «Фрэнк Фринк. Настоящее имя Фрэнк Финк». Да, несомненно, еврей. Еще бы, с такой фамилией каждый его узнает. Да и тот факт, что он ее изменил, лишь подтверждает это.

Чилдан подписал бумагу.

— Благодарю вас, — сказал полицейский. Он собрал свои бумаги, приподнял шляпу, желая спокойной ночи, и вышел. Весь разговор занял несколько минут.

«Очевидно, они его уже поймали, — подумал Чилдан. — Интересно, что же такое он замышлял?» Он ощутил облегчение. «Надо признать, — работают они быстро. Мы все-таки живем в обществе законности и правопорядка, где всяким там евреям не позволено разными своими штучками ущемлять интересы законопослушных граждан. Здесь мы в безопасности. И как он сразу не догадался, что это еврей?.. Наверное, причиной

всему — излишняя доверчивость. Я попросту не способен на обман и поэтому совершенно беспомощен, — признал он. — Без защиты закона я был бы отдан им на расправу. Мне можно внушить все, что угодно. Поистине какой-то гипноз. Так они могут заграбастать все вокруг, всю страну».

«Завтра нужно пойти и купить эту книгу о саранче, — решил он. — Интересно, как там автор описывает мир, где правят евреи и коммунисты. Рейх лежит в руинах, а Япония, конечно же, под пятой у России, раскинувшейся от Атлантики до Тихого океана. Этот автор — как его там — способен ли он представить себе войну между Штатами и Россией? Да, несомненно, книжонка представляет интерес. Удивительно, как раньше никто н£| догадался написать нечто подобное.

Она поможет понять, как нам повезло. Помимо очевидных недостатков… Могло быть и значительно хуже. Эта книга преподает хороший урок. Да, здесь правят японцы, а мы — побежденный народ, все так. Но надо же смотреть дальше, надо строить планы на будущее. Из этого берут начало великие дела, например, колонизация планет».

Он вспомнил, что наступило время вечерних новостей, и включил приемник. Может, уже известно, кто стал рейхсканцлером? Чилдан

заметно оживился. «Этот Зейсс-Инкварт кажется самым динамичным. Уж он-то сможет проложить дорогу смелым начинаниям».

«Жаль все же, что я не могу сейчас находиться там, — думал он. — Возможно, когда-нибудь он разбогатеет настолько, что съездит в Европу и собственными глазами увидит все, что там создано. Обидно упустить все это и проторчать всю жизнь здесь, на Западном Побережье, где ровным счетом ничего не происходит. История обходит нас стороной».

8

В восемь утра барон Гуго Райс, рейхсконсул Сан-Франциско, вышел из своего «мерседеса-Бенца-220Е» и бодро взошел по ступеням консульства. Его сопровождали два молодых сотрудника МИДа. Райс вошел и проследовал в кабинет, в услужливо распахнутые сотрудниками посольства двери, отвечая по пути на приветствия телефонисток, вице-консула герра Франка, и уже в бюро, своего секретаря — герра Пфердхуфа.

— Freiherr, мы как раз принимаем сообщение из Берлина. Номер один, — доложил Пфердхуф.

Это означало: депеша весьма срочная.

— Благодарю, — коротко бросил Райс, снимая плащ и отдавая его секретарю.

— Десять минут назад звонил герр Крайц фон Мере и просил связаться с ним.

— Благодарю, — Райс уселся за столик у окна и поднял салфетку с подноса. Завтрак состоял из горячихбулочек, яиц и ломтиков колбасы. Из серебряного кувшинчика налил кофе и раскрыл утреннюю газету.

Крайц фон Мере был шефом СД в Тихоокеанских Штатах Америки. Его бюро размещалось,

естественно, под другой вывеской в здании аэровокзала. Отношения с Райсом считались натянутыми, ибо их интересы постоянно пересекались в бесчисленном множестве дел — несомненно, следствие целенаправленной политики берлинского руководства. Райс, майор СС, формально подчинялся Крайцу фон Мере. Назначение рейхсконсулом он получил несколько лет назад и сразу же сообразил, что к чему, но изменить что-либо оказалось ему не под силу. Он до сих пор кипел от возмущения при одной только мысли об этом.

Газета была доставлена в шесть утра рейсом «Люфтганзы». «Франкфуртер Цайтунг». Райс внимательно изучил первую страницу. Фон Ширах под домашним арестом, — наверняка его уже нет в живых. Очень скверно. Геринг отсиживается в учебном центре Люфтваффе в окружении ветеранов, верных своему Толстяку. Вот уж к кому никогда не пробраться даже убийце из СД. А что там с доктором Геббельсом?

Наверняка он находится в самом центре Берлина. Как всегда, надеется на собственные ловкость и умение выкрутиться из любой ситуации. «Если Гейдрих отправит спецподразделение с заданием прикончить его, — подумал Райс, — докторишка не только всех уговорит, но и, будьте уверены,

перетянет на свою сторону. Предоставит им посты в Министерстве Пропаганды и Народного Просвещения».

Он представил доктора Геббельса в апартаментах ослепительной кинозвезды, беспечно равнодушного к грохоту кованых сапог частей Вермахта, марширующих по улицам Берлина. Этот карлик неустрашим. Геббельс, как всегда, иронично ухмыляется, не забывая поглаживать левой рукой бюст очаровательной дамы, в то время как его правая составляет ежедневную передовицу для «Ангрифф»…

Мысли Райса прервал осторожный стук в дверь.

— Прошу прощения, — извинился секретарь, — снова звонит Крайц фон Мере.

Райс подошел к рабочему столу и снял трубку.

— Райс слушает.

Шеф местного отделения СД говорил, как всегда, с грубым баварским акцентом.

— Есть ли новости об этом типе из Абвера?

Застигнутый врасплох, Райс силился сообразить,

о ком говорит Крайц фон Мере.

— Э-э-э… — протянул он. — Насколько мне известно, на Тихоокеанском побережье сейчас

находятся три или четыре «типа» из Абвера.

— Речь идет о прилетевшем рейсом «Люфтганзы» на прошлой неделе.

— Ага, — тихо произнес Райс. Придерживая плечом трубку, достал портсигар. — Этот у нас не появлялся.

— Чем он занят?

— Видит Бог, мне неизвестно. Наверное, об этом лучше спросить у Канариса.

— Я бы хотел, чтобы вы позвонили в МИД и попросили их связаться с Рейхсканцелярией. Пусть оттуда обратятся в Адмиралтейство и потребуют, чтобы Абвер или отозвал своих людей, или проинформировал нас о том, чем они тут занимаются.

— А сами вы не можете сделать этого?

— Сейчас везде царит паника.

«Они потеряли его, — догадался Райс. — Кто-то из штаба Гейдриха приказал местному отделению СД не спускать с него глаз, а он удрал. И теперь они жаждут, чтобы я их выручил».

— Если он здесь объявится, — сказал Райс, — я прикажу заняться им. Можете не сомневаться. — Оба прекрасно знали: вероятность его появления здесь ничтожна.

— Бесспорно, у него фальшивые документы, —

продолжал Крайц фон Мере. — Мы его, естественно, не знаем. Известно лишь, что внешность у него аристократическая. Потомок старинного прусского рода, приверженного монархическим идеям. Возраст — около сорока. Звание — капитан. Настоящее имя — Рудольф Вегенер. Вероятно, поддерживал фон Папена в «Системцайт». — Райс уселся поудобнее за столом, вслушиваясь в монотонный голос Крайца фон Мере.

— По мне, единственное средство избавиться от этих монархических паразитов — урезание бюджета Военно-Морского флота, чтобы они уже там не могли позволить себе…

В конце концов Рай с у кое-как удалось закончить разговор. Но, когда он вернулся к завтраку, оказалось, булочки уже остыли. За кофе он продолжил чтение газеты.

«Этому нет конца, — думал он. — СД работает в три смены. Им ничего не стоит позвонить и в три часа ночи».

Секретарь Пфердхуф заглянул в кабинет и, увидев, что консул закончил разговор по телефону, сообщил:

— Звонили из Сакраменто. Они очень обеспокоены. Утверждают, будто на улицах Сан-Франциско разбойничает какой-то еврей.

Оба расхохотались.

— Ладно, — ответил Райс. — Скажите, пусть они там успокоятся и, как обычно, перешлют нам документы. Что еще?

— Вы ознакомились с телеграммами соболезнования?

— Пришли новые?

— Да, несколько. Они будут на моем столе, — на тот случай, если вы захотите их просмотреть. Ответы я уже отправил.

— Я сегодня должен выступать на встрече с бизнесменами. В час дня.

— Я вам напомню, — сказал Пфердхуф.

Райс откинулся на стуле.

— Хотите пари?

— Только, умоляю, не об исходе партийных споров.

— Я и так знаю: победит этот живодер.

— Гейдрих зашел слишком далеко, — помедлив, сказал Пфердхуф. — Эти люди никогда не получат доступа к непосредственному контролю над партией, поскольку их все боятся. Жирные партийные караси трясутся при одной мысли об этоМчКоалиция может сформироваться менее, чем за полчаса, — стоит только первому автомобилю СС выехать с Принц-Альбрехт-штрасее. Туда

войдут все крупные промышленники с Круппом и Тиссеном во главе... — Он замолчал, так как в этот момент в кабинет вошел шифровальщик с пакетом.

Райс протянул руку, и секретарь подал ему конверт. Срочная радиограмма, уже дешифрованная и отпечатанная.

Закончив чтение, он увидел, что Пфердхуф еще находится в кабинете. Смяв конверт, Райс бросил его в массивную керамическую пепельницу и поджег.

— Кажется, сюда прибывает инкогнито японский генерал, — сообщил он. — Тедеки. Сходите, пожалуйста, в библиотеку и раздобудьте какой-нибудь японский военный журнал с его фото. Разумеется, сделать это нужно осторожно. Не думаю, чтобы у нас что-то на негоимелось. — Он уже шагнул в сторону закрытой картотеки, но передумал. — Раздобудьте, какую только сможете, информацию. Статистические данные. К ним, вероятно, имеется доступ в библиотеках. Этот Тедеки несколько лет назад возглавлял Генеральный штаб. Вы что-нибудь о нем знаете?

— Очень мало, — сказал Пфердхуф. — Крепкий старикан. Сейчас ему, должно быть, под восемьдесят. Кажется, в свое время он ратовал

за развертывание японской космической программы.

— Но безуспешно, — заметил Райс.

— Не удивлюсь, если узнаю, что он приезжает сюда в чисто оздоровительных целях. Многих старых японских военных привлекает здешний госпиталь, оснащенный немецким медицинским оборудованием, недоступным на родине. Естественно, это не афишируется: патриотические убеждения и так далее… Я думаю, кому-то из наших следует подежурить в госпитале «Ю. С.», на случай, если Берлин прикажет не спускать с генерала глаз.

Райс согласно кивнул. Старый генерал, возможно, замешан и в торговых спекуляциях, которых в Сан-Франциско хоть отбавляй. Его старые связи могли здорово пригодиться уже теперь, на пенсии. Если, конечно, это действительно так. В шифрограмме он назван генералом, но отнюдь не генералом в отставке.

— Как только добудете фото, — приказал он, — распечатанные копии направьте нашим людям на аэродром и в порт. Может, он уже здесь. Вам известно, сколько такое сообщение идет до нас. Конечно, окажись генерал в Сан-Франциско, все претензии Берлин предъявит нам. Следовало-де

перехватить его еще до того, как из Берлина отправили депешу.

Пфердхуф проговорил:

— Я заверю время получения шифрограммы из Берлина. В случае каких-либо осложнений мы сможем опираться на доказательства. С точностью до одного часа.

Райс поблагодарил его. В Берлине любили перекладывать ответственность на других. На этот счет у него имелся немалый опыт. Такого рода неприятности происходили слишком часто.

— На всякий случай, — попросил он, — отправьте ответ на шифрограмму. Сообщите примерно следующее: «Ваши инструкции сильно запоздали. Интересующая вас личность уже находится в нашей сфере. Вероятность перехвата ничтожна». Добротно и достаточно туманно сформулируйте что-нибудь в этом роде и отправьте. Надеюсь, вы меня понимаете.

Пфердхуф кивнул:

— Отправлю немедленно. Дату и время отправления зафиксирую. — Дверь за секретарем закрылась.

«Приходится быть начеку, — подумал Райс. — Не то через пару дней можно очутиться консулом на каком-нибудь Богом забытом островке у

побережья Южной Африки, в обществе своры черномазых. А там, — не успеешь оглянуться, как у тебя уже и черная любовница, и десяток негритят бегают вокруг с воплями „папа“».

Он вернулся к столику и закурил египетскую сигару.

Похоже, его все же оставили в покое. Он извлек из портфеля книгу, которую читал в последнее время. Поудобнее устроился в кресле и принялся читать с того места, на котором остановился в прошлый раз.

> «…неужели и впрямь бродил он когда-то по этим тихим улочкам? Как далеки сегодня Тиргартен и беспечное спокойствие того летнего утра. Все это осталось в какой-то другой жизни. И этот давно позабытый вкус мороженого… Теперь им приходилось питаться одной травой, да и то не всегда досыта! «Боже! — взмолился он. — Да кончится ли это когда-нибудь?» Громадные английские танки без устали шли один за другим. Рухнул еще один дом — не разобрать, какой: жилой или магазин, а может быть, школа, — его стены распались и осыпались потоком

обломков. Под руинами осталась горстка погребенных заживо, не успевших издать даже предсмертного вопля. Смерть неспешно и методично простирала свои крылья над живыми и искалеченными, над горами трупов, уже начавших разлагаться. Гниющий и распадающийся труп Берлина еще тянул к небу слепые остовы своих башен, но и они. скоро исчезнут бесследно, как эта безвестная постройка…

Юноша увидел, что его руки покрылись черной копотью — смесь сажи пожарищ и сгоревшей человеческой плоти — конечный продукт распада жизненного цикла. «Тут все смешалось», — подумал он, отряхиваясь. Он — больше не пытался рассуждать, им прочно овладело единственное ощущение, если в этом хаосе воплей и взрывов человеческие проявления возможны вообще. Ощущение голода. Шесть дней они питались одной травой, но теперь исчезла и она. Газоны превратились в сплошную воронку. Перед ним возникли нечеткие контуры каких-то жалких человеческих фигурок,

они замерли в безмолвной неподвижности и так же безмолвно исчезли: седая старуха в платке и с пустой корзинкой, надетой на руку… однорукий мужчина с глазами, пустыми, как ее корзинка. Девушка. Все они исчезли в хаосе искромсанных деревьев…

А кошмар продолжался.

«Да кончится ли это когда-нибудь? — снова спросил себя юноша. — А если да, то что же дальше? Разве *эти* станут теперь кормить нас?..»

— Freiherr, — услышал Райс голос Пфердхуфа. — Прошу прощения, что отвлекаю вас. Всего пару слов.

Райс подхватился и захлопнул книгу:

— Разумеется.

«Как оо пишет, — думал он. — Поистине нечто захватывающее. Описание штурма Берлина англичанами настолько выразительно, будто это происходило на самом деле. Бррр…» — его даже передернуло.

«Поразительное свойство литературы, даже самой низкопробной, рассчитанной на массового читателя, так воздействовать на воображение. Не

удивительно, что эта книга запрещена в пределах Рейха. Я сделал бы то же». Теперь он уже пожалел, что принялся за чтение, но, увы, — поздно. Придется дочитывать.

Секретарь доложил:

— Здесь какие-то моряки с немецкого судна.

— Ладно. — Райс энергично поднялся и вышел в приемную. Все трое — светловолосые, с простыми взволнованными лицами.

— Хайль Гитлер! — Райс вскинул правую руку в приветствии и одарил их скупой улыбкой.

— Хайль! — выкрикнули они в ответ и принялись совать ему документы.

Заверив бумаги, консул тотчас вернулся в кабинет.

И вновь раскрыл «Тучнеет саранча».

Взгляд случайно задержался на странице, где речь шла о Гитлере. Он не смог оторваться и принялся читать прямо с этого места. Уши его пылали.

«Послевоенный суд над Гитлером, — сообразил Райс. — Боже милостивый! Гитлер — в руках Союзников. Вместе с Геббельсом, Герингом и остальными. И все это происходит в Мюнхене. Гитлер отвечает на вопросы представителя обвинения от США».

«… мгновение спустя всем показалось, будто воскрес из небытия древний, неистово злобный дух. Трясущееся дряблое тело выпрямилось, голова запрокинулась. Сочащиеся слюной губы шевельнулись, исторгая лязгающий полушепот:

— Deutche, hier stehe ich[17]. — Зал заседания зашумел. Повсюду напряженные лица: русские, американцы, англичане, немцы. «Да, — подумал Карл. — Вот оно… Кое-что становится очевидным… они не просто победили, самое главное, они разоблачили этого сверхчеловека, показали, чего он стоит на самом деле. Только…»

— Freiherr…

Райс увидел, что секретарь снова находится в кабинете.

— Я занят, — рассерженно бросил он и захлопнул книгу. — Господи, дадут мне дочитать книгу или нет!

«Это безнадежно», — подумал он.

— Из Берлина поступила новая шифрограм-

---

[17] Notes: 17
Немцы, здесь я стою… *(нем.)*.

ма, — сообщил Пфердхуф. — Я взглянул на то, что уже дешифровано. Это касается политической ситуации.

— Что там? — пробормотал Райс, массируя виски.

— По радио с неожиданной речью выступил доктор Геббельс, — взволнованно сообщил секретарь. — Мы должны подготовить текст выступления и обеспечить его публикацию в местных газетах.

— Ну хорошо, хорошо, — согласился Райс.

Как только секретарь удалился, Райс вновь раскрыл книгу. «Загляну-ка я еще раз, будь что будет…» — он быстро пролистал прочитанное.

> «…Карл мрачно размышлял, созерцая покрытый государственным флагом гроб: «Он лежит здесь и теперь-то уж мертв по-настоящему. И никаким адским силам не воскресить этого человека (а может, недочеловека?), которому он слепо верил, которого обожествлял… до самой смерти. Адольф Гитлер скончался, но он-то, Карл, жив. Что-то подсказывало ему: он не отправится следом, — будет жить. И восстанавливать. Нам всем предстоит

восстановление. Мы обязаны совершить это.

Как далеко, как жутко далеко завела его магия Вождя. Что это было на самом деле? Как понимать все теперь, когда проставлена последняя точка невероятного жизненного пути, этого странствия из австрийского захолустья и затхлой нищеты, из кошмарного окопного существования, сквозь политические интриги, — к созданию партии и посту канцлера, к чему-то, что почти уже было мировым господством?»

Теперь-то Карл знал: это Блеф. Адольф Гитлер их дурачил. Водил за нос при помощи пустых фраз.

Однако не все потеряно. Мы все же раскусили твой блеф, Адольф. И ты предстал, наконец, в своем подлинном облике. Как и твоя нацистская партия, и эта жуткая эпоха истребления и маниакальных бредней, — теперь-то уже видно, что это было на самом деле.

Карл повернулся и пошел прочь от гроба…»

Райс закрыл книгу и минуту сидел неподвижно. Вопреки обыкновению, он почувствовал, что возмущен. «Надо как следует нажать на японцев, — подумал он. — Чтобы они запретили эту проклятую книжонку. В сущности, с их стороны это вполне осознанное действие. Иначе давным-давно арестовали бы этого… как его там… Абендсена. Они обладают достаточным влиянием на Среднем Западе.

Однако, чем он так возмущен? Тем, что Гитлер якобы низложен и мертв, что, по этой фантазии Абендсена, партия и Германия пали?.. Нет. Во всем этом каким-то непостижимым образом оказалось больше достоверности и глубинного смысла, чем в самой действительности, — во всем этом мире германской гегемонии».

«Как такое возможно вообще? — задался вопросом Райс. — И все ли дело только в писательском таланте этого человека?

У этих романистов всегда полно выдумок и всяких штучек. Взять хотя бы доктора Геббельса. Он ведь тоже начинал с сочинения романов. Они все взывают к самым низменным инстинктам, таящимся в каждом из нас, даже под самой благопристойной внешностью. О да, настоящий писатель, он отлично изучил людей, ему извест-

ны их самые потаенные мысли, он знает, какие они трусливые и как легко предают из простой корысти. Стоит такому подуть в свою дуду, — и успех гарантирован».

«А как он сыграл на моих чувствах, — продолжал рассуждать Райс. — Он и не пытался взывать к моему разуму. Наверняка все это щедро оплачено: за ним стоит кто-то с большими деньгами. Несомненно, этот «кто-то» подговорил, как следует научил, о чем написать. За большие деньги они вам состряпают еще и не такую дрянь, вывалят на вас содержимое выгребной ямы, и, будьте уверены, публика серьезно воспримет эту вонючую мешанину».

Райс посмотрел на обложку. Омаха, штат Небраска. Последний оплот плутократического книгоиздания США, в былые времена сосредоточенного в самом центре Нью-Йорка и финансируемого еврейским капиталом или находящегося на содержании у коммунистов…

А может, этот Абендсен еврей? Они не сдались и все еще пытаются отравить нас своей стряпней. — Он с силой захлопнул книжку. — Настоящая его фамилия наверняка Абендштейн. Недаром СД уже занялась этим делом.

И здесь целесообразно одно: отправить ко-

го-нибудь в Скалистые горы с визитом к герру Абендштейну. Интересно, Крайц фон Мере уже получил соответствующие инструкции? Наверняка нет, с учетом всей этой неразберихи в Берлине.

«Однако, — подумал Райс, — сколь опасна эта книга. Вот, если бы однажды обнаружили «того Абендштейна подвешенным к люстре, — это мигом отрезвило бы всех, кто подвержен влиянию книжонки. И последнее слово осталось бы за нами. Мы дописали бы, так сказать, постскриптум.

Несомненно, все это должен выполнить белый. Интересно, чем сейчас занят Скорцени?»

Погрузившись в размышления, Раис перечитал текст на обложке. А этот жидяра отлично забаррикадировался в своем Высоком Замке. Да, тут без дураков. Тому, кто пройдет туда и уберет его хозяине, отступать будет некуда.

А может, все это уже ни к чему? В конце концов, книга-то уже издана. Поздно. К тому же здесь японская зона. Япошки поднимут страшный шум.

Однако, если все устроить половчее и как следует направить…

Барон Гуго Райс сделал пометку в блокноте: следует представить материалы по этому делу

бригаденфюреру СС Отто Скорцени, а еще лучше — Отто Олендорфу из III Отдела Главного Управления Имперской безопасности, где он, кажется, руководит спецгруппой Д.

Внезапно он ощутил приступ бешенства. «Я-то думал, со всем этим покончено, а оно, похоже, будет тянуться бесконечно. Война давно закончилась и, думалось, наконец-то воцарится спокойствие. А тут это африканское фиаско, сумасшедший Зейсс-Инкварт, попытки реализовать идеи Розенберга…

Этот Хоуп со своим анекдотом про марсиан прав. Марс действительно населен евреями. Они отыщутся и там, — пусть даже двухголовые и ростом в тридцать сантиметров, — все равно это будут жиды.

Ладно, у него есть свои обязанности. Времени на какие-то безумные авантюры с отправкой спецгруппы к Абендсену попросту нет. И так по горло всяких дел, вроде визирования документов немецких моряков или ответов на шифрограммы. Пусть кто-нибудь другой и где-нибудь повыше займется этим проектом… В конце концов, это их прямая обязанность.

К тому же, если инициатива будет исходить от него, а все в конечном счете завершится скан-

далом, нетрудно представить, где он очутится. В лучшем случае, под превентивным арестом в каком-нибудь Генерал-Губернаторстве, а то и в газовой камере, в которой живо дадут попробовать „Циклон Б"».

Он тщательно вымарал запись в блокноте и сжег страничку в пепельнице.

В дверь постучали, и вошел секретарь с изрядной стопкой бумаг.

— Речь доктора Геббельса. Вся полностью. — Пфердхуф положил листочки на стол. — Рекомендую срочно прочесть. Это одно из лучших его выступлений.

Закурив еще одну «Симон Арцт-70», Райс приступил к чтению речи доктора Геббельса.

9

К исходу второй недели поистине титанической работы фирма «Эдфрэнк. Производство ювелирных изделий» завершила изготовление первой партии товара. Изделия были разложены на двух обтянутых черным бархатом дощечках и помещены в квадратной формы корзинку японской работы. Эд Мак-Карти и Фрэнк Фринк сами изготовили визитки. Печать с названием фирмы вырезали из большой резинки, остальное отпечатали с помощью детского типографского набора. Под картон для визиток использовали цветные рождественские открытки. Получилось замечательно.

С любой точки зрения, работу можно признать профессиональной. Тщательно расследуя собственноручно изготовленные ювелирные изделия, визитки и самодельную выставку, они так и не смогли обнаружить дилетантских дефектов. «В конце концов, — подумал Фринк, — мы специалисты, правда, не ювелиры, но уж в работе с металлом толк понимаем, это точно».

Коллекция получилась достаточно разнообразной. Запонки из латуни, меди, бронзы и

нержавеющей стали. Сережки — латунные, с серебряными украшениями. Серебряные колечки. Серебряные и латунные броши. Они сильно поиздержались на серебро — одна серебряная пайка чего стоила. Для брошей потребовалось несколько полудрагоценных камней: шпинель, нефрит, кусочки золотистого опала. Если дела пойдут неплохо, начнут экспериментировать с золотом, а возможно, и с некрупными бриллиантами.

Понятно, настоящая прибыль связана с изделиями из золота. Они уже думали о том, где бы им раздобыть золотой лом, — переплавленные обломки не представляющих художественной ценности украшений, — такие заготовки значительно дешевле. Однако и закупка лома сопряжена с огромными расходами, хотя от реализации одной золотой броши они выручат в сорок раз больше, чем от продажи латунной. Они могли бы назначить практически любую цену с учетом оригинальности замысла и качества исполнения, разумеется, при условии, что их товар будет иметь спрос.

Более того, кажется, удалось решить основные проблемы технического характера: закуплены станки с электродвигателями, литейное оборудование, шлифовальные круги. Они располагали

практически полным набором вспомогательных приспособлений, включая различные щеточки из жесткой латунной проволоки и полировочные кольца из фетра, замши и ткани, — это позволит им применять пемзу и другие вещества, — все, вплоть до мельчайших порошков окислов железа. Разумеется, доставлены и ацетиленовая горелка, и газовые баллоны с клапанами и патрубками, а также сварочное оборудование и даже специальные маски.

А кроме того, превосходный набор ювелирных инструментов: немецкие и французские щипчики, алмазные сверла, пилочки, плоскогубцы, пинцеты, подставки для пайки, тиски, полировочные пасты, специальные ножницы, молоточки для ручной чеканки... В запасе имелись проволока различного сечения для пайки, гальваническая установка.

На текущем счету фирмы «Эдфрэнк» от двух тысяч долларов теперь оставалось не более двухсот пятидесяти. Но все же главное — получена лицензия ТША. Оставалось только наладить сбыт.

«Ни один торговец, — подумал Фрэнк, изучая их выставку, — не проверил бы всего дотошней, чем мы». Несомненно, отобранные образцы — лучшее, что у них есть; каждый до мелочей

проверен — нет ли неаккуратных стыков и швов, неотполированных, шероховатых или зазубренных кромок, затеков… словом, контроль качества можно считать безупречным. Достаточно малейшей шероховатости или крошечного мутного пятнышка, — и изделие тотчас вернется на верстак.

Магазин Роберта Чилдана в списке значился первым. Но войти туда мог только Эд: Фринка Чилдан наверняка запомнил.

— Тебе тоже придется заняться сбытом, — сказал Эд, однако согласился с тем, что к Чилдану целесообразнее идти ему.

Он приобрел новый костюм, галстук и белую сорочку, чтобы произвести надлежащее впечатление. Но, несмотря на это, чувствовал себя неуверенно. «Я знаю: все будет в порядке, — в который раз повторял он., — но… мало ли что?»

Большинство образцов выполнено в абстрактном стиле: металлические спирали, причудливо изогнутыепетли, — форма во многом определялась пластичностью материала. Одни изделия — ажурные, как паутина, другие — подчеркнуто массивные и варварски тяжеловесные. Разнообразие форм тем более поражало, что на бархатных подставках размещалось не так

уж и много предметов. «Впрочем, — подумал Фринк, — один магазин в состоянии закупить все, здесь разложенное. Если сразу не повезет, больше никуда не пойдем. Но, если все удастся, как задумано, если изделиями заинтересуются, заказов хватит до конца наших дней».

Они вместе уложили обтянутые бархатом дощечки в корзинку. «В худшем случае, — успокаивал себя Фрэнк, — окупится хотя бы часть расходов на материалы, оборудование и инструменты».

Случай как нельзя более подходящий, чтобы обратиться за советом к Оракулу. «Спросить, что ли, удастся ли Эду заключить нашу первую сделку?» Однако он понимал, что слишком взволнован, чтобы задать столь прямой вопрос. Предсказание могло оказаться самым неожиданным, а главное — неблагоприятным, и он знал: сейчас ему не хватит духу принять любое решение. Так или иначе, жребий брошен: мастерская создана, изделия готовы к реализации, что бы теперь ни исторгла из своих глубин «И-чинг».

— Сперва я отправлюсь к Чилдану, — сообщил Эд. — Конечно, лучше, если я возьму его на себя. А потом и ты попробуешь еще где-нибудь. Поехали со мной. Подождешь в машине за углом.

Когда они, погрузив корзинку, забрались в пикал, Фринк подумал: одному только Богу известно, какими они с Эдом окажутся продавцами. Уговорить Чилдана, может, и удастся, но неплохо бы еще знать, как показать товар лицом.

«Эх, нет здесь Юлианы! — подумал он. — Все устроилось бы моментально: она красива, умеет говорить, а кроме того, она ведь женщина. Она смогла бы продемонстрировать украшения прямо на себе». Закрыв глаза, он попытался представить, как смотрелся бы на ее запястье один из браслетов. Или вон то колье — на ее шейке… Брюнетка с молочно-бледным лицом и серьезным изучающим взглядом… серый облегающий свитер, серебряные украшения, обнаженная кожа, — металл поднимается и опадает в такт дыханию…

Боже! Она и теперь в его воображении. Вот длинные и сильные пальцы осторожно поворачивают каждое изделие — он видит, как Юлиана, запрокинув голову, подносит их к глазам.

Он знал, что более всего ей бы понравились серьги. Особенно те, продолговатой формы, из полированной латуни. Какие бы рекламные фото получились… К тому же они задумали составить каталог, не исключено — когда-нибудь они на-

ладят сбыт и за границей. Да, она выглядела бы великолепно… цвет лица у нее прекрасный, кожа совершенно здоровая, без единой морщинки. Но согласится ли она, и, прежде всего, как разыскать ее? Ему все равно, что она подумает, — в этом ведь не будет ничего, связывающего их с прошлым. Чисто деловые отношения.

Да что там, — он не возражал бы даже, если бы снимки сделал кто-нибудь другой. Можно, например, пригласить фотографа-профессионала. Наверняка, она так же тщеславна, как и раньше. Ей ведь всегда нравились восхищенные взгляды, неважно, чьи, впрочем, как и многим женщинам. Все они хотят находиться в центре внимания. В этом смысле они совсем как дети».

«Юлиана не выносит одиночества, — продолжал он вспоминать. — Я всегда находился рядом, чтобы постоянно делать ей комплименты. Наверняка у нее и теперь есть кто-то, кому приходится восхищаться ею, говорить, как она прекрасна… какие у нее ножки, какой животик…»

— Что с тобой? — спросил Эд, взглянув на него. — Страшно стало?

— Да нет…

— Успокойся, я не буду торчать там, как пень, — сказал Эд. — У меня есть несколько идей. И вот

что тебе скажу: ни капельки… не боюсь. И не намерен робеть только потому, что магазин такой фешенебельный и что мне пришлось напялить этот костюм. Признаться, терпеть не могу наряжаться. Как-то паршиво при этом себя чувствуешь. Но это не имеет никакого значения. Все равно я пойду туда и сделаю этого фраера.

«Ну и прекрасно», — подумал Фринк.

— Черт побери, — продолжал Эд, — если тебе удалась затея с «Кольтом» для японского генерала, так неужели я не смогу убедить Чилдана в том, что это и впрямь добротные и оригинальные изделия ручной работы. Тем более, они таковые на самом деле.

— Ручной чеканки, — уточнил Фринк.

— Ну да, изделия ручной чеканки. Так вот, я пойду к нему и не появлюсь обратно, пока не выложу всего до конца. Что-нибудь, да придется ему купить. Если Чилдан не сделает этого, значит, он полный идиот. Я специально интересовался — подобных изделий нет ни у кого. Боже, да стоит мне только вообразить, как он глазеет, но не покупает, — как кровь бросается в голову и хочется рвать и метать. Пусть попробует не купить, я ему морду набью.

— Не забудь только сказать: все это — не деше-

вая позолота, а настоящая литая медь и латунь.

— Послушай, дай мне попробовать по-своему, — попросил Эд. — У меня есть кое-какие неплохие идейки.

«Кажется, я знаю, что надо сделать, — подумал Фринк. — Отберу пару вещиц, — Эд, разумеется, ничего против иметь не будет, запакую и отправлю Юлиане. Чтобы и она знала, чем я занялся. Ее разыщут, — я пошлю посылку по ее последнему адресу. Интересно, что она подумает, когда откроет коробку? Конечно, посылку придется сопроводить письмом, в котором пояснить: все, что она видит, сделано мною, и что теперь я компаньон в новом деле — по производству художественных изделий. Я смогу разжечь ее воображение, она обязательно захочет увидеть что-нибудь еще, уж она-то заинтересуется… Я напишу ей обо всем: и о камушках, и о золоте, и о том, где все это теперь будет продаваться — о фешенебельных магазинах…»

— По-моему, где-то здесь, — сказал Эд. Они двигались в плотном потоке транспорта в самом центре города, где со всех сторон небо заслоняли дома. — Наверное, лучше остановиться.

— Да нет же, ехать еще кварталов пять, — возразил Фринк.

— У тебя сигаретки с травкой случайно не найдется? — спросил Эд. — Сейчас бы меня это успокоило.

Фринк протянул ему пачку «Тьен-ла», к которым привык еще в бытность своей работы в компании «У-М».

«Я уверен, она живет с каким-нибудь типом, — думал Фринк. — И спит с ним, как собственная жена. Знаю я Юлиану. Иначе она просто не может: мне-то известно, что с ней творится с наступлением темноты. Когда начинает темнеть и холодать, и все сидят по домам в уютных комнатах. Она не создана для одиночества. Да и я тоже», — подытожил он.

«А может, ей попался действительно кто-то стоящий. Какой-нибудь робкий студентик. Она явилась бы прекрасной подругой для человека, который еще ни разу не отваживался на сближение с женщиной. Юлиана отнюдь не жесткая и не циничная. Для кого-то она, возможно, и станет неплохой находкой. Черт возьми, надеюсь, она не связалась со стариком! Или с каким-нибудь опытным негодяем, из этих, с вечно торчащей изо рта зубочисткой, полных презрения к женщине».

Дыхание участилось, стоило ему вообразить атлетически сложенного волосатого типа, из-

мывающегося над Юлианой и отравляющего ее существование. «Знаю, такое может довести ее до петли, — подумал он. — И этим, как пить дать, закончится, если она не встретит человека, по-настоящему отзывчивого и умного, который бы по достоинству оценил ее».

«Я для нее оказался слишком неотесанным, — думал он. — А впрочем, я еще не самый плохой вариант, — есть куча типов похуже. Всякий раз мне удавалось угадывать ее мысли и желания, стоило только ей почувствовать себя одинокой или загрустить. Как часто я думал о ней и жил ее тревогами. Но, наверное, этого мало. Она заслуживает большего. Гораздо большего».

— Остановимся здесь, — проговорил Эд. Он уже увидел свободное место на стоянке и теперь сдавал назад, оглядываясь через плечо.

— Послушай, — сказал Фринк, — можно я кое-что пошлю жене?

— А я и не знал, что ты женат, — занятый парковкой, Эд не спешил с ответом. — Выбери что-нибудь, только не из серебра.

Эд заглушил мотор.

— Ну, вот мы и на месте, — сообщил он и раздавил окурок о приборный щиток. — Ну, пожелай мне удачи.

— Ни пуха…

— К черту… Глянь-ка, на сигаретной обертке одно из этих японских стихотворений — «вака». — Под аккомпанемент уличного шума Эд продекламировал:

«Слышно кукушку.
Гляжу туда.
Откуда голос ее раздается.
И что же я вижу? —
Лишь бледный месяц в предрассветном небе».

Вернув пачку «Тьен-ла» Фринку, он похлопал его по плечу, распахнул дверцу, подхватил корзинку и выбрался наружу.

— Брось десятицентовик в автомат, — сказал он на прощанье и через минуту уже исчез в толпе прохожих.

«Юлиана, — подумал Фринк, — неужели и тебе так же одиноко?»

Он вылез из машины, подошел к автомату и бросил монетку в прорезь.

Его опять начали одолевать сомнения. А вдруг ничего из этого не выйдет? Что там пророчит «И-чинг»? «Слезы, обман и битые черепки»…

Человек всегда в одиночестве встречает сумер-

ки своей жизни. Будь Юлиана сейчас здесь, он не испытывал бы такого страха и вообще не боялся бы ничего.

Ему снова стало страшно. А если Эду не удастся ничего продать? Если их просто высмеют? Тогда… что?

Юлйана лежала, прижавшись к Джо Чинанделла, на простыне, расстеленной прямо на полу ее комнаты.

Джо пошевелился и что-то пробормотал.

— Уже встаешь? — она крепко обняла его.

— У тебя что, сегодня нет занятий?

«Никуда я не пойду, — решила Юлиана. — И он это прекрасно знает. Сходим куда-нибудь, не сидеть же все время здесь. Но место нужно выбрать такое, где мы еще не бывали. Ну, ладно, действительно пора подниматься».

Она почувствовала, что Джо встает, ее руки соскользнули с его влажных от пота плеч. Затем услышала, как он зашлепал босыми ступнями по полу. Наверное, в ванную.

«Что ж, всему ^приходит конец», — подумалось ей, и она тяжело вздохнула.

— Ну что ты там разохалась? — громко осведомился Джо из ванной. — Вечно ты какая-то подавленная. Все обижаешься, боишься меня и

по-прежнему в чем-то подозреваешь… Нельзя же все время так смотреть на мир. — Он высунулся из дверей ванной. — А как насчет небольшой экскурсии?

Сердце у Юлианы заколотилось.

— Какой экскурсии?

— В какой-нибудь большой город. Может, на север, например в Денвер? Сводим на какой-нибудь спектакль, потом — в хороший ресторан, а хочешь — зайдем в универсальный магазин и купим тебе вечернее платье и все остальное. Ну как, идет?

Юлиана не верила своим ушам.

— Эта твоя студия как-нибудь обойдется без тебя, пока мы будем путешествовать? — прокричал Джо, стараясь перекрыть шум воды из душа.

— Да уж наверное…

— Купим себе элегантные наряды. Надо же развлечься, хоть раз в жизни. Наверняка это улучшит твое настроение.

— А где мы на все это возьмем деньги?

— У меня есть. Загляни-ка в мой чемоданчик. — Он уже закрыл дверь, и поэтому шум воды заглушил его слова.

Она достала из шкафа ободранный, весь в пятнах, чемодан. Открыв его, она действительно

обнаружила большой плотный конверт, полный банкнот Рейхсбанка. Юлиана знала: такого достоинства купюры имеют хождение везде. До нее, наконец, дошло, что они на самом деле смогут куда-нибудь выбраться. Может, Джо действительно не обманывает ее. «Хотела бы я знать, что он за человек?» — думала она, считая банкноты.

Укладывая конверт на место, она наткнулась на массивную цилиндрическую ручку или что-то очень похожее, поскольку у этого предмета имелся зажим, как у авторучки. Однако для авторучки это «что-то» — слишком тяжелое. Она осторожно отвинтила колпачок. Нет, тут и впрямь золотое вечное перо. Но все же…

Что это? — спросила она у Джо, который уже вышел из ванной.

Он ваял у нее авторучку и положил обратно в чемоданчик. Она завороженно смотрела, с какой осторожностью он это проделал.

— Опять твоя болезненная подозрительность? — спросил он. Джо заметно оживился, и она подумала: таким веселым она его никогда не видела. Он схватит ее за талию и принялся вертеть и раскачивать, приблизив свое лицо к ней настолько, что она ощутила тепло его дыхания.

— Да нет же, — еле выговорила Юлиана. — Это я

так… понемногу меняюсь к лучшему… «Но все же я боюсь тебя, — подумала она. — Боюсь ровно настолько, чтобы тебе ничего не сказать об этом».

— Выбросить тебя в окно?! — завопил Джо и потащил ее через всю комнату.

— Ну перестань, прошу тебя! — умоляла она.

— Шучу. Слушай, мы отправимся туда, как в Марш на Рим. Помнишь? Дуче организовал такой марш, и, кстати, мой дядя Карл принимал в нем участие. Теперь — наш черед, пусть он и не будет таким грандиозным, чтобы войти в историю и попасть в учебники. Идет? — Он наклонился и крепко поцеловал ее в губы так, что они стукнулись зубами. — Знаешь, как чудесно мы будем выглядеть в новых нарядах? Ты меня подучишь, как следует себя вести и о чем говорить, ладно? Будешь обучать меня манерам, идет?

— Да ты и так неплохо говоришь, — сказала Юлиана, — даже лучше, чем я.

— Неправда, — Джо внезапно нахмурился. — Я паршиво говорю. Этот акцент… Каждый сразу узнает макаронника. Разве тогда, в баре, ты не обратила на это внимания?

— Даже если и так, — возразила она. — Теперь это совершенно не важно.

— В этикете разбираются только женщины, —

сказал он, неся ее обратно от окна. — Если бы не женщины, мы только и делали бы, что трепались о гонках да скачках. Или просто обменивались сальными анекдотами. И никакой культуры.

«Какое у него сегодня странное состояние, — думала Юлиана. — Сперва он задумчив и встревожен, но, стоило ему принять решение об этой поездке, как он уже впал в эйфорию. Неужели действительно я нужна ему? Меня можно попросту бросить, оставить здесь, — такое, кстати, уже случалось. Да я бы и сама, долго не задумываясь, сделала это, если бы собралась куда-нибудь отсюда подальше».

— Это что, твоя зарплата? — спросила она, глядя, как он одевается. — И долго тебе пришлось копить? Денег так много, что… Конечно, там, на Востоке, заработки большие, но все же… Мне приходилось говорить с другими водителями грузовиков, но такими деньгами не располагал, пожалуй, никто из них…

— Так, говоришь, я шофер? — перебил ее Джо. — Слушай, а ведь я ехал в том грузовике вовсе не в качестве водителя. Я — охрана на случай ограбления. — Он опустился на стоящий в углу стул и принял позу дремлющего в кабине водителя: откинулся, расслабившись, на спинку сиденья, рот

полуоткрыт… — Ну как, заметила что-нибудь?

Сначала она ничего не поняла, а потом вдруг увидела у него в руке длинный узкий нож. Господи, да откуда ему взяться? Из рукава, что ли?

— Думаешь, почему меня нанял «Фольксваген»? Все дело в моем послужном списке. В свое время мы выстояли в бою против коммандос полковника Хассельдена. — Черные глаза его недобро блеснули, он криво улыбнулся Юлиане. — Угадай-ка, кто управился с самим полковником? В конце войны мы окружили их на берегу Нила: его и еще четырех из Пустынного Дивизиона. Дело происходило через несколько месяцев после окончания Каирской кампании. Они напали на нас ночью, чтобы добыть бензин. А я тогда стоял на часах и не увидел подкравшегося Хассельдена, который, чтобы его не заметили, вымазался сажей: и лицо и руки… На этот раз они обошлись без проволоки — одни гранаты и автоматические пистолеты. Поэтому и шуму наделали много. Полковник пытался меня задушить, но я с ним управился. — Джо со смехом посмотрел на нее. — Давай, собирайся. Скажи им там, в клубе, что берешь на несколько дней отпуск. Позвони туда.

Рассказ Джо нисколько не убедил ее. «А может, он и вовсе не бывал в Северной Африке?

И не воевал на стороне стран Оси и вообще не принимал участия в военных действиях? Какие еще грабители? — удивилась она. Ей ни разу не приходилось слышать, чтобы хоть один грузовик, следовавший с Восточного побережья через Кэнон-сити, конвоировал профессиональный охранник из бывших солдат. И… жил ли он в США, или все это — выдумка от начала и до конца, с тем чтобы проще подцепить ее, заинтересовать и увлечь его романтическим прошлым?»

«А если он сумасшедший? Ирония судьбы, — думал она. — И ей всерьез придется продемонстрировать то, что уже столько раз она имитировала на тренировках, то есть применить дзюдо по-настоящему, в целях самообороны? Только вот что защищать? Может, жизнь? Впрочем, вероятнее всего, он заурядный макаронник, парень на побегушках, одержимый манией выдавать себя за кого-то другого; ему хочется шикарной жизни, сорить деньгами и притворяться аристократом, а затем вернуться в свое обыденное существование? И женщина необходима ему только для этого?»

— Хорошо, — сказала она, — я позвоню в клуб.

Выходя в переднюю, она подумала, что он обязательно купит ей дорогое платье, а потом

снимет номер в приличном отеле. Мечта каждого мужчины: хоть раз в жизни провести время в обществе шикарно одетой женщины, даже если роскошную одежду придется покупать ему самому. Эта поездка наверняка мечта всей жизни Джо Чинанделла. Ну и шустрый же он… Она готова поклясться: Джо правильно угадал ее невротический страх перед мужчинами. Фрэнк это тоже знал. Поэтому они и расстались, а она до сих пор ощущает беспокойство и недоверие.

Вернувшись в комнату, она застала Джо за чтением. Позабыв обо всем на свете, напряженно сморщив лоб, он погрузился в чтение «Саранчи».

— Слушай, ты же обещал дать почитать это мне, — сказала она.

— Ладно, попозже, когда я буду за рулем, — ответил он, не поднимая головы.

— Ты — за рулем? Это же моя машина!

Он ничего не ответил, поглощенный чтением.

Стоявший у кассы Роберт Чилдан поднял глаза и увидел входящего в магазин высокого худого брюнета, од этого в вышедший из моды костюм и с плетеной корзинкой в руках. Совсем как бродячий торговец, только без обязательной улыбки, напротив, его загорелое лицо сохраняло угрюмое, с оттенком упрямства, выражение. «Да

нет, скорее он похож на сантехника или электрика», — подумал Чилдан.

Закончив обслуживать и проводив до дверей клиента, Чилдан обратился к странному посетителю:

— Вы кого-нибудь представляете?

— Бижутерия «Эдфрэнк», — буркнул незнакомец и поставил корзинку на пол.

— Никогда не приходилось слышать, — Чилдан подошел поближе, а мужчина тем временем нерешительно приоткрыл крышку корзинки.

— Вот, прошу. Ручная чеканка. Все вещи уникальные. Каждая — в оригинальном исполнении. Латунь, медь, серебро. Есть даже нержавеющая сталь.

Чилдан заглянул в корзинку. «Так, понятно, металл на черном бархате. Что ж, довольно необычно…»

— Нет, благодарю вас, мне это не подходит.

— Но это же именно изделия современных американских художественных ремесел…

Покачав головой, Чилдан вернулся к кассе.

Где-то еще с минуту мужчина копался в корзинке. Однако выставить что-либо на стойку он не пытался, да и прятать оказалось нечего. Похоже, он просто не знал, что ему делать дальше.

Чилдан равнодушно наблюдал за ним, сложив за спиной руки, и размышлял о своем. В два часа он экспонирует старинные кубки. А в три из университетской лаборатории должна прибыть очередная партия предметов и результаты экспертизы на аутентичность. В последнее время он старался подвергать проверке все большее количество предметов. А все началось с той отвратительной истории с поддельным «Кольтом-44».

— Это — не гальваническое покрытие, — сказал визитер с плетеной корзинкой, показывая ему запонку. — Настоящая литая медь.

Чилдан молча кивнул. Он знал: этот тип проторчит здесь от силы минуту-две, перекладывая образцы, и, в конце концов, уберется.

Зазвонил телефон. Чилдан поднял трубку. Клиент интересовался, как обстоят дела с очень старинным и ценным креслом-качалкой, которое Чилдан принял на реставрацию. Заказ до сих пор не выполнен, и ему на ходу пришлось придумывать что-то убедительное. Глядя сквозь стекло витрины на оживленную улицу, он чувствовал Себя уверенно и спокойно. Наконец клиент смягчился и дал себя уговорить. «Да, тут все однозначно, — подумал он, положив трубку. — Афера с «Кольтом» — хорошая встряска».

Он уже не относился к своим приобретениям с прежним благодушием. Одна-единственная информация произвела переворот. Это напоминает период, когда ребенок начинает осознавать себя. «Несомненно, — философствовал он, — это свидетельство нашей тесной взаимосвязи с прошлым: огромную роль тут играет не столько история Соединенных Штатов, сколько наш собственный жизненный путь. Аналогично тому, как если бы кто-то усомнился в подлинности вашей метрики или в отцовстве».

К примеру, он не смог бы теперь с достоверностью вспомнить Рузвельта. Так, некий синтетический образ, сформировавшийся под воздействием многочисленных разговоров, слухов и сплетен. Некий миф, исподволь растворенный в мозговой субстанции. Подобно легендам о Хэппелуайте или Чиппендейле[18]. Или наподобие феномена «здесь обедал Авраам Линкольн». «Видите, он пользовался вот этими вилкой, ложкой и ножом. Конечно, теперь это отнюдь не очевидно, но тем не менее факт».

Коммивояжер прервал его размышления.

— Мы можем работать и по заказам. Если у кого-

[18] Notes: 18

Английские мастера-краснодеревщики, родоначальники оригинального мебельного стиля.

либо из ваших клиентов возникнут собственные идеи… — Голос его охрип и он откашлялся, не отрывая взгляда от Чилдана. Затем растерянно посмотрел на образец, который держал в руках. Он явно не знал, как побыстрее закончить разговор.

Чилдан улыбался.

«Меня это не касается. Пусть сам решает, как ему убраться отсюда — мне наплевать: сохранит он свое лицо или нет. Я понимаю, сложившаяся ситуация для него весьма непростая, но кто виноват, что он выбрал профессию коммивояжера? В жизни каждого из нас — свой крест. Взять хотя бы меня. Целый день приходится пресмыкаться перед японцами, такими, например, как Тагоми. Одной интонацией подобные люди способны унизить человека и надолго отравить ему жизнь.

А ведь этот тип, похоже, совершенно неопытен. Новичок. К нему следует приглядеться получше. Может, и удастся кое-что заполучить для комиссионной продажи. Определенно стоит попробовать».

— Хэлло, вы меня слышите?

Мужчина быстро поднял голову и впился в Чилдана взглядом.

— Кажется, у меня выдалась свободная минутка, — сказал Чилдан. — Ничего пока обещать не могу, но вы можете что-нибудь из своих вещей разложить вот здесь. — Он указал на стойки с галстуками. — Отодвиньте это.

Согласно кивнув, мужчина принялся освобождать место на прилавке. Вновь раскрыл корзинку и возобновил свои манипуляции с образцами.

«Теперь-то он выложит все, — подумал Чилдан. — И будет старательно раскладывать по крайней мере полчаса. Он начнет любоваться своим хозяйством, перекладывая предметы с места на место, пока не уложит все, как, по его мнению, следует. И при этом будет страстно надеяться. Богу молиться. Станет украдкой поглядывать на меня, в надежде определить, заинтересовался ли я. Хотя бы немного».

В магазин вошли посетители, и Чилдану пришлось заняться ими. Всецело поглощенный клиентами, он на какое-то время начисто позабыл о странном мужчине с корзинкой. Между тем последний, по-видимому, постепенно сориентировался в обстановке и предпринимал попытки обратить на себя внимание. Чилдану тем временем удалось продать мисочку для бритья, почти убедить клиентов в целесообразности покупки

вязаного коврика и получить задаток за афганский ковер. Время шло. Покупатели, наконец, покинули магазин. Коллекция ювелирных изделий, разложенная на подставках, обтянутых черным бархатом, занимала большую часть прилавка.

Роберт Чилдан медленно, как бы нехотя, подошел и, закурив «Страну Улыбок», принялся раскачиваться и вполголоса мурлыкать что-то под нос. Коммивояжер замер в ожидании.

Наконец Чилдан показал на брошку:

— Вот это, пожалуй, мне нравится.

— Прекрасная вещь, — поспешно подтвердил коммивояжер. — И качество исполнения соответствующее: ни малейшей шероховатости; все изделие отполировано специальной пастой. К тому же, со временем вещь не потемнеет, так как ее поверхность обработана полимерным лаком, как известно, одним из лучших.

Чилдан слегка наклонил голову.

— При изготовлении бижутерии, — продолжал коммивояжер, — использована самая надежная технология, насколько мне известно, никем еще не применяемая. И никакого серийного литья — только пайка и сварка индивидуальных и оригинальных элементов из металла.

В конечном счете Чилдан отобрал два браслета и две броши. Подержал их с минуту в руках и отложил в сторону.

Лицо коммивояжера дрогнуло: появилась надежда.

Присмотревшись к ценнику на колье, Чилдан проговорил:

— Так это…

— Розничная цена. При оптовой закупке скидка составляет пятьдесят процентов. Если же размер заключенной сделки превысит, скажем, сто долларов, то последует еще два процента скидки дополнительно.

Одну за другой Чилдан отобрал несколько вещиц. По мере того, как владелец магазина откладывал заинтересовавшие его предметы, воодушевление Эда росло. Речь его стала отрывистой, временами он повторялся и, забывшись, бормотал нечто совсем невразумительное. «Э, да он, видно, в полной уверенности, что сделка состоялась?» — предположил Чилдан, однако ничем не выдал себя. Развлечение с отбором образцов продолжалось.

— О, это особенно удачный экземпляр! — воскликнул Эд, когда внимание Чилдана задержалось на массивной подвеске. — Думаю, вы

отобрали лучшие образцы. Наиболее удачные. — Он заулыбался. — У вас отличный вкус. — Глаза его бегали. Мысленно он уже пытался прикинуть сумму, вырученную за отобранные предметы.

— Одно из наших главных правил гласит, — сказал Чилдан, — что неопробированный товар принимается исключительно на комиссию.

Несколько секунд торговец, казалось, не мог прийти в себя. Он умолк и в полной прострации глядел прямо перед собой.

Чилдан улыбался.

— На комиссию? — только и смог выговорить, наконец, торговец.

— Может, вы предпочитаете забрать все это обратно?

Запинаясь, мужчина проговорил:

— Так, значит, я должен оставить товар, а деньги получу позже, если…

— Вы получите две трети продажной стоимости, то есть заработаете гораздо больше. Разумеется, придется подождать, но… — Чилдан пожал плечами. — Впрочем, решать вам. Возможно, я смогу выставить в витрине хотя бы часть этих предметов. Если товар будет пользоваться спросом, то, ну, скажем, через месяц, произведем окончательный расчет наличными.

Какое-то время оба молчали.

— Это все, что вас заинтересовало? — вполголоса осведомился Эд, имея в виду отобранные. предметы.

— Да, это можете оставить. Сейчас я выпишу квитанцию.

Через несколько минут он вернулся.

— Перед тем, как вы подпишете, — сказал Чилдан, вручая Эду листочек со стандартным текстом, — хочу вам напомнить следующее: если товар сдается на комиссию, магазин не несет ответственности за пропажу или кражу вещей. «Магазину не придется отвечать ни за один из выставленных предметов. При возвращении нераспроданного недостающее можно списать на кражи, — не без удовольствия отметил Чилдан. — Ведь в магазинах воровство процветает. И основным предметом кражи, как правило, являются мелочи типа бижутерии».

Роберт Чилдан, таким образом, ничем не рисковал. Ему не пришлось платить вперед, и наличные, естественно, остались в обороте. Если товар пойдет — он с прибылью, если нет, — он попросту все вернет, или, по крайней мере, то, что останется…

К тому же все это растягивается на неопреде-

ленное время.

Чилдан заполнил квитанцию, расписался и отдал коммивояжеру.

— Позвоните мне где-то через месяц, — сказал он. — Я вам сообщу, как пошел товар.

С отобранной бижутерией Чилдан удалился в подсобное помещение, предоставив коммивояжеру возможность упаковать оставшиеся предметы.

«Не верилось, что он сразу же согласится, — подумал он, — Впрочем, никогда не знаешь наверняка, где найдешь, а где — потеряешь. Потому-то попытка и не лишена смысла».

Когда он вернулся, коммивояжер уже заканчивал упаковывать вещи в корзинку. Затем приблизился, держа что-то в руке.

— Что-нибудь еще? — осведомился Чилдан, уже просматривающий корреспонденцию.

— Я хотел бы оставить визитку. — Он положил перед Чилданом странного вида, красную с серым картонку. — «Эдфранк. Производство ювелирных изделий».

Чилдан кивнул, вежливо улыбнулся и вернулся к своим делам.

Когда он снова поднял глаза, магазин был пуст. Коммивояжер ушел. Чилдан бросил пятицен-

товик в настенный распределитель и с чашкой горячего чая вернулся к столу.

«Интересно, найдутся ли покупатели? Маловероятно. Но сделано неплохо. И главное — ни на что не похоже. — Чилдан еще раз внимательно осмотрел одну из брошек. — Орнамент весьма оригинальный. Сразу видно — работа профессионала».

Ему пришла идея заменить ярлычки новыми — с гораздо более высокими ценами. А в качестве аргумента сослаться на то, что это — ручная работа, и изделия носят уникальный характер, а кроме того, они миниатюрны и выполнены в оригинальном стиле. Словом — подлинные произведения искусства. «Творения исключительной художественной ценности, которые будут всегда с вами — на лацкане или манжетах».

Однако где-то в глубине сознания проступало нечто более важное: торговля такими вещами сводит на нет проблему аутентичности! А ведь это, пожалуй, именно тот вопрос, из-за неразрешимости которого однажды может рухнуть вся американская торговля антиквариатом. Конечно, не сегодня и не завтра, но, кто знает, как все обернется…

Не время ставить на одну лошадку. Недавний визит того еврейского мошенника — серьезное предостережение. Если потихоньку скупать новые изделия, не имеющие отношения к антиквариату, и создать запас произведений современного искусства, не претендующих на историчность, в один прекрасный день может оказаться, что он обставил всех своих конкурентов. Самое забавное, пока это ровным счетом ничего ему не стоит…

Откинувшись вместе со стулом так, что спинка уперлась в стенку, Чилдан продолжал пить чай и размышлять.

Грядут великие перемены. И к ним необходимо подготовиться и самому измениться заблаговременно. В противном случае — он пойдет ко дну.

«Таков закон выживания, — думал он. — Необходимо постоянно держать под контролем малейшие изменения ситуации и действовать соответственно. В общем, находиться в необходимое время в нужном месте и делать то, что надлежит.

Быть «инь». Люди Востока знают, что это такое. Из их лукавых и смышленых черных глаз так и струится «инь»…

Внезапно в голову пришла настолько удачная

мысль, что он даже подскочил на стуле. Теперь он знал, как убить двух зайцев. «Необходимо немедленно упаковать лучшие образцы бижутерии, убрав, разумеется, ценники… Брошку, подвеску и какой-нибудь браслетик. Словом, непременно самое красивое. Часа в два закрыть магазин и заглянуть в дом Касура. Господин, то есть Пол, в это время, конечно, на работе. Но госпожа Касура — Бетти — она-то уж обязательно должна быть дома».

Лучшей рекламы для его магазина, чем эти оригинальные изделия художественных ремесел, — сегодня вряд ли сыщешь. «Я преподнесу их сам, дабы впоследствии выведать через Бетти мнение высшего света. Это же лучший способ создать новинкам рынок!.. «Посмотрите, какая прелесть, чудесно, не правда ли? В моем магазине имеется самый широкий выбор, прошу вас как-нибудь заглянуть». И так далее в том же духе… «А вот это — только для тебя, Бетти…»

Его охватила дрожь. Они будут одни в доме. Пол на работе и — какой прекрасный повод!

Идея казалась безупречной.

Чилдан извлек коробочку, нашел ленточки, оберточную бумагу и принялся аккуратно упаковывать подарок для госпожи Касура.

«Очаровательная смуглая брюнетка в шелковом одеянии и туфельках на высоком каблуке… Да-а-а… А не слишком ли это смело с моей стороны? — подумал он. — Полу может не понравиться визит, нанесенный в его отсутствие. Естественно, между ними может возникнуть недоразумение. А может, сделать как-то по-другому? Занести отобранные вещицы ему в бюро? Пусть сам и вручит сувенир Бетти. И ничто не омрачит их отношений. А завтра я позвоню Бетти и узнаю ее мнение. Да, несомненно, это лучший вариант!»

Фрэнк Фринк, увидев компаньона, уныло бредущего по тротуару, понял: дела их неважные.

— Ну, что случилось? — спросил он Эда, забирая корзинку и укладывая ее в пикап. — Господи Иисусе, да ты пропадал целых полтора часа! Неужели столько времени потребовалось, чтобы отказать?

— Да не отказал он, — ответил совершенно измученный Эд, усаживаясь в машину.

— Так что же? — Фрэнк приоткрыл крышку корзинки и заметил, что недостает многих предметов, а точнее — лучших образцов. — О, да он забрал порядочно. Ну, рассказывай же.

— Комиссионка, — бросил Эд.

— И ты согласился? — Фрэнк не поверил. — Мы

же с тобой договаривались…

— Сам не знаю, как это получилось…

— Господи, Боже мой…

— Ты уж прости… Он отобрал так много… и мне показалось, он обязательно купит…

10

Последние две недели оказались самыми тяжелыми для господина Бэйнса. Каждый день ровно в полдень он звонил в Торговую Миссию и осведомлялся, не приехал ли почтенный старый господин. И неизменно получал отрицательный ответ. Голос господина Тагоми с каждым днем становился суше и официальнее. Собираясь позвонить, наверное, уже в шестнадцатый раз, Бэйнс подумал: рано или поздно он услышит, что господин Тагоми ушел по делам и просил его больше не беспокоить.

Что же могло случиться? Где господин Ятабе?

«В общем, ситуация могла развиваться так, — рассуждал он. — Смерть Мартина Бормана привела в сильное замешательство определенные круги в Токио. Новые инструкции застали господина Ятабе, несомненно, уже в пути; возможно, он получил приказ возвращаться для дополнительных консультаций».

«Неудача, — подумал Бэйнс, — а может, сейчас уже и трагедия».

Однако, согласно предписаниям, он должен оставаться на месте, в Сан-Франциско, и направ-

лять все усилия на организацию встречи, — цель, ради которой он и прибыл сюда. «Прилететь на ракете «Люфтганзы» из Берлина всего за сорок пять минут, чтобы теперь… Да, мы живем в удивительное время. Можно объездить весь мир, совершать путешествия даже на другие планеты. Вот только — зачем? Только затем, чтобы жить день за днем, впадая в уныние и теряя последнюю надежду? А между тем другие времени даром не теряют. Они-то уж теперь не будут сидеть в напрасном ожидании…»

Бэйнс развернул дневной выпуск «Ниппон Таймс» и в который уже раз просмотрел заголовки под общей шапкой:

«ДОКТОР ГЕББЕЛЬС ПРОВОЗГЛАШЕН РЕЙХСКАНЦЛЕРОМ!»

«Проблема высшего руководства неожиданно разрешена специально назначенной партийной комиссией НСДАП». «Все определило выступление по радио». «Толпы берлинцев провозглашают здравицы». «Ожидается официальное заявление». «Слухи о назначении Геринга шефом полиции». «Отставка Гейдриха».

Он перечитал заметки, отложил газету в сторону и поднял телефонную трубку. Набрал номер Торговой Миссии.

— Это господин Бэйнс. Можно ли пригласить господина Тагоми?

— Пожалуйста, сию минуту, господин Бэйнс.

Минута растянулась надолго.

— Господин Тагоми у телефона.

Бэйнс набрал побольше воздуха в легкие.

— Прошу прощения, ситуация, одинаково досадная для нас…

— О, господин Бэйнс…

— Ваше гостеприимство — выше всяких похвал. Я уверен: однажды вы поймете причины, которые вынуждают меня откладывать наше совещание до приезда почтенного господина…

— Увы, он все еще не прибыл.

Бэйнс закрыл глаза.

— Я думал, может, со вчерашнего дня…

— Увы, нет, — вежливый тон собеседника резко изменился. — Прошу простить меня, господин Бэйнс, — срочные дела.

— Ну что же, до свидания.

Раздался щелчок. Сегодня господин Тагоми оборвал разговор, даже не попрощавшись. Бэйнс медленно положил трубку.

Итак, он должен действовать. Ждать больше нельзя, хотя его руководство достаточно четко дало понять: устанавливать связь с Абвером не следует ни в коем случае. Он должен просто ждать, пока не удастся наладить контакт о представителем японской армии; ему надлежит организовать и провести встречу с японцем и вернуться в Берлин. Но кто же мог предположить, что именно в это время умрет Борман. А потом…

Приказ отменяется. Необходимо руководствоваться здравым смыслом. По крайней мере, своим собственным, если посоветоваться не с кем.

На территории ТША действовало не менее десяти агентов Абвера, однако о некоторых, если не обо всех, известно местному отделению СД и лично их шефу — опытному в таких делах, Бруно Крайцу фон Мере. Несколько лет назад он мельком видел его на партийном съезде. В полицейских кругах о Бруно ходила в некотором роде дурная слава: именно ему, Крайцу фон Мере, в 1943 году вовремя удалось обезвредить английских и чешских агентов, участвовавших в подготовке операции по уничтожению Гейдриха. Тем самым он спас палача от смерти. Во всяком случае, начало карьеры Бруно Крайца фон Мере в СД восходило к тем годам.

Откровенно говоря, человек этот весьма опасен.

Нельзя не исключать и того, что, несмотря на все меры предосторожности, принятые Абвером в Берлине И «Токкока» в Токио, СД все же известно о предстоящей встрече в Торговой Миссии города Сан-Франциско. Вместе с тем ТША находятся под юрисдикцией Японии, и СД не правомочна вмешиваться во внутренние дела этой страны. Правда, они могут попытаться арестовать его как представителя германской стороны, — вздумай он ступить на территорию Рейха. Однако что-либо предпринять в отношении представителя Японии или воспрепятствовать самой встрече они бессильны.

По крайней мере, оставалось уповать на это.

Может, СД удалось перехватить старика где-нибудь в пути? Из Токио в Сан-Франциско — путь неблизкий, а еще если учесть его возраст и то, что летать-то ему, пожалуй, непросто.

«Придется запросить руководство, — решился Бэйнс. — Он должен знать, приедет ли господин Ятабе. Если он перехвачен СД или отозван Токийскими властями, им наверняка об этом известно».

«Но если они добрались до старика, — подумал

вдруг он, — то, конечно же, выйдут и на него, Бэйнса».

Однако даже теперь ситуацию нельзя расценивать как безнадежную. За время многодневного ожидания в номере отеля «Абхирати» Бэйнс успел кое-что обдумать.

В крайнем случае, уж лучше передать информацию господину Тагоми, чем возвращаться в Берлин ни с чем. Пусть и ничтожный, но все-таки шанс, что его сообщение попадет куда следует. Однако господин Тагоми может его только выслушать. Вот, пожалуй, наиболее уязвимое звено в его плане. В лучшем случае, Тагоми, внимательно выслушав и запомнив, отправится в срочную командировку на Острова. Господин же Ятабе обладает правом принимать решения. Он может не только слушать, но и отдавать приказы…

И все же это лучше, чем вообще ничего. Время не терпит. Не начинать же все сначала, — месяцами тщательно и очень осторожно вести подготовку новой конфиденциальной встречи представителей двух группировок — из Германии и Японии…

«Господин Тагоми, несомненно, будет поражен, — не без злорадства отметил он. — Осознать внезапно степень своей осведомленности и от-

ветственности, — это вам не собирать сведения о каких-то там новых литейных формах… На этой почве вполне возможен нервный срыв. Или вдруг разболтает кому-нибудь, или, наоборот, замкнется и внушит себе, что ничего не слышал. Либо просто не захочет поверить мне. Встанет, поклонится и уйдет, как только я начну, сославшись на то, что не умеет хранить тайну. Почему бы ему и не отнестись ко всему именно так? Он, мол, и слышать ничего не желает, дескать, не его это дело».

«Как все это просто, — подумал Бэйнс. — У господина Тагоми есть такой легкий выход из создавшегося положения. Как я завидую ему!

Однако, если поразмыслить, господину Тагоми тоже деваться некуда. Мы с ним в одинаковом положении. Он может оставаться глухим к моим сообщениям лишь до тех пор, пока это просто слова. Но потом, когда от слов — и к делу… Если бы только удалось это объяснить. Ему или тому, с кем в конце концов удастся переговорить…»

Бэйнс вышел из номера, воспользовался лифтом и попросил портье в холле позвать рикшу. Вскоре китаец, энергично нажимая на педали, вез его по Маркет-стрит.

— Здесь, — сказал он рикше. — Остановись на

обочине, рядом с пожарной колонкой.

Бэйнс расплатился, и рикша отъехал. Похоже, что слежки нет. Дальше он шел пешком. И вскоре с потоком многочисленных посетителей он попал в огромный центральный универмаг «Фуга».

У прилавков толпились покупатели. Продавцы — почти все белые, японцы — в основном — заведующие отделами. Везде стоял невообразимый шум. После минутного замешательства Бэйнс разыскал секцию мужской одежды и задержался у стойки с брюками. К нему тотчас подошел молодой продавец.

— Я вернулся купить вот эти темно-коричневые шерстяные брюки. Мне помогли их подобрать ещевчера, — сообщил Бэйнс. Встретив удивленный взгляд продавца, уточнил:

— Вчера я, кажется, разговаривал не с вами. Тот продавец ростом повыше. Худощавый, с рыжими усами. Кажется, его зовут Ларри.

— Он ушел на обеденный перерыв, скоро должен вернуться, — ответил продавец.

— Пойду тем временем примерю эту пару, — сказал Бэйнс, снимая брюки со стойки.

— Конечно, прошу вас, — продавец указал на свободную примерочную и отошел к другому клиенту.

Бэйнс вошел в примерочную, плотно прикрыл дверь, уселся на один из стоявших внутри стульев и принялся ждать.

Через несколько минут раздался стук. Дверь отворилась, и вошел невысокий японец средних лет.

— Вы иностранец? — спросил он Бэйнса. — Я хотел бы убедиться в кредитоспособности господина, — проговорил он, запирая дверь изнутри.

Бэйнс протянул японцу бумажник. Тот взял его и, усевшись, принялся изучать содержимое. Его внимание привлекло фото девушки.

— Какая красавица, — сказал он.

— Моя дочь, Марта.

— Мою дочь тоже зовут Марта, — сообщил японец. — Она сейчас в Чикаго, учится на пианистку.

— А моя вскоре выходит замуж.

Японец вернул Бэйнсу документы и выжидательно замолчал.

— Я здесь уже две недели, — объяснил Бэйнс, — а господин Ятабе до сих пор не появился. Мне необходимо знать, приедет ли он, а если нет, то как мне действовать дальше.

— Прошу вас наведаться завтра во второй половине дня, — ответил японец и встал. Поднялся

и Бэйнс. — До свидания.

— До свидания, — ответил Бэйнс. Он вышел из кабины, вернул брюки и покинул универмаг.

«Однако все заняло не так уж много времени, — думал он, шагая в толпе прохожих. — Неужели он и впрямь успеет получить информацию до завтра? А ведь ему еще нужно связаться с Берлином, передать запрос, но прежде зашифровать его. Надо надеяться, успеет».

Жаль, не сообразил связаться с агентом раньше. Мог бы тогда и не переживать столько. Похоже, чтои риска особого не было, прошло все гладко. Фактически потребовалось не больше пяти-шести минут.

Бэйнс медленно шел по улице, задерживаясь у витрин. Самочувствие его существенно улучшилось. Он остановился перед витриной второсортного кабаре с выцветшими, засиженными мухами снимками голых белых женщин. Их отвисшие груди напоминали спущенные мячи. Бэйнса это зрелище настолько позабавило, что еще некоторое время он глазел на фотографии, не обращая внимания на спешащих прохожих, которые непроизвольно задевали его на узкой улице.

Наконец ему хоть что-то удалось сделать. На-

конец-то!

Какое облегчение!

Откинувшись на спинку сиденья, облокотившись о подлокотник дверцы, Юлиана погрузилась в чтение. Небрежно, одной рукой, Джо управлял машиной. Это не требовало от него особых усилий, и они уже преодолели большую часть пути. Из радиоприемника доносился один из тех слащавых мотивчиков, которые обычно исполняются в пивных.

На какое-то мгновение он привлек внимание Юлианы.

«Свирель или волынка, — машинально отметила она. — Наверняка одна из этих приевшихся бесчисленных полечек, которые, по сути, все на один мотив».

— Кич, — заявил Джо, когда музыка смолкла. — А знаешь, я ведь немного разбираюсь в музыке. Сказать тебе, кого по праву можно назвать великим дирижером? Ты его, наверное, и не помнишь. Артуро Тосканини.

— Не знаю такого, — ответила она, не отрываясь от чтения.

— Он итальянец. Однако после войны немцы так и не позволили ему дирижировать. Причина — его политические убеждения. Его уже

нет в живых. А этого фон Караяна, неизменного дирижера Нью-Йоркского Филармонического общества, вспоминаю с содроганием до сих пор. Нас заставляли посещать его концерты всем общежитием. А тебе, должно быть, известно, что любят итальянцы. — Он взглянул на нее. — Ну, как тебе эта книжка?

— Очень увлекательная.

— А я люблю Верди и Пуччини, — продолжил о своем Джо. — В Нью-Йорке нас пичкали этим помпезным Вагнером или каким-нибудь Орфом; а эти еженедельные принудительные посещения Мэдисон-Сквер-Гардена, глупейших представлений, организованных нацистской партией, с их неотъемлемыми атрибутами — штандартами, литаврами, фанфарами и пылающими факелами. С последовательным изложением истории арийской расы и тому подобной псевдопросветительской чепухой; и все это непременно декламировалось, — как же, ведь произносить такое с обычной интонацией нельзя: как-никак, подлинное искусство… Ты бывала в Нью-Йорке до войны?

— Да, — ответила она, не отрываясь от чтения.

— Тогда ты должна помнить те по-настоящему прекрасные театры. Я знаю, мне рассказывали.

А теперь с театром то же, что и с производством фильмов — всем заправляет берлинский концерн. Я уже тринадцать лет в Нью-Йорке, но за все это время ни разу так и не довелось посмотреть приличный спектакль или мюзикл…

— Не мешай мне читать, — попросила Юлиана.

— И в книжном деле та же монополия, — продолжил, будто не слыша ее, Джо. — Единственный издательский концерн со штаб-квартирой в Мюнхене. В Нью-Йорке теперь только печатают. По сути, он превратился в одну большую типографию. А ведь до войны этот город по праву считался центром мирового книгоиздания, по крайней мере, многие так утверждают…

Юлиана, заткнув уши пальцами, с головой ушла в чтение лежащей на коленях книги. Она дошла до того места, где описывалось поистине фантастическое телевидение. Особенно ее восхитил отрывок, где речь шла о крошечных телеприемниках, предназначавшихся для отсталых регионов Африки и Азии.

> «…только изобретательные янки с их системой массового производства (что за магические слова: Детройт, Чикаго, Клив-

ленд!..) могли достичь подобных чудес: создать такой поистине волшебный поток — это сумасшедшее изобилие дешевых, стоимостью в один (китайский!) доллар — наборов деталей для телеприемников; поток, способный достичь каждой деревни, даже распоследней дыры на всем Востоке. И, стоило какому-нибудь исхудалому деревенскому энтузиасту, готовому недоедать, лишь бы приобрести то, что предлагают эти щедрые американцы, стоило емусобрать такой приемничек, как сразу же наперебой вещали станции. И какие программы! Уткнувшаяся в экраны молодежь, а часто и старики, смотрели передачи, где в популярной форме им объяснялось, как научиться читать, как вырыть колодец поглубже, как лучше вспахать поле, дезинфицировать воду и лечить больных. А над всем этим вертелась без устали американская искусственная луна, непрерывно посылая сигналы, которые доходили до каждого, кто жаждал знаний, до всего полного ожиданий и надежд народа Востока…»

— Ты читаешь подряд или только просматриваешь? — спросил Джо.

— Великолепно, — вместо ответа сказала она. — Он пишет, что мы даем пищу и образование миллионам азиатов.

— Благотворительность в мировом масштабе…

— Да. Новый миропорядок президента Тагвелла, подъем жизненного уровня масс. Ты только послушай. — Она начала читать вслух:

> «…Что представляет собой Китай сегодня? Единый гигантский организм, жаждущий перемен к лучшему, с надеждой взирающий на Запад, целостное образование, возглавляемое величайшим демократическим президентом Чан Кай-ши, который вел его в годы войны и теперь, в мирное время, в Десятилетие Восстановления. Впрочем, для Китая — этой поистине необъятной страны, попрежнему пребывающей в вековом сне, термин «восстановление» неточен. Правильнее сказать — «Пробуждение». Этому гиганту, исполинскому существу только предстояло очнуться, пробудиться к сознательной жизни в цивилизованном

мире, — с его реактивными лайнерами, атомной энергией, автострадами, заводами и лекарственными препаратами. Откуда прогремит гром, которому суждено разбудить его исполина, Чан знал еще во времена освободительной войны с японцами. Гром грянул из Соединенных Штатов. К 1950 году американские техники, учителя, врачи, агрономы объявились будто новый вид живых существ, в каждой китайской провинции, в каждом…»

— А знаешь, что он делает? — перебил ее Джо. — Он берет все лучшее, что есть в нацизме: его социалистические идеи, организацию Тодта, экономическую программу и прогресс, достигнутый благодаря усилиям Шпеера, — и зачисляет все это в актив сзоему Новому Миропорядку. Плохое же — СС, экзекуции, расовую сегрегацию — попросту отбрасывает. Да это же чистейшей воды утопия! Ты думаешь, если бы Союзники победили, этот Новый Миропорядок смог бы, как он пишет, «воскресить экономику» и добиться всех этих «социалистических преобразований»? Черта с два! Да он просто описывает некую форму государственного капитализма; то самое корпо-

ративное государство, которое уже создано Дуче. Он только обещает, без…

— Ты дашь мне читать? — с раздражением осведомилась она.

Он недовольно пожал плечами, однако замолчал, предоставив Юлиане возможность читать не отвлекаясь.

> «…новые рынки, несметные миллионы китайцев обеспечивали гигантский объем работы заводам Детройта и Чикаго. Даже спустя столетие этим людям будет мало грузовиков, кирпича, стали, пишущих машинок, консервов, часов, радиоприемников и капель от насморка… Американский рабочий образца 1960 года имел самый высокий в мире жизненный уровень, — и все это исключительно благодаря реализации того, что сухо именовалось «принципом наибольшего благоприятствования» Востоку. США больше не оккупировали Японию и никогда — Китай, но факт оставался фактом: Кантон, Токио и Шанхай покупали все не у англичан, а у американцев. И каждая новая сделка означала дальнейший рост

благосостояния рабочих где-нибудь в Балтиморе, Лос-Анджелесе или Атланте.

Людям, способным прогнозировать будущее, вынашивающим в Белом Доме новые планы, уже казалось, что цели их достигнуты. Вот-вот ракеты начнут исследовать Космос за орбитой Земли, которую, наконец, покинули ее вечные беды: голод и болезни, войны и невежество. Жизнь простых людей стала легче и в странах Британской Империи, — в Индии и Бирме, в Африке и на Ближнем Востоке;

давали плоды усилия, направленные на общественный и экономический прогресс. Заводы Рура, Манчестера и Саара, нефть Баку — все приходило в состояние сложнейшей, но подлинной гармонии, и народы Европы, наконец, могли насладиться чем-то, напоминающим…»

— Я так и думала: править должны только они, — сказала Юлиана, прервав чтение. — Ведь они всегда здесь первые… Понимаешь, о ком я говорю? Об англичанах.

Джо не ответил. Через минуту Юлиана снова

углубилась в чтение.

«…реализацию идеи Наполеона, — все же достигнуто оптимальное единение разнообразных этнических групп, чья вражда в недалеком прошлом доходила до взаимного истребления и превращала Европу в подобие балканского государственного калейдоскопа времен упадка Римской Империи. Материализовалось, казалось, и видение, посетившее некогда Карла Великого: объединенный Христианский мир не только привел во внутреннее согласие все свои составные части, но и гармонировал с окружающим миром…

На земле оставалось единственное нездоровое место — Сингапур.

Малайские государства населяли многочисленные китайские меньшинства, состоявшие в основном из торговцев и предпринимателей. Эти необычайно гибкие и энергичные представители средней буржуазии считали: американская администрация в Китае демонстрирует гораздо более справедливое отношение к так называемым «туземцам». В странах

же британского протектората представители «цветных» лишались доступа в аристократические клубы и отели, в лучшие рестораны. Им, как и прежде, отводились специальные места в поездах и автобусах и (что хуже всего) сужалось право выбора места обитания в черте городов. Именно этими «туземцами» впервые отмечен (как в частных беседах, так и публикациях) факт: к 1950 году в Соединенных Штатах проблема «цветных» была полностью решена. Черные и белые селились, работали, одним словом — сосуществовали даже на крайнем Юге: Вторая мировая война покончила с расовой дискриминацией…»

— Чем, интересно, все это закончится? Их ожидают какие-нибудь неприятности? — спросила Юлиана.

В ответ он лишь досадно крякнул, не отрываясь от дороги.

— Ну скажи мне, что будет дальше, — попросила она. — Я не успею дочитать, мы почти уже в Денвере. Вспыхивает англо-американская война? Победитель завоевывает весь мир?

После минутного молчания Джо сказал:

— С определенной точки зрения, эта книга, пожалуй, и неплохая. Прекрасно, например, отработаны все детали. За Америкой — весь Тихоокеанский бассейн, вроде нынешнего Тихоокеанского Союза Благоденствия. Россия расчленена. Действие происходит примерно через десять лет. Естественно, возникают конфликты.

— Почему — естественно?

— Все дело в человеческой природе, — объяснил Джо, — и в природе государства. Подозрительность, страх, алчность. Черчилль предполагает, что Соединенные Штаты стремятся подорвать британское господство в Южной Азии, используя при этом китайские меньшинства, усилиями Чан Кай-ши настроенные проамерикански. Англичане начинают возводить, — Джо осклабился, — так называемые «скрытые резервации». Иначе говоря, концлагеря для многих тысяч потенциально нелояльных режиму китайцев. Их обвиняют в саботаже и враждебной агитации. Черчилль настолько…

— Так, значит, получается, что он все еще у власти? В таком случае ему где-то уже под девяносто, да?

— Именно в этом и заключается преимущество

британской системы правления перед американской, — сказал Джо. — Каждые восемь лет Штаты должны отправлять своих руководителей в отставку, каких бы высот управления те ни достигли. А между тем Черчилль остается у власти. У Америки после Тагвелла уже нет руководителей такого масштаба. У власти — одни посредственности. А он, то есть Черчилль, с возрастом становится все более властным и жестким, и уже в 1960 году превращается в подобие азиатского владыки, которого никому не под силу вывести на чистую воду. Он удерживается у власти почти двадцать лет.

— Боже мой, — проговорила Юлиана, лихорадочно перелистывая книгу в поисках подтверждения услышанному.

— С этим я могу согласиться, — продолжал Джо. — Во время войны Черчилль, пожалуй, единственный стоящий руководитель у англичан. Если бы его уберегли, может, для них все и сложилось бы к лучшему. Говорят, каков вождь, такое и государство. В этом — основной принцип управления. Нацисты называют это «Fuhrerprinzip»[19]. А уж они-то знают, что говорят. Даже этому

---

[19] Notes: 19
Принцип вождя *(нем.)*.

Абендсену пришлось согласиться… Ясно, что после победоносного завершения войны с Японией Штаты начинают бурно развиваться. Правильно, ведь у них есть отвоеванный у Японии колоссальный азиатский рынок. Но этого мало — им по-прежнему не хватает силы духа. Впрочем, это отнюдь не означает, что у англичан ее в избытке. Везде у власти — плутократии, возглавляемые богачами. Если бы они и вправду победили, то только и думали бы, как побольше заграбастать. И в этом Абендсен ошибается: ни экономических реформ, ни социальных проектов, ни общественных работ мы бы не увидели. Англосаксонская плутократия не допустила бы.

«Он рассуждает как обыкновенный фашист», — подумала Юлиана.

Джо, видимо, по выражению ее лица, догадался, о чем она думает. Он ослабил наблюдение за дорогой и повернулся к ней.

— Послушай, я ведь вовсе не какой-нибудь там интеллектуал, — фашизм не нуждается в умниках. Главное для них — дело. Все рождается в действии. Наше корпоративное государство требует от нас понимания расстановки социальных сил в обществе. Юлиана, поверь мне, все так и есть на самом деле, уж я-то знаю это точно.

Эти старые прогнившие империи — Британия, Франция, США — они были лишь последними в неправедном ряду подчиненных власти денег государств. Все они бездуховны, а следовательно, лишены будущего. Нацисты — просто шайка уличных бандитов? Согласен. Что ты на это скажешь? Я прав?

Юлиана невольно улыбнулась.

В попытках поупражняться в ораторском искусстве за рулем проявился его итальянский характер.

— Абендсен преподносит все так, будто и впрямь крайне важно, кто в конце концов победит: Англия или Соединенные Штаты. Как бы не так! Все это набор слов — за всем этим не чувствуется подлинной истории. Ты когда-нибудь читала Дуче? Вот настоящее вдохновение! Великий человек — великие слова. Он объясняет истинную подоплеку каждого события. За что мы в действительности воевали. Сражение нового со старым. Деньги (вот почему нацисты так раздували еврейский вопрос!), деньги против единой воли масс, против того, что немцы называют «Gemeinschaft»[20] — «народная идея».

---

[20] Notes: 20
Общность*(нем.).*

— Нацистский бандитизм — безусловно, трагедия, — продолжал он воодушевленно, обгоняя медленно ползущий грузовик. — Но ведь для побежденных перемены всегда болезненны. В этом нет ничего нового. Взять, к примеру, все предыдущие революции, такие, как Великая Французская или Английская буржуазная XVII века. Просто в немецком характере слишком много философии и театральности. Эти их съезды… Настоящий фашист не рассуждает. Он действует. Действует так, как я.

Юлиана расхохоталась.

— О Боже, ты говоришь, как заведенный.

— Я преподал тебе фашистскую теорию действия!

Юлиане все это показалось смехотворным, и она не

знала, что ей следует отвечать.

Впрочем, сидящий рядом с ней человек вовсе не считал это таким забавным. Он смерил ее злым взглядом, лицо его покраснело. На лбу снова набухла вена, и его затрясло.

Казалось, какое-то мгновенье — и он ударит ее, его рука уже сорвалась, однако ему все же удалось совладать с собой.

Они ехали дальше; из приемника сквозь по-

мехи прорывались звуки маршей. Безуспешно Юлиана пыталась сосредоточиться на чтении. После долгого молчания Джо проговорил:

— Ты права.

— В чем?

— Это дешевая империя. Шут вместо вождя. Не удивительно, что мы так ничего и не получили после войны.

Она похлопала его по руке.

— Все погружено в какую-то тьму, — сказал Джо. — Нет ничего определенного, истинного. Разве не так?

— Возможно, — механически ответила она, пытаясь продолжить чтение.

— Победит Англия, — сообщил Джо, кивая на книгу. — Я уж, так и быть, сэкономлю тебе время… Америка утрачивает свое влияние и превращается во второстепенную державу. Англия интригует, оказывает непрерывный нажим, Британская Империя разрастается, удерживая при этом инициативу. Теперь ты можешь преспокойно отложить книжку.

— Надеюсь, в Денвере нам удастся развлечься, — сказала Юлиана, закрывая книгу. — Тебе необходимо расслабиться. Мне бы очень хотелось, чтобы ты отдохнул. «В противном случае, — ду-

мала она, — ты просто рассыплешься на миллион кусочков, как лопнувшая пружина. Что будет тогда со мной? Как мне тогда возвращаться? И стоит ли вообще оставаться с ним и продолжать делать вид, будто ничего не произошло?..

Нет, я хочу развлечься именно так, как он пообещал. Я больше не желаю, чтобы меня обманывали. Я уже прошла через это».

— Да уж, развлечемся, — проговорил Джо. — Послушай-ка, — он изучающе посмотрел на нее с каким-то странным выражением лица. — Не слишком ли близко к сердцу ты принимаешь эту книгу? Как ты считаешь, человек, написавший бестселлер, например, этот Абендсен, получает много писем? Готов поспорить, ему наверняка пишут, шлют благодарственные письма, а то и приезжают.

Она вдруг поняла, *что* он имеет в виду.

— Джо, это же всего в ста милях отсюда!

Теперь глаза его блестели, он улыбался. Куда только

подевались его угрюмость и взвинченность. Приподнятое настроение вернулось к нему.

— Мы же можем туда поехать! — воскликнула она. — Ну что тебе стоит, ты же так хорошо водишь…

— Ну ладно, — неторопливо проговорил Джо. — Только, вот, сомневаюсь, принимает ли наша знаменитость посетителей? Наверняка их слишком много.

— Ну, давай попробуем, ну, пожалуйста, Джо! — она возбужденно стиснула его плечо. — В крайнем случае, он нас просто спровадит. Ну, прошу тебя…

После долгих размышлений Джо заявил:

— Вот сделаем покупки, оденемся поприличнее… очень важно сразу же произвести хорошее впечатление.

Может, в Шайенне придется взять напрокат новую машину. Сделаешь это?

— Да. А тебе придется сходить к парикмахеру. И, очень тебя прошу, позволь мне самой выбрать для тебя одежду. Я всегда ее подбирала Фрэнку, — ведь мужчина не способен одеться как следует сам.

— А ты со вкусом одеваешься, — вновь поглощенный наблюдением за дорогой проговорил Джо. Взгляд его опять стал угрюмым. — И все остальное тоже неплохо делаешь. Будет лучше, если ты ему сначала позвонишь. И договоришься о встрече.

— Я сделаю прическу, — сказала она.

— Отлично.

— Чего там бояться, — я просто приду и позвоню в двери. Эх, все равно, один раз живем… В конце концов, он такой же человек, как и все мы. И его наверняка обрадует приезд поклонников его таланта из такого далека. Можем, как водится, и автограф у него попросить. Только придется приобрести новую книгу, а то эта совсем уж затертая. Неловко будет…

— Делай, как знаешь, — сказал Джо. — Все, что касается деталей, оставляю на твое усмотрение. Я уверен, ты все сделаешь, как надо. Красивая женщина на кого хочешь подействует. Стоит ему увидеть такую секс-бомбу, как он тотчас распахнет перед нами двери. Только давай без этих твоих штучек.

— Ты это о чем?

— Скажешь ему, мы муж и жена. Я вовсе не желаю, чтобы между вами что-нибудь возникло. Это было бы ужасно. Ты бы там всем жизнь испортила. Неплохая награда писателю… так сказать, ирония судьбы: пусть не впускает в дом чужих. В общем, следи за собой.

— Ты мог бы с ним поспорить, — предложила Юлиана. — Например, о том эпизоде, где измена Италии решает исход войны. Расскажи ему все, о

чем ранее говорил мне.

Джо кивнул.

— Верно. Мы с ним обо всем поспорим.

В семь утра по среднетихоокеанскому времени господин Нобусаке Тагоми встал с постели и отправился было в ванную, однако после недолгих раздумий подошел к столу и раскрыл «Книгу Перемен».

Сидя со скрещенными на полу ногами, он принялся манипулировать сорока девятью стеблями тысячелист ника. Его подгоняло осознание неотложности его дела; действуя очень проворно, он вскоре получил все шесть линий.

Он почувствовал себя в шоке: пятьдесят первая гексаграмма!

«Бог является под знаком Роста. Гром и молния». Он непроизвольно заткнул уши, словно оглушенный громовым раскатом. «Ха! Хо!» Мощные взрывы заставляли его морщиться и зажмуривать глаза… «Змея подползает, тигр — рычит, а Бог является в истинном обличье…»

— Что это должно означать? — Он огляделся. — Возможно, признак приближения, но чего? — Он вскочил и, тяжело дыша, замер в ожидании.

Ничего. Только бешено колотится сердце. Учащается пульс, усиливается деятельность желез,

выбрасывается адреналин, спазм гортани, расширенные зрачки, желудочные спазмы — типичная реакция организма на приближающуюся опасность.

Что делать? Бежать? Готовность к паническому бегству — полная. «Но куда и от чего? — задавался вопросом Тагоми. — Явных признаков опасности нет. И, кроме того, все это бессмысленно и просто невозможно: типичная раздвоенность цивилизованного человека; готовность организма реагировать на приближение опасности, всегда, впрочем, достаточно неопределенной».

Наконец он встал и отправился в ванную.

И в это время зазвонил телефон.

— Шок, — произнес он вслух, откладывая бритву. — Приготовиться. — Быстро вышел из ванной. — Я готов, — произнес он и поднял трубку:

— Это Тагоми. — Голос сорвался, и пришлось откашляться.

Минута тишины. А затем — слабый, шелестящий будто сухие листья, голос:

— Говорит Синьиро Ятабе. Я уже в Сан-Франциско.

— От имени Торговой Миссии приветствую вас, — ответил Тагоми. — Я чрезвычайно рад. Надеюсь, вы в добром здравии и настроении?

— Да, господин Тагоми. Когда мы встретимся?

— О, в ближайшее же время. Через полчаса вас устроит? — Тагоми взглянул на часы. — В нашей беседе примет участие еще один человек — господин Бэйнс. Я должен связаться с ним. Возможно опоздание. Впрочем…

— Скажем, через два часа, — перебил его господин Ятабе.

— Слушаюсь, — почтительно ответил Тагоми.

— В вашем бюро, в «Ниппон Таймс».

Щелчок. Господин Ятабе повесил трубку.

«Господин Бэйнс будет рад, — подумал Тагоми,—

доволен, как кот, которому бросили хороший кусок лососины — этакий жирный хвост…» Он торопливо набрал номер отеля «Адхирати».

— Наши мучения кончились, — сказал он, когда услышал на том конце провода заспанный голос Бэйнса.

— Он уже здесь? — сонливость тотчас улетучилась из голоса абонента.

— Будет у меня в бюро в десять двадцать. До свидания.

Времени на завтрак не оставалось. Уже в бюро придется попросить Рэмси побеспокоиться о завтраке. Возможно, за столом они будут втроем.

Бреясь, он составлял меню изысканного завтрака на три персоны.

Господин Бэйнс стоял в пижаме у телефона, массируя виски, и размышлял. «Жаль, я не выдержал и поторопился связаться с агентом. Стоило подождать один день…»

Однако, может, ничего плохого и не произошло? По договоренности, сегодня он должен снова зайти в универсальный магазин. А если он этого не сделает? В таком случае последует цепная реакция: подумают, он убит или что-нибудь еще, и примутся за его розыски.

Впрочем, все это не столь важно. Главное — старик уже здесь. Наконец-то долгое ожидание кончилось.

Тагоми, несомненно, узнает его, как только увидит. От псевдонима «господин Ятабе» можно отказаться. Собственно, пришло время сбросить маски и оставить всякое притворство.

Закончив бриться, Бэйнс заскочил в душ. Стоя под струями воды, он во весь голос распевал:

Wer Reitet so spät,
Durch Nacht und Wind?
Das ist der Vater

Mit Seinem Kind.[21]

«Наверняка СД уже не успеет ничего предпринять, — думал он. — Если даже и удалось что-то пронюхать. Конечно, сейчас уже можно отбросить все опасения, во всяком случае, касающиеся второстепенных вопросов. В том числе и этот его страх за собственную шкуру. Ну, а к главному они вскоре смогут приступить».

---

[21] Notes: 21

Кто скачет, кто мчится
Под хладною мглой?
Ездок запоздалый,
С ним сын молодой.

Гете. «Лесной царь» (В пер. В. Жуковского).

11

Первое же дело этого дня надолго омрачило настроение рейхсконсула в Сан-Франциско барона Гуго Райса. По прибытии в резиденцию он обнаружил, что его уже ждут. Коренастый мужчина с рябым лицом, искаженным гримасой недовольства, и тяжелой челюстью встал, поднял руку в партийном приветствии и буркнул «хайль».

— Хайль, — ответил Райс, внутренне застонал, сохраняя, впрочем, официальную улыбку. — Герр Крайц фон Мере, какой сюрприз! Прошу вас, входите. — Он отпер дверь кабинета, размышляя, куда подевался вице-консул и кто впустил сюда шефа СД. Во всяком случае, он уже здесь, и с этим приходится мириться.

— Мы вышли на этого типа из Абвера, — заговорил фон Мере. — Это некто Рудольф Вегенер. Его засекли на старой явке Абвера, которая находится под наблюдением. — Крайц фон Мере захохотал, показывая большие золотые зубы. — А потом он привел нас в отель, где остановился.

— Превосходно, — произнес Райс, отметив, что почта разложена на рабочем столе. По-видимому, Пфердхуф где-то поблизости. Кабинет заперт,

конечно, им, — специально, на тот случай, если бы шефу СД вздумалось провести небольшую внеплановую проверку.

— Все это очень серьезно, — сказал Крайц фон Мере. — Я уже докладывал Кальтенбруннеру. Дело чрезвычайной важности. С минуты на минуту выйдет на связь Берлин. Если только эти наши Unratfressers[22] там, в Германии, чего-нибудь не напутали. — Он уселся прямо на стол рейхсконсула, извлек из кармана пиджака стопку карточек и принялся тщательно раскладывать их. Пожевав губами, сказал:

— Здесь он значится под фамилией Бэйнс. Выдает себя за шведского промышленника, торговца — словом, за человека, связанного с производством. Сегодня где-то после восьми ему звонил японский чиновник, который уточнил время и место встречи. В десять двадцать в бюро этого япошки. Сейчас мы выясняем, о+куда звонили. Результат получим через каких-нибудь полчаса. Дадут знать прямо сюда.

— Вот как, — проговорил Райс.

— Возможно, мы этого типа сцапаем, — продолжал фон Мере. — Если это удастся, мы, естествен-

---

[22] Notes: 22
Дерьмоеды *(нем.)*.

но, отправим его обратно в Рейх ближайшим же рейсом «Люфтганзы». Впрочем, япошки или власти Сакраменто могут заявить протест. В этом случае протест будет заявлен лично вам. Их нажим может оказаться достаточно сильным. Они даже могут прислать в аэропорт грузовик, полный головорезов.

— А могли бы вы сделать так, чтобы никто ни о чем не догадался?

— Теперь уже поздно об этом думать: он уже отправился на встречу. Нас могут вынудить забрать его прямо оттуда. Придется ворваться, захватить его и удрать.

— Мне это не нравится, — сказал Райс. — А если это встреча с какими-нибудь важными лицами из Японии? Не исключено, именно сегодня Сан-Франциско посетит личный представитель Императора. В последнее время до меня дошли слухи…

— Это не имеет значения, — перебил его фон Мере. — Германский подданный должен нести ответственность по законам Рейха.

«Мы-то уж знаем, что из себя представляют законы Рейха», — подумал Райс.

— У меня наготове группа коммандос, — продолжал фон Мере. — Пятеро неплохих ребят. — Он

рассмеялся. — Они похожи на скрипачей. Одухотворенные аскетические лица. Совсем как семинаристы-богословы. Они войдут туда, и япошки примут их за скрипичный квартет.

— Квинтет, — уточнил Райс.

— Ну да. Они беспрепятственно доберутся до места: одели их подобающим образом. — Он смерил взглядом консула. — Почти так же, как вас.

«Ну, спасибо», — подумал Райс.

— На глазах у всех, среди бела дня. Подойдут прямо к Вегенеру. Окружат его. Со стороны это будет выглядеть, как будто они с ним беседуют. — Пока фон Мере продолжал свой монотонный рассказ, консул принялся распечатывать почту.

— …И никакого насилия. — «Герр Вегенер, пройдемте с нами. Вам же все ясно». И небольшой укольчик между позвонков. Верхняя часть тела — отключена…

Райс кивнул.

— Вы слушаете меня?

— Ganz bestimmt[23].

— Затем они выводят его, сажают в машину — и ко мне в бюро. Япошки поднимают страшный шум, но, как обычно, остаются корректными до

---

[23] Notes: 23
Разумеется *(нем.)*.

конца. — Крайц фон Мере неуклюже слез со стола, дабы продемонстрировать японский поклон. — «Как это некрасиво с вашей стороны, господин Крайц фон Мере, так обманывать нас… Впрочем, до свидания, господин Вегенер…»

— Бэйнс, — поправил его Райс.

— Бэйнс… «Очень жаль, господин покидает нас… Нам так хотелось поговорить с вами… может, в следующий раз?..»

Зазвонил телефон, и Крайц фон Мере мгновенно оборвал клоунаду.

— Это меня. — Он протянул было руку, но Райс, опередив его, поднял трубку:

— У телефона Райс.

Ему ответил незнакомый голос:

— Господин консул, это Отдел международной связи, Новая Шотландия. Срочный звонок из Берлина.

— Слушаю.

— Минуточку, господин консул. — Отдаленный шум, треск. И, наконец, женский голос произнес:

— Канцлер.

— Отдел Международной связи, Новая Шотландия. Связь с консулом в Сан-Франциско установлена. Консул на проводе.

— Ждите. — Долгая минута тишины. Раис все

еще распечатывал одной рукой корреспонденцию. Крайц фон Мере лениво наблюдал.

И, наконец, мужской голос:

— Герр консул, извините, что отвлекаю вас. — У Райса мороз прошел по коже. Хорошо знакомый, прекрасно поставленный бархатный баритон. — Доктор Геббельс.

— Да, канцлер. — На лице фон Мере мгновенно появилась улыбка, однако раскрыть рот он уже це решался.

— Только что меня попросил позвонить генерал Гейдрих. В Сан-Франциско находится агент Абвера Рудольф Вегенер. Вам необходимо тесно сотрудничать с полицией. Посвящать вас в детали нет времени. Просто передайте ваше бюро в их полное распоряжение. Ich danke ihnen sehr dafür[24].

— Я понял вас, герр канцлер, — проговорил Райс.

— До свидания, — рейхсканцлер положил трубку. Крайц фон Мере с интересом следил за Райсом.

— Ну что, я оказался прав? — спросил он.

Райс пожал плечами:

---

[24] Notes: 24
Заранее благодарен вам *(нем.).*

— А кто, собственно, спорил?

— Прошу предоставить мне полномочия на выдворение этого Вегенера с последующей депортацией в Германию.

Райс взял ручку, заполнил ордер и, расписавшись, вручил его шефу СД.

— Благодарю. В случае, если японские власти обратятся с протестом…

— Если обратятся.

Крайц фон Мере смерил его взглядом.

— Обратятся. Они будут здесь уже через четверть часа после похищения Вегенера. — Его шутовской тон исчез бесследно.

— Надеюсь, это будет не смычковый квинтет?

Крайц фон Мере проигнорировал его остроту.

— Он окажется в наших руках еще до полудня, поэтому будьте наготове. Можете потом сообщить япошкам, что это — опасный маньяк, фальшивомонетчик. Он, мол, разыскивается за совершение особо опасных преступлений. Словом, что-нибудь в этом роде. Только не вздумайте им сказать, что он преследуется по политическим мотивам. Вам прекрасно известно: они не признают девяти десятых национал-социалистического кодекса.

— Да, известно, — зло подтвердил Райс, ощущая

себя обманутым. — Но я и сам знаю, что следует делать. «Опять они все решают через мою голову, — думал он. — Как всегда… Обратились прямо к канцлеру. Негодяи».

У него тряслись руки. Но только ли из-за звонка доктора Геббельса? Что это? Страх перед высшей властью? Нет, скорее, ощущение обиды от осознания того, что его провели… «Черт бы побрал эту тайную полицию! Насколько усилилось их влияние. Вот уже и сам Геббельс работает на них. Они помыкают всем Рейхом. Но что поделаешь? Да и кто способен этому хоть как-то противостоять?»

«Лучше уж с ними сотрудничать, — подумал он с безразличным смирением. — Вряд ли это самый подходящий момент, чтобы перебегать на сторону этого типа. Тайная полиция в Германии всесильна: они могут сместить любого, кто им не подойдет».

— Теперь я вижу, — произнес он, — вы не преувеличивали важность этого дела, герр полицайфюрер. Несомненно, от того, как скоро удастся захватить шпиона и предателя, зависит безопасность Германии, — он даже поморщился от всей этой белиберды.

Впрочем, Крайц фон Мере, похоже, остался доволен.

— Благодарю вас, господин консул, — сказал он.

— Благодарить нужно вас, — возможно, вы спасли всех нас.

— Ну, мы пока еще ничего не сделали, — угрюмо бросил фон Мере. — Подождите… Почему же они не звонят?

— Японцев я беру на себя. Вам, конечно, известно — опыт у меня немалый.

— Помолчите, пожалуйста, — оборвал его фон Мере. — Я должен подумать. — По-видимому, звонок канцлера выбил из колеи и его. Бремя ответственности лежало и на нем.

«Ничего, может, этот тип еще и сбежит от вас, и тогда ты вылетишь со своей должности, — думал Гуго Райс. — Мы оба в любую минуту можем очутиться на улице. И ты отнюдь не в большей безопасности, чем я.

Право, вам, герр полицайфюрер, следовало бы знать: все ваши планы может перечеркнуть одна совсем маленькая импровизация. Нечто непредсказуемое. Например, когда японцы придут сюда заявлять протест, можно намекнуть насчет рейса «Люфтганзы», которым повезут этого типа. Ничего не стоит усилить их гнев, скажем, с легким высокомерием, наведя на мысль о том, что для

Рейха это забава, всех этих крошечных япошек никто и не собирается принимать всерьез. Донять их так просто. А когда они по-настоящему разозлятся, все может дойти до самого Геббельса.

Какими бы возможностями ни располагала СД, без его активного содействия депортировать этого человекаиз ТША не удастся. Стоит ему только нажать нужную кнопку…

Ненавижу, когда действуют через мою голову. Меня это всегда выводит из равновесия. Я нервничаю, не могу уснуть… А, не отдохнув, могу ли я исполнять свои обязанности? А ведь поддержание статус-кво — мой прямой долг перед Германией. Гораздо спокойнее работалось бы, да и спалось тоже, если бы этот баварский бандит вернулся в Германию. Пусть себе пишет полицейские рапорты в какой-нибудь богом забытой дыре. Времени нет, вот в чем дело. Стоит только начать что-нибудь…»

Снова зазвонил телефон.

На этот раз фон Мере успел снять трубку первым. Консул Райс не стал этому препятствовать.
— Алло, — с минуту фон Мере молча слушал.

«Уже?» — подумал Райс.

Однако шеф СД передал трубку ему.

— Это вас.

— Какой-то учитель, — пояснил фон Мере. — Справляется, можно ли для его учеников достать плакаты с видами Австрии.

Облегченно вздохнув, Райс взял трубку.

Около одиннадцати Роберт Чилдан закрыл магазин и пешком отправился в бюро господина Касуры.

К счастью, Пол оказался свободен. Он любезно принял Чилдана и предложил ему чаю.

— Много времени я у вас не отниму, — сказал Чилдан. Кабинет Пола, несмотря на небольшие размеры, оборудован просто и современно. Стену украшала только одна гравюра — «Тигр Моккей», шедевр конца тринадцатого века.

— Всегда рад видеть вас, Роберт, — ответил Пол. В его тоне Чилдан уловил некоторую сдержанность.

А может, ему это только кажется? Чилдан осторожно глянул поверх своей чашки. Вид у японца, несомненно, приветливый, однако… Чилдан ощущал неприятную перемену.

— Твою жену, — проговорил Чилдан, — наверное, разочаровал мой примитивный подарок. Что поделаешь, мало кто способен по достоинству оценить новое и неизвестное… во всяком случае, не тот, кто является всего лишь торговцем. Я,

кажется, уже говорил тебе об этом. Несомненно, истинными знатоками являетесь именно вы с Бетти…

— Роберт, Бетти отнюдь не разочарована, — успокоил его Пол. — По той простой причине, что она так и не увидела эту брошку. — Он извлек из стола небольшую белую коробочку. — Как видишь, она не покидала стен этой комнаты.

«Он догадался, — подумал Чилдан. — Какая проницательность… Даже ей ничего не сказал. Да, тяжело… Хоть бы он не набросился на меня прямо здесь с обвинениями, будто я хотел совратить его жену. Или с чем-нибудь еще похуже… Он может меня уничтожить», — ужаснулся Чилдан, стараясь внешне ничем не выдать своего состояния.

— Ах, вот как? Занятно, — проговорил он с деланным спокойствием.

Пол раскрыл коробочку и достал брошь. Он держал ее на свету, медленно поворачивая в руке.

— Я показывал ее кое-кому из знакомых, которые разделяют мое увлечение предметами американской старины и вообще произведениями, имеющими художественную и эстетическую ценность. — Он многозначительно взглянул на Чилдана. — Естественно, никто из них не видел

ничего подобного. И в самом деле, оказывается, таких вещиц еще не делали. Ты, кажется, говорил, что приобрел на них исключительные права?

— Да, это действительно так.

— Хочешь знать реакцию моих друзей?

Чилдан кивнул.

— Эти люди, — сказал Пол, — просто смеялись.

Чилдан молчал.

— Признаться, когда ты принес это сюда, мне тоже все время приходилось сдерживать улыбку. Чтобы не расстраивать тебя, я, конечно, не подал виду, насколько это меня позабавило. Как ты помнишь, внешне это никак не проявилось.

Чилдан снова кивнул.

Пол продолжал, разглядывая брошку:

— Подобная реакция вполне объяснима: бесформенный кусочек металла, не представляющий собой ничего. И все. Или, скажем, так: это сама суть, освобожденная от внешней формы.

Чилдан лишь согласно кивнул.

— И все же… — проговорил Пол. — Я изучаю эту вещицу уже несколько дней и, вне всякой логической связи, постоянно ощущаю какое-то влечение. Ты спросишь меня, почему? Я ведь не проецирую на этот комочекособенности своей психики, как в тех немецких психологических

тестах. И по-прежнему не нахожу в нем ни особых свойств, ни форм. Но все же я понимаю: в этой вещи есть нечто от «дао». Видишь? — Он сделал жест, как бы приглашая Чилдана. — Есть некая гармония. Силы в этом предмете уравновешены. Они находятся в состоянии покоя. Можно сказать, что эта вещь — в согласии со всем мирозданием. И хотя она отделена от всего, все же каким-то непостижимым образом она сохраняет равновесие.

Чилдан продолжал механически кивать, разглядывая брошку. Он попросту перестал слушать.

— В этом нет «ваби», — проговорил Пол, — и быть не может. Однако, — он коснулся брошки ногтем, — у этого предмета есть «ву».

— Возможно, ты и прав, — сказал Чилдан, силясь вспомнить, что же такое «ву». Слово не японское. Китайское? Но что оно означает? «Мудрость», — решил он. — Или «понимание»? Во всяком случае, что-то очень хорошее».

— В руках сотворившего ее ремесленника, — продолжал Пол, — было «ву», и это передалось брошке. Быть может, только ему известно, что эта вещь способна вызывать удовольствие. Она совершенна. Созерцая ее, мы обретаем «ву» — спокойствие, связанное уже не с искусством, а со

святостью. Это навело меня на мысль о храме в Хиросиме, в котором выставлена на обозрение берцовая кость какого-то святого. Но то — реликвия, а здесь — творение рук людских. Оно живо, в то время, как реликвия целиком остается в прошлом. Погружаясь на долгие часы в медитацию, я пришел к выводу, что ценность этого предмета противопоставлена исторической.

— О да, — проговорил Чилдан.

— Предмет, не имеющий ни исторической, ни эстетической ценности, и вместе с тем обладающий такой, пусть и почти неуловимой, но притягательной силой, есть нечто поразительное. Эта вещь потому, собственно, и обладает «ву», что с виду — ничтожна, так, просто комочек, лишенный видимой ценности. Не случайно «ву» проще всего обнаружить в самых неприметных местах, — как в той христианской притче: «Камень, который отвергли строители, — тот самый, сделанный главою угла…»[25] Присутствие «ву» поражает именно вот в таких, казалось бы, лишенных ценности предметах. К примеру, старая палка или поржавевшая банка из-под пива на обочине. Однако в последнем случае «ву» нахо-

[25] Notes: 25
От Матфея, 21: 42.

дится лишь в сердце созерцающего. Это чисто религиозное восприятие. Здесь же, наоборот, мастер заключил «ву» в предмет, сокрыл его в уже готовой вещи. — Пол поднял глаза. — Тебе понятно, что я пытаюсь объяснить?

— О да, — ответил Чилдан.

— Таким образом, открывается совершенно иная область деятельности. Ее нельзя отнести ни к искусству, ни к религии. Что же это на самом деле? Я долго медитировал с этой брошкой, но так и не смог постичь ее сути. Она — неисчерпаема. Для определения просто не хватает слов. Итак, Роберт, ты прав. Это — настоящая новинка высочайшего класса.

«Настоящая, — подумал Чилдан. — Хоть это несомненно. Тут, по крайней мере, можно понять, о чем идет речь. Но в остальном…»

— Когда я пришел к такому выводу, — продолжал Пол, — то вновь встретился с теми людьми. Я позволил себе нетактично упрекнуть их. Как вот только что — тебя. В этом предмете заключена такая властная сила, которая заставляет преступить даже этику, настолько неодолимой становится потребность говорить правду. Я осмелился потребовать, чтобы меня выслушали.

Чилдан знал: навязывание собственных взгля-

дов у японцев, особенно занимающих такое положение, как Пол, является чем-то неслыханным.

— Результат оказался положительным, — сказал Пол. — После такого натиска мою точку зрения приняли. Они поняли все мною изложенное. Усилия стоили результата. Достигнув цели, я обрел спокойствие… Ну вот, пожалуй, и все, Роберт. — Он положил брошку в коробочку. — Миссия моя исполнена. Я свободен. — Он подвинул коробочку к Чилдану.

— Но она же твоя, — сказал тот, испытывая отвратительное чувство неловкости, поскольку ситуация вышла за рамки известных ему этических норм. Японец, занимающий высокое положение, превозносит до небес его подарок… чтобы тут же возвратить… Чилдан почувствовал противную слабость. Он не знал, как себя вести.

— Роберт, тебе нужно взглянуть в лицо действительности, — холодно и даже жестко проговорил Пол.

— Но я ничего не понимаю… — пробормотал Чилдан, бледнея.

Пол встал и подошел к нему.

— Послушай, что я скажу. Все в твоих руках. У тебя исключительные права и на эту вещь, и

на другие, ей подобные. Ты же профессионал. Займись медитацией. Может, стоит спросить совета у «Книги Перемен». И — попробуй взглянуть на все по-новому: на свои вывески, витрины и рекламу; задумайся над своим образом жизни.

Чилдан озадаченно посмотрел на него.

— И тогда ты найдешь свой, неповторимый путь. Поймешь, как представить на рынок новый и великий стиль.

Ошеломленный, Чилдан молчал. Этот человек уверяет: продажа бижутерии «Эдфрэнк» — его моральный долг! Поистине безумное японское мировоззрение: Пол Касура требует от него затраты высших духовных усилий… в отношении какой-то бижутерии.

И хуже всего то, что Пол говорит, несомненно, со всей убежденностью, обусловленной его национальной культурой и традициями.

«Тоже мне, предназначение, — с досадой подумал он. — Да стоит трлько принять это всерьез, и всю жизнь придется расплачиваться. До гроба. Пол, видите ли, все высказал и ощутил величайшее облегчение. А ему, Чилдану, придется теперь все расхлебывать и брать на себя пожизненные обязательства».

«Да они все помешанные, — думал Чилдан. —

Например, никто из них, на улице, случись что, не окажет помощи пострадавшему только потому, что это непременно повлечет за собой целый ряд обязательств. Как это еще прикажете называть? Это для них характерно, чего еще можно ожидать от этой расы, если ее представители, копируя английский эсминец, воспроизводят и весь его камуфляж, до последней черточки. Не говоря уже о…»

Пол не отрываясь смотрел на него. К счастью, у Чилдана с годами выработалась привычка, которая позволяла, причем довольно успешно, скрывать любые проявления чувств. И сейчас лицо его приняло приветливое выражение.

«Это ужасно, — подумал Чилдан. — Просто катастрофа. Лучше бы Пол решил, что я хотел соблазнить его жену.

Бетти… растаял последний шанс сделать ей подарок. Первоначальный замысел рухнул. «Ву» не согласуется с мыслями о сексе; оно, как уверяет Пол, — высоко и свято, как реликвия».

— Я оставил каждому из них твою визитку, — сообщил Пол.

— Что-что? — переспросил погруженный в раздумья Чилдан.

— Я дал им твою визитку с тем, чтобы они за-

шли к тебе и посмотрели всю экспозицию.

— Понятно…

— И еще. Один из них хотел бы кое-что обсудить с тобой. Я записал для тебя его имя и адрес. — Пол вручил ему аккуратно сложенный листочек. — Он желает, чтобы при этом присутствовали его сотрудники, — добавил Пол. — Этот человек — торговец, занимающийся экспортно-импортными операциями с большим размахом. В основном в Южной Америке. Радиоприемники, фотоаппараты, бинокли, магнитофоны и тому подобное.

Чилдан взглянул на листочек.

— Конечно, речь идет о поставках товаров крупными партиями, — продолжал Пол, — не менее десяти тысяч единиц. Его компания контролирует в Азии — а, как ты знаешь, именно там самая дешевая рабочая сила, — самые разнообразные предприятия.

— А зачем они… — начал Чилдан, но остановился. Пол как бы машинально опять достал брошку, после чего спрятал ее в коробку и, закрыв, вернул Чилдану. — Можно наладить массовое производство таких вещей, как эта, — штамповку из металла или пластмассы. В любом количестве.

После минутного молчания Чилдан спросил:

— А как же «ву»? Сохранится ли оно?

Пол не ответил.

— Ты советуешь встретиться с ним?

— Да, — сказал Пол.

— С какой целью?

— Могут получиться неплохие талисманы.

Чилдан взглянул на него с недоумением.

— Талисманы на счастье, из тех, что постоянно носят при себе. Для не очень состоятельных клиентов. Серия амулетов для продажи в Южной Америке и Азии. Масса людей по-прежнему верит в силу магии. Чары, волшебные снадобья. Я слышал, это неплохой бизнес.

— Да, — проговорил Чилдан, — похоже, действительно речь идет о больших деньгах.

Пол кивнул.

— Это твоя идея?

— Нет.

«Наверное, идея твоего шефа, который знаком с этим импортером, — подумал Чилдан. — Ты показал ему брошку, и он наверняка и договорился, твой шеф или кто-то, столь же влиятельный и знающий состояние дел, — некто важный и богатый, от кого зависишь и ты.

Так вот почему ты отдал мне брошку! — Как будто не хочешь иметь ничего с этим общего, а

на самом деле — я обязательно отправлюсь по этому адресу и встречусь с ним. Я должен это сделать: другого выбора у меня просто нет. Уступи я ему образцы или пожелай участвовать в прибылях, — в любом случае мы должны договориться. А ты здесь вроде бы и ни при чем, Пол. Как же, ведь это проявление дурного тона — когда спорят и уговаривают…»

— Теперь у тебя есть возможность быстро разбогатеть, — Пол бесстрастно смотрел перед собой.

— Мне кажется, идея какая-то странная, — сказал Чилдан. — Я не представляю, как из художественных произведений можно делать амулеты… по-моему, это просто немыслимо…

— Ты еще не знаком с таким бизнесом. Ты привязан к редкостным и уникальным вещам, как, впрочем, и я. Как и все те, о ком только что шла речь, и кто вскоре тоже посетит твой магазин.

— А что бы на моем месте сделал ты? — спросил Чилдан.

— Не пренебрегал бы предложением уважаемого импортера. Это человек предприимчивый. Мы и представить себе не можем, сколько еще на свете необразованных людей. Стандартная продукция массового производства может доставить ранее не доступные радости. Мы-то с

тобой обязательно должны быть уверены, что заполучим нечто уникальное, или, по крайней мере, редкостное, недоступное для многих. И, безусловно, оригинал, а не копию или имитацию. — Взгляд Пола по-прежнему устремлялся в пространство мимо Чилдана. — И уж ни в коем случае не растиражированную в десятках тысяч экземпляров штамповку.

«Неужели он сделал-таки правильный вывод, — мучительно размышлял Чилдан, — и догадался: некоторые так называемые исторические предметы, в таких магазинах, как мой (не говоря уже о многих экземплярах его собственных собраний), — не более чем имитация?.. Не есть ли это намек? В его рассказе содержался, кажется, какой-то иронический подтекст. Эта двузначность, с которой мы то и дело сталкиваемся, обращаясь к «Книге Перемен»... не та ли это черта, характеризующая восточный образ мышления в целом?

И в самом деле, он спросил меня: кто ты, собственно, такой, Роберт Чилдан? Не тот ли, кого «Книга Перемен» называет «обыденным человеком?» Или, может, кто-то другой, кому адресованы добрые ее советы? Решать должен только ты. Это *тебе* идти тем или иным путем, — двумя

одновременно двигаться невозможно. Наступило время выбора…

Какой путь надлежит избрать человеку благородному? По крайней мере, в представлении Пола? Ведь сейчас пред ним вовсе не квинтэссенция тысячелетней мудрости — «И-чинг», а всего лишь мнение человека — молодого японского бизнесмена.

Однако во всем этом, как сказал бы Пол, заключено «ву». В этой ситуации «ву» состоит в том, что, помимо наших желаний, действительность изменяется в пользу этого импортера, и это несомненно. И, пожелай мы поступить иначе… что ж, тем хуже для нас. Следует подчиниться, так утверждает пророчество.

В конце концов, он по-прежнему сможет продавать оригиналы в собственном магазине. Таким, к примеру, знатокам, как приятели Пола».

— Вижу, ты борешься с собой, — заметил Пол. — Ну что ж, в такие минуты человек, наверное, предпочитает оставаться в одиночестве. — Он сделал движение в сторону двери.

— Я уже все решил.

Пол изумленно заморгал.

Чилдан поклонился и сказал:

— Я последую твоему совету и договорюсь о

встрече с импортером. — Он кивнул на сложенный листочек.

Странно, но Пола, похоже, это не обрадовало. Он лишь откашлялся и вернулся к столу. «Он намерен до конца скрывать свои чувства», — подумал Чилдан.

— Премного благодарен за консультацию, — проговорил он, всем своим видом давая понять, что намеревается уходить. — Уверен, когда-нибудь я смогу отплатить вам тем же. Я этого никогда не забуду.

Молодой японец по-прежнему никак не реагировал.

«Да, — подумал Чилдан, — поистине, то, что говорят о них, — святая правда: загадочная нация».

Пол выглядел глубоко огорченным. Наконец, уже провожая его, он проговорил:

— Те американские ремесленники… они ведь действительно сделали эту вещь сами? Это и в самом деле изделие их рук?

— О да, — от замысла и до последней отделки.

— Но согласятся ли сами художники? Предположим, судьбу своих произведений они представляли совершенно иной.

— Полагаю, мне удастся их убедить, — сказал Чилдан.

— О да, — согласился Пол, — я тоже надеюсь на это.

Что-то в интонации его голоса насторожило Чилдана. Какое-то едва уловимое, особое ударение. Внезапно Роберт понял. Несомненно, ему удалось прорваться сквозь барьер двузначности, он как бы прозрел.

Ну ясно же, — у него на глазах разыграна сцена безжалостного и жестокого принижения американских достижений. Какой цинизм, но он все же заглотнул крючок с наживкой. Пол, вынудив его тем самым признать свою правоту, исподволь подвел к единственному выводу: изделия американских ремесленников приемлемы разве что в качестве основы для дешевых амулетов.

Так решили японцы, — без всякой грубости и натиска, деликатно и рассудительно, с извечной своей ловкостью и хитростью.

«Боже мой! Да в сравнении с ними мы просто варвары, — подумал Чилдан. — Следуя этой неумолимой логике, мы оказываемся в дураках. Пол не стал говорить, что наше искусство ничего не стоит, но сделал так, что я сам сказал это. И, чтобы издевка вышла вполне завершенной, он еще сделал вид, будто его это огорчает. А потом, услышав из моих уст всю правду, деликатно и

культурно выразил свои сожаления».

«Он сломил меня, — Чилдан едва не сказал это вслух, но, к счастью, в последний момент ему удалось сдержаться, и мысль осталась в тайниках его сознания. — Он унизил меня и мою расу, и я здесь бессилен. Ответить нечем. Мы все побеждены, и поражение нанесено столь утонченно, что мы попросту не обратили на это внимания. По существу, чтобы разобраться во всем, нам надлежит подняться на более высокую ступень развития.

Ну какие еще потребуются доказательства, что японцы просто созданы, чтобы стать правителями?»

Ему захотелось расхохотаться. «Вот это да, — думал ой. — Такое ощущение, будто он услышал отличный анекдот. Надо это хорошенько запомнить и как-нибудь рассказать. Вот только кому? В том-то и дело. Эта тема слишком деликатна для забавного рассказа».

В углу кабинета он заметил корзинку для мусора. «Вот самое подходящее место для этого кусочка металла, для этой проникнутой духом «ву» побрякушки, — решил Роберт Чилдан. — А хватило бы мне духу на этот жест? Выбросить вещицу, дабы исчерпать тему прямо на глазах у Пола».

«Я не способен даже на это, — констатировал он, сжимая коробочку. — Более того, не имею права, если хочу и в дальнейшем иметь дело с этим японцем.

Черт бы их побрал, — от их влияния не избавиться; я больше не в состоянии поддаться даже рефлексам. Пол просто смотрит на меня, ему и говорить ничего не нужно. Он уязвил мое самолюбие, и ведь благодаря ему от этого комочка протянулась невидимая нить. Наверное, он слишком много с ними общался. Бежать уже поздно, ему не вернуться в мир белого человека».

— Пол, — начал Чилдан. Он заметил, что голос его охрип, однако в этом шальном порыве было уже не до интонаций, да он и не пытался контролировать себя.

— Да, Роберт, я слушаю.

— Пол… я… чувствую себя униженным.

Комната пошла кругом.

— Отчего же, Роберт? — тон, лишь слегка заинтересованный, подчеркивающий неизменную дистанцию. Выше всякого участия.

— Одну минуту, Пол, — он повертел брошку пальцами, влажными от волнения. — Я… горжусь этим произведением. О штамповке каких-то там дешевых амулетов не может быть и речи. Я не

согласен.

И вновь неподдающаяся определению реакция молодого японца: казалось, он весь обратился в слух.

— Но все равно — я благодарен тебе, — прибавил Чилдан.

Пол поклонился.

Чилдан проделал то же в ответ.

— Люди, создавшие это, — замечательные американские художники. Я преклоняюсь перед их талантом. И поэтому считаю, что твое предложение заняться производством ярмарочных амулетов — для нас оскорбительно. Я требую извинений.

Воцарилось молчание, которому, казалось, не будет конца.

Пол внимательно следил за ним. Тонкие губы его дрогнули. Что это? Насмешка?..

— Итак, я настаиваю, — повторил Чилдан. На большее у него уже не хватило сил. Теперь оставалось только ждать.

Но ничего не происходило.

«Ну, прошу тебя. Помоги же…»

— Прости мою дерзость, — произнес, наконец, Пол и протянул руку.

— Извинения принимаются, — пожал руку

Чилдан.

Сердце его наполнилось спокойствием. «Ну вот, как-то пережил это, — подумал он. — Пронесло. На этот раз провидение охранило меня. А ведь могло быть иначе. Вряд ли он когда-нибудь еще отважится искушать судьбу подобным образом».

Он ощутил печаль. Подобно краткому озарению. Будто он вынырнул из глубины на поверхность и теперь мог видеть все свободно.

«Жизнь так коротка, — думал он. — Но насколько отличается от нее искусство: оно — вечно, как бесконечная дорога, которую никто еще так и не смог пройти, ни вдоль, ни поперек. И на этой дороге есть теперь и его место…»

Миг озарения прошел, он спрятал коробочку с изделиями фирмы «Эдфрэнк» в карман пиджака.

12

— Господин Тагоми, к вам господин Ятабе, — сообщил Рэмси и отступил в угол комнаты. В кабинет вошел невысокого роста человек.

— Рад с вами познакомиться, — проговорил господин Тагоми, протягивая руку. Бе коснулась маленькая хрупкая старческая ладонь. Он осторожно взял ее, не решаясь пожать, и тотчас отпустил.

«Как бы ненароком не причинить ему боли», — подумал он. Лицо старика производило приятное впечатление выражением строгой сосредоточенности. И ни малейших признаков старческой расслабленности. Оно, казалось, вобрало в себя все древнейшие традиции. Оно как бы воплощало все наилучшее в старшем поколении… внезапно до него дошло: он имеет честь стоять перед самим генералом Тедеки, бывшим начальником Императорского Генштаба.

Господин Тагоми согнулся в низком поклоне.

— О, господин генерал, — проговорил он.

— А где третья сторона? — осведомился Тедеки.

— Этот человек спешит сюда. Я сообщил ему

прямо в отель, — потрясенный Тагоми не отваживался даже выпрямиться.

Генерал сел. Рэмси вовремя подал ему стул, впрочем, даже не подозревая, с кем имеет дело. Поэтому проделал это без должной почтительности. Не без робости Тагоми уселся напротив.

— Зря теряем время, — бросил генерал. — Жаль, но ничего не поделаешь.

— О да, — согласился Тагоми.

Прошло несколько долгих минут. Они по-прежнему молчали.

— Прошу прощения, — напомнил о себе скучающий Рэмси. — Если я не нужен, то, с вашего позволения, покину вас.

Тагоми кивнул, и секретарь вышел.

— Чаю, господин генерал? — предложил Тагоми.

— Благодарю, нет.

— Господин генерал, — обратился Тагоми, — признаться, я в растерянности. За этой встречей, мне кажется, стоит нечто ужасное.

Генерал ограничился кивком.

— Господин Бэйнс, которого я встречал и принимал у себя, выдает себя за шведа. Однако более пристальное наблюдение заставляет сделать вывод: в действительности он — высокопостав-

ленный немец. Я говорю об этом, поскольку… — Тагоми осекся.

— Прошу продолжать.

— О, благодарю. Возбуждение, с которым господин Бэйнс относится к встрече, усиливает мои подозрения о его связи с политическими изменениями в Рейхе. — Тагоми так и не осмелился вспомнить еще одно удивительное обстоятельство: Бэйнс каким-то образом знал, что генерал к тому времени еще не прибыл.

— Вы не столько информируете меня, сколько пытаетесь что-то выудить, — сказал генерал. Серые глаза блеснули по-отечески строго. Но без гнева.

Тагоми смиренно принял выговор.

— Господин генерал, не обусловлено ли мое присутствие на встрече необходимостью ввести в заблуждение немецких шпионов?

— Очевидно, — проговорил генерал, — нам придется прибегнуть к некоторому обману. Господин Бэйнс представляет здесь фирму «Тор-Ам» из Стокгольма; надо понимать, он обычный бизнесмен. А я — Синьиро Ятабе.

«А я все равно Тагоми, — подумал господин Тагоми. — Хоть это правда».

— Нацисты, несомненно, следят за господином

Бэйнсом, — продолжал генерал. Он сидел неестественно прямо, положив руки на колени…

«Будто вдыхает запах крепко заваренного чая во время чайной церемонии, — подумал Тагоми. — Чтобы разоблачить наш обман, пришлось бы действовать в рамках закона. В этом весь замысел. Речь идет не об обмане, а о соблюдении правовых формальностей на случай разоблачения. Например, они не смогут просто взять и пристрелить господина Бэйнса… однако это легко удалось бы, путешествуй он без прикрытия».

— О, я понимаю, — сказал Тагоми. «Это похоже на игру. Впрочем, им лучше знать этих нацистов; может, все это и не лишено смысла».

Прозвучал зуммер интеркома. Раздался голос Рэмси:

— Простите, к вам господин Бэйнс. Проводить?

— Да, да! — вскричал Тагоми.

Дверь распахнулась, и вошел господин Бэйнс в элегантном, безупречно сшитом и отутюженном костюме. Лицо его выражало выдержку и спокойствие.

В ответ на его приветствие генерал Тедеки встал. Тагоми поднялся тоже. Все трое раскланялись.

Господин Бэйнс обратился к генералу:

— Я капитан Вегенер из военно-морской контрразведки Рейха. В соответствии с договоренностью я не представляю на нашей встрече никого из руководства или официальных учреждений Рейха. Условимся: переговоры я веду только от своего имени, а также от имени отдельных частных лиц, которых мы здесь упоминать не будем.

— Герр Вегенер, понятно, что вы не можете официально представлять правительство Рейха, — ответил генерал. — Я также нахожусь здесь как сугубо частное лицо. Скажу лишь, что, благодаря моим старым связям в Императорской армии, я имею доступ в определенные круги Токио, которые весьма заинтересованы в получении вашей информации.

«Странный разговор, — думал Тагоми. — Однако неприятным его не назовешь. В нем есть что-то музыкальное: так же освежает и успокаивает».

Они сели.

— Без предисловий, — начал господин Бэйнс. — Я хотел бы проинформировать вас и в вашем лице известные круги о том, что в Рейхе в завершающей стадии разработки находится план «Löwenzahn» — «Одуванчик».

— Так, — генерал кивнул с таким видом, будто он уже об этом слышал.

«Однако, — догадался Тагоми, — на самом деле он с нетерпением ожидает продолжения».

— План «Одуванчик», — говорил Бэйнс, — заключается в том, чтобы спровоцировать вооруженный конфликт на границе Соединенных Штатов и Скалистых Гор.

Генерал вновь кивнул и вяло улыбнулся.

— Подразделения Соединенных Штатов подвергнутся внезапной атаке, что, в свою очередь, вынудит их перейти границу и нанести удар по расположенным вдоль ее линии регулярным частям Штатов Скалистых Гор. Армия Соединенных Штатов уже располагает картами дислокации войск на Среднем Западе. Первый этап операции на этом заканчивается. Второй этап предусматривает вовлечение в конфликт Германии. В поддержку Соединенным Штатам прибудет подразделение парашютистов-добровольцев из Вермахта. Впрочем, и это — не более, чем маскировка плавного замысла.

— Так, — проговорил генерал, слушая с огромным напряжением.

— Цель плана «Одуванчик», — продолжал Бэйнс, — внезапная массированная ядерная атака Японских островов…

Господин Бэйнс умолк.

— …с целью уничтожения императорской семьи, войск территориальной обороны, большей части военно-морского флота, гражданского населения, объектов промышленности и мест сосредоточения ресурсов, — продолжил за него генерал Тедеки. — А также в целях поглощения Рейхом заморских территорий Японии.

Господин Бэйнс по-прежнему молчал.

— Что-нибудь еще? — осведомился генерал.

Господин Бэйнс, казалось, не понял.

— Назовите, пожалуйста, дату, — уточнил генерал.

— Смерть Бормана спутала все карты. По крайней мере, я так полагаю. Сказать точно — нельзя, поскольку в настоящее время контактов с Абвером у меня нет.

После минутного молчания генерал произнес:

— Пожалуйста, герр Вегенер, продолжайте.

— Мы предлагаем японскому правительству вмешаться во внутренние дела Рейха. Я прибыл сюда именно с таким предложением. План «Одуванчик» поддерживается в Рейхе лишь отдельными кругами. Многие выступают против. Мы надеялись, после смерти канцлера Бормана к власти придут противники этого плана.

— Однако, пока вы находились здесь, — сно-

ва продолжил за него генерал, — герр Борман скончался, и политическая ситуация стала развиваться по своим законам. В настоящее время рейхсканцлер — доктор Геббельс. Борьба завершена. — Пауза. — Каково отношение пришедших к власти к плану «Одуванчик»?

— Доктор Геббельс одобряет и поддерживает его.

Тагоми, про которого совсем забыли, прикрыл глаза.

— А кто выступает против? — осведомился генерал Тедеки.

— Генерал СС Гейдрих.

— Я поражен, — произнес генерал Тедеки. — Просто не верится. Это достоверная информация, или вы излагаете свою точку зрения и предположения ваших друзей?

— Восточную администрацию, то есть управление нынешними японскими территориями, предполагается подчинить Министерству Иностранных Дел — людям Розенберга, сотрудничающим непосредственно с Рейхсканцелярией. В прошлом году это явилось предметом ожесточенных споров в руководстве. Фотокопиями стенограмм я располагаю. На право управлять этими землями претендовала также полиция, но

безуспешно. Они должны отвечать за колонизацию Космоса: Марса, Луны, Венеры. Вот область их контроля и управления. С момента разграничения сфер компетенции полиция всячески поддерживает космическую программу, противопоставляя ее плану «Одуванчик».

— Соперничество, — произнес генерал Тедеки. — Одна группировка стремится одолеть другую. Во имя вождя. Чтобы ему, якобы, уже ничто не угрожало.

— Это правда, — согласился Бэйнс. — Именно поэтому меня и прислали сюда с предложением, с просьбой о вмешательстве. Еще не поздно: ситуация продолжает оставаться нестабильной. Пройдет несколько месяцев, пока доктор Геббельс укрепит собственные позиции. Ему придется подчинить полицию, возможно, даже уничтожить Гейдриха, а заодно и верхушку СС и СД, И лишь когда все это произойдет…

— Вы предлагаете поддерживать Службу безопасности? — перебил его генерал. — Самую дегенеративную госструктуру Рейха?

— Именно так, — подтвердил Бэйнс.

— Император никогда не одобрит подобной политики. Он считает: отборные части Рейха — те, кто носит черные мундиры, в том числе и с изоб-

ражением мертвой головы, — воплощение зла.

«Зло, — подумал Тагоми. — О да, это правда. Вправе ли мы во имя спасения нашей жизни содействовать его приходу к власти? Не явится ли это последним парадоксом нашего земного существования? Он не в силах противиться выбору. Но почему человеку приходится действовать под давлением подобных этических дилемм? Ведь здесь не найти дороги, все смешалось, — хаос света и тьмы, призрачного и реального».

— Единственным обладателем водородной бомбы, — объяснял между тем Бэйнс, — остается Вермахт. Применение этого вида оружия уничтожения чернорубашечниками возможно исключительно под контролем армии. Канцлер Борман так и не допустил, чтобы полиции досталось ядерное оружие. План «Одуванчик» — от начала и до конца — должен осуществляться Генштабом.

— Я это учитываю, — проговорил генерал.

— Действия чернорубашечников своим вероломством и жестокостью превосходят все, что делалось Вермахтом, но все же власти у них значительно меньше. Приходится брать в расчет исключительно реалии, — фактическую расстановку сил, а отнюдь не этические намерения.

— О да, мы должны оставаться реалистами, — вмешался наконец господин Тагоми.

Господин Бэйнс и генерал Тедеки только взглянули на него. Генерал вновь обратился к Бэйнсу:

— И что же вы предлагаете? Установить контакт с СД прямо здесь, в Тихоокеанских Штатах? Непосредственно связаться с этим… не помню, кто здесь шеф СД. Думается, какой-нибудь мерзавец.

— Местной СД ничего не известно, — сообщил Бэйнс. — Ее шеф, Бруно Крайц фон Мере — старый партийный служака. «Ein Altparteigenosse». Кретин. В Берлине никому и в голову не пришло сообщать ему хоть что-то. Это всего лишь тупой исполнитель.

— В таком случае, кто же? — в голосе генерала проявилось нетерпение. — Местный консул, посол Германии в Токио?..

«Этот разговор ничего не даст, — думал Тагоми. — Несмотря на то, что от его результатов зависит так много. Им никогда не разобраться во всех этих безумных междоусобицах нацистов, в этом чудовищном болоте интриг: нормальный мозг не в состоянии постичь этого».

— Необходимо все продумать и осуществить надлежащим образом, — проговорил господин

Бэйнс. — При помощи посредников. Например, через приближенного Гейдриха, занимающего руководящий пост где-нибудь за пределами Рейха, желательно в нейтральной стране. Или через кого-то, кто часто совершает челночные рейсы Берлин — Токио.

— У вас есть на примете кто-либо конкретно?

— Да. Итальянский министр иностранных дел, граф Чиано. Это интеллигентный, серьезный и мужественный человек, горячо преданный делу международного взаимопонимания. К сожалению, у него нет никаких контактов с СД. Однако он мог бы действовать через посредника в Германии, — допустим, представителя промышленных кругов, например, через Крупна или генерала Шпейделя или, может, через кого-нибудь из «Ваффен-СС». Эта организация не отличается столь фанатичной направленностью; в немецком обществе их позиция ближе к центристской.

— А ваше учреждение, Абвер… нет ли шансов выйти на Гейдриха через вас?

— Чернорубашечники полны ненависти к нам. Вот уже двадцать лет они добиваются нашей ликвидации.

— А вы сами, не подвергаетесь ли вы чрезвычайной опасности? — спросил генерал Тедеки. —

Насколько мне известно, здесь, на Побережье, они весьма активны.

— Активны, но бездарны, — ответил Бэйнс. — Им, пожалуй, пригодился бы представитель МИДа — Райс. Вот это ловкач, я вам скажу, однако он настроен против СД.

— Мне бы хотелось иметь эти фотокопии, — произнес генерал. — Для последующей их передачи моему правительству. И, пожалуйста, — все материалы, касающиеся внутренних разногласий в Германии, — все, чем вы располагаете… И еще какое-нибудь доказательство объективного характера. — И после минутной паузы повторил: — Да, объективного характера.

— Разумеется, — сказал господин Бэйнс. Он достал из кармана пиджака плоский серебряный портсигар. — В каждой сигарете — микрофильм. Можете убедиться лично.

Он передал портсигар генералу.

— А как быть с этим? — осведомился тот, рассматривая портсигар. — Вещь достаточно ценная, чтобы вот так просто взять ее. — Он попытался извлечь сигареты.

— Оставьте вместе с портсигаром, — сказал, улыбаясь, Бэйнс.

— Спасибо, — генерал с ответной улыбкой спря-

тал портсигар.

Загудел зуммер. Тагоми нажал кнопку интеркома.

Раздался взволнованный голос Рэмси:

— Внизу в холле группа людей СД пытается захватить здание. Охрана «Ниппон Таймс» препятствует этому. — Откуда-то снизу, с улицы, донесся приглушенный расстоянием вой сирены. — Жандармерия и «Кемпетай» уже выехали.

— Благодарю вас, господин Рэмси, за столь своевременное предупреждение. Вы поступили совершенно правильно.

Бэйнс и генерал напряженно слушали.

— Господа, — обратился Тагоми. — Всех этих разбойников, несомненно, перебьют раньше, чем они попытаются добраться сюда. — И добавил уже для Рэмси:

— Прошу вас позаботиться об отключении электропитания лифтов.

— Слушаюсь, господин Тагоми, — ответил Рэмси.

— Что ж, будем ждать, — сказал Тагоми, открыл ящик стола и вынул коробку. Раскрыв ее, извлек «Кольт-44» — идеально сохранившийся экземпляр времен гражданской войны. Вещь, способную украсить любую коллекцию. Отло-

жив в сторону коробочку с порохом, пулями и гильзами, принялся заряжать револьвер. Бэйнс и генерал следили за его действиями с величайшим изумлением.

— Из моей личной коллекции, — объяснил Тагоми. — В свободное время, от нечего делать, я много тренировался на скорость заряжания и степень готовности к стрельбе. И, признаться, сопоставление моих результатов с достижениями других участников этого рода соревнований всегда оказывалось в мою пользу. Однако по прямому назначению использовать его мне еще не приходилось.

Переложив револьвер в правую руку, он направил его на дверь и стал ждать.

Фрэнк Фринк сидел у работающего шлифовального ставка, прижимая к войлочному диску почти готовую серебряную сережку. Пыль от шлифовальной пасты запорошила очки, въелась под ногти и в кожу ладоней. Сережка в форме спиральной раковины разогрелась от трения, но Фрэнк лишь сильнее прижимал ее к диску.

— Не усердствуй слишком, — проговорил Эд Мак-Карти. — Пройдись по выступающим частям, впадины можно оставить такими, как есть.

Фрэнк в ответ лишь крякнул.

— Серебряные изделия пользуются большим спросом, если они не слишком отполированы, — продолжал наставления Эд. — У серебра должен быть налет старины.

«Тоже мне, спрос…» — подумал Фрэнк.

До сих пор им так и не удалось ничего продать. За исключением сданных на комиссию в «Американские Художественные Ремесла», у них не ваяли ничего — ни одного изделия, несмотря на то что они обошли еще пять магазинов.

«Мы не заработали ни гроша, — думал Фрэнк. — Делаем и делаем эту бижутерию, скоро утонем в ней…»

Сережка зацепилась застежкой о войлок, вырвалась из пальцев и, отскочив от защитного щитка, упала не пол. Фрэнк отключил станок.

— Поосторожней там, — бросил Эд, орудуя горелкой.

— Боже, да она не больше фасолины. Там и держать-то не за что.

— Подними сразу, а то забудешь.

«Да пошло оно все к черту», — подумал Фрэнк.

— В чем дело? — спросил Мак-Карти, заметив, что приятель и не собирается подымать заготовку.

— Мы только швыряем деньги на ветер, — ска-

зал Фрэнк.

— Как же тогда торговать — без запаса?

— Но ведь мы же ничего не продали из сделанного.

— Подумаешь, пять магазинов! Это же капля в море.

— По мне, так достаточно и этого.

— Только не надо себя обманывать.

— А я и не пытаюсь, — сказал Фрэнк.

— Слушай, что, наконец, все это означает?

— Это значит — пора нам подыскивать скупщика утиля.

— Ну ладно, — проговорил Мак-Карти, — можешь выходить из дела.

— Охотно.

— Буду работать сам, — Эд вернулся к своей пайке.

— А как мы все разделим?

— Не знаю. Придумаем что-нибудь.

— Выкупи мою долю, — предложил Фрэнк.

— И не подумаю.

Фрэнк быстро подсчитал в уме.

— Отдай мне шестьсот долларов.

— Можешь взять половину из всего, что есть.

— Что, и полмотора от станка тоже?

Оба замолчали.

— Вот обойду еще магазина три, — наконец сказал Мак-Карти, — тогда и поговорим. — Опустив защитную маску, он вернулся к обработке латунной запонки.

Фрэнк поднялся с табурета, отыскал упавшую сережку и положил ее в коробку с готовыми изделиями.

— Пойду покурю, — сказал он и вышел на лестницу.

«Все кончено, — мрачно размышлял он, стоя у дома

и раскуривая «Тьен-ла». — И не нужен никакой Оракул, чтобы это понять. Мы проиграли».

И ведь толком не объяснишь, почему так произошло. А может, не стоит бросать это дело? Попытаться в других магазинах — снова и снова. Или даже в других городах. Однако… Что-то здесь не то. Видно, ничего тут не изменишь, сколько ни сильься, сколько ни размышляй.

«Хотелось бы понять, почему, — думал он. — Наверное, этого он никогда не узнает.

Что же делать? В чем они ошиблись? А может, они не прочувствовали до конца момента? Не ощутили «дао». Их несло по течению в ложном, гибельном для них направлении. И вот — падение. Распад.

«Инь» взяло верх, а «янь» — отвернулось от них и ушло неведомо куда.

Остается лишь покориться».

Он все еще. стоял у дома, нервно затягиваясь сигаретой с марихуаной, когда к нему подошел неприметный с виду человек средних лет.

— Вы Фринк? Фрэнк Фринк?

— Угадали, — ответил Фрэнк.

Мужчина извлек удостоверение.

— Я из Департамента полиции Сан-Франциско. У меня имеется ордер на ваш арест. — Он уже держал Фринка за руку.

— За что? — спросил Фрэнк.

— По подозрению в мошенничестве. Заявитель — господин Чилдан, владелец магазина «Американские — Художественные Ремесла».

Полицейский повел Фринка по тротуару, затем к ним присоединился еще один, и теперь его конвоировали уже с двух сторон. Они подтолкнули его к припаркованной «тойоте». Надписей «Полиция» на машине Фрэнк не увидел.

«Так вот оно в чем заключается, это веление времени», — подумал Фринк, когда его втолкнули на заднее сиденье, и полицейские сжали его с обеих сторон. Хлопнули двери, и автомобиль, управляемый третьим полицейским, влился в

поток машин. — «Ну что за скоты правят нами...» — зло подумал Фрэнк.

— У вас есть адвокат? — спросил его один из полицейских.

— Нет.

— Вы получите их список в комиссариате полиции.

— Спасибо, — сказал Фринк.

— Куда ты девал деньги? — спросил другой полицейский, когда они уже подъезжали к зданию комиссариата полиции на Керни-стрит.

— Потратил, — сказал Фринк.

— Как, все?

Он не ответил.

Один из конвоиров рассмеялся и помотал головой.

Когда его выводили из машины, кто-то из полицейских спросил:

— Фринк — это ваша настоящая фамилия?

Теперь Фрэнку на самом деле стало страшно.

— Финк, — уточнил полицейский. — Ты еврей. — Откуда-то он извлек пухлую обшарпанную папку. — Беженец из Европы.

— Я родился в Нью-Йорке, — возразил Фрэнк.

— Ты бежал от нацистов, — настаивал полицейский. — Знаешь, что это такое?

Фрэнк рванулся от них и побежал через подземную автостоянку. Полицейские закричали, дорогу ему перегородила машина, а потом и другие вооруженные полицейские. Все они улыбались, а один, с наведенным на Фрэнка револьвером, выступил вперед и защелкнул наручники на его запястьях.

Рванув за наручники с такой силой, что они впились в руки чуть ли не до кости, полицейский вернул его туда, откуда он попытался бежать.

— С возвращением в Германию, — сказал один из полицейских, с интересом разглядывая Фрэнка.

— Я американец.

— Нет, ты еврей.

Когда его вели наверх, один из них спросил:

— Его что, здесь судить будут?

— Нет, — последовал ответ. — Мы просто подержим его здесь, пока за ним не явятся из консульства. Они требуют, чтобы он предстал перед германским правосудием.

Конечно, никакого адвоката в комиссариате не оказалось.

Господин Тагоми вот уже двадцать минут неподвижно сидел за рабочим столом, с револьвером, направленным в сторону двери. Господин Бэйнс

нервно вышагивал по кабинету. Старый генерал уже успел позвонить в японское посольство в Сан-Франциско, однако поговорить с послом не удалось: барон Келемакуле, как сообщил дежурный чиновник, выехал из города.

Сейчас генерал Тедеки пытался добиться прямой связи с Токио.

— Я поговорю с Военным Советом, — пояснил он Бэйнсу. — Они свяжутся со штабом Императорской армии, дислоцированной поблизости. — Генерал отнюдь не выглядел обеспокоенным.

«Значит, нас освободят самое большее — через несколько часов, — подумал Тагоми. — Скорей всего, это сделает морская пехота с ближайшего авианосца.

Обращение к официальным каналам в случае необходимости — действие весьма надежное с точки зрения конечного результата… но, увы, требует времени. А внизу эти бандиты убивают сейчас беззащитных секретарш и служащих.

Но что я могу сделать?»

— Наверное, есть смысл обратиться к германскому консулу, — сказал Бэйнс.

Тагоми представил, как он вызывает сюда барышню Эфрейкян с магнитофоном и диктует решительный протест герру Райсу.

— Я могу позвонить герру Райсу по параллельному аппарату, — предложил Тагоми.

— Пожалуйста, — сказал Бэйнс.

Не опуская своего антикварного «Кольта», Тагоми нажал кнопку на столе. Сработала резервная линия, смонтированная на случай экстренной необходимости.

Он набрал номер германского консульства.

— Добрый день. С кем я говорю? — услышал он молодой энергичный голос. Мужчина говорил с явным акцентом. Наверняка какой-нибудь младший чин.

— Прошу соединить с его превосходительством герром Райсом. Срочно. Это господин Тагоми, начальник Японской Торговой Миссии, — сказал Тагоми жестким, не терпящим возражения голосом.

— Слушаюсь. Одну минуточку, пожалуйста. — Долгое молчание. Ни звука. Не слышно даже обычного треска. «Да он просто стоит там с трубкой в руках, — догадался Тагоми. — Водит меня за нос. Типично нордическое лукавство».

— Они явно пытаются от меня отделаться, — обратился он к генералу Тедеки, ожидавшему связи у второго аппарата. Господин Бэйнс в это время продолжал расхаживать по кабинету.

Наконец послышался голос служащего:

— Простите за долгое ожидание, господин Тагоми.

— Ничего.

— Консул сейчас на совещании. Однако…

Тагоми положил трубку.

— Мягко говоря, пустая трата времени, — проговорил он, чувствуя, что проиграл. «Куда еще обратиться? «Токкоку» они уже информировали, жандармерию в порту — тоже… Прямой звонок в Берлин? Канцлеру Геббельсу? На базу Императорских военно-воздушных сил в Напа — с просьбой о спасении по воздуху?»

— Позвоню-ка я шефу СД Крайцу фон Мере, — сказал он. — На повышенных тонах, с криком и оскорблениями выражу решительный протест. — Он принялся набирать номер, официально занесенный в список телефонов и фигурировавший там под условным названием «Люфтганза», Аэропорт: Отдел охраны ценных посылок».

— Сейчас низвергнется поток истерических оскорблений.

— Устройте-ка им спектакль получше, — посоветовал, улыбаясь, генерал Тедеки.

— Кто это? — по-немецки проговорили Тагоми

прямо в ухо грубым, не терпящим возражений тоном. Однако господин Тагоми не отступил. — Ну-ка, побыстрее, — продолжали требовать на том конце провода.

В ответ Тагоми без каких-либо вступлений принялся орать:

— Я прикажу арестовать и судить всю вашу банду головорезов и кретинов! Вы все там посходили с ума, паршивые белокурые бестии! Это неслыханно! Ты меня понял?! Я — Тагоми, Советник Императора! Даю вам полминуты! Через тридцать секунд я начинаю действовать. Отдаю частям морской пехоты приказ о применении фосфорных зажигательных бомб! Я сотру вас с лица земли, как величайшее оскорбление цивилизации!

Служащий СД на другом конце провода растерянно залепетал:

— …мы ничего не знаем…

— Лжец! — рявкнул Тагоми. — В таком случае — все кончено! — Он с силой швырнул трубку. — Конечно, все это лишь жест, — обратился он к Вэйнсу и генералу. — Но думаю, не повредит. Всегда есть надежда, что даже у СД нервы не выдержат.

Генерал Тедеки уже хотел что-то ответить, ко-

гда за дверьми поднялся ужасный шум. Внезапно двери распахнулись.

В проеме стояли два человека, вооруженные пистолетами с глушителями. Они сразу же опознали Бэйнса.

— Da ist er![26] — воскликнул один из них, направляясь к нему.

Сидя за столом, Тагоми прицелился из украшения своей коллекции — «Кольта-44» и нажал на спуск. Человек из СД рухнул на пол. Другой молниеносно развернулся и выстрелил в сторону Тагоми. Звука выстрела тот не услышал, а увидел лишь дымок из дула пистолета. С ошеломляющей быстротой он взвел курок «Кольта» и начал стрелять, стрелять…

Челюсть убийцы из СД взорвалась. Осколки костей, зубов и окровавленные клочья брызнули во все стороны. В глазах человека, лишившегося челюсти, какое-то время тлело подобие жизни. «Он еще видит меня», — подумал Тагоми. Однако через мгновенье глаза умирающего померкли, и он повалился, хрипя и роняя пистолет.

— Отвратительно, — выдавил из себя Тагоми.

Новых нападающих в распахнутых настежь

---

[26] Notes: 26
Это он! *(нем..)*

дверях

он не увидел.

— Возможно, что это все, — бросил генерал.

Тагоми, перезаряжавший револьвер, прервал свою

кропотливую работу и нажал кнопку интеркома:

— Пришлите срочно медицинскую помощь, — приказал он. — Здесь находится тяжелораненый бандит.

Ответа не последовало, только легкий шум в динамике.

Господин Бэйнс нагнулся и подобрал пистолеты… Один подал генералу, другой оставил себе.

— Ну, теперь мы их всех уложим, — сказал Тагоми, усаживаясь в кресло и принимая свое неизменное положение с «Кольтом», нацеленным на дверь. — В этой комнате подобрался воистину непобедимый триумвират.

— Немецкие убийцы, сдавайтесь! — раздались голоса из приемной.

— С ними покончено! — крикнул Тагоми. — Входите и убедитесь в этом сами.

Нерешительно, с опаской, в кабинет вошли несколько сотрудников «Ниппон Таймс», вооруженные топориками, карабинами и гранатами

со слезоточивым газом.

— Causa celebre[27], — объявил Тагоми. — Правительство ТША в Сакраменто может, не колеблясь, объявить войну Рейху. — Он принялся разряжать свой револьвер. — Как бы там ни было, все кончено…

— Они будут все отрицать. Скажут, они ни при чем, — сказал Бэйнс. — Методика отработанная, проверенная сотни раз. — Он положил перед Тагоми пистолет.

Господин Бэйнс не шутил. И Тагоми знал, что это правда. Он узнал превосходный спортивный пистолет известной японской фирмы.

— Держу пари, что, по документам, они вовсе не германские подданные, — Бэйнс извлек бумажник у одного из убитых налетчиков. — Джек Сандерс. Гражданин ТША. Проживает в Сан-Хосе. Нет ничего, указывающего на связь с СД. — Он швырнул бумажник на пол.

— Вооруженное нападение с целью ограбления, — заметил Тагоми. — Объект покушения — мой несгораемый сейф. Никаких политических мотивов. — Он нерешительно поднялся.

Как бы то ни было, попытка убить их или похи-

---

[27] Notes: 27
Известный повод *(лат.)*.

тить Бэйнса провалилась. По крайней мере, пока. Но так же несомненно и то, что им известно, кто такой на самом деле господин Бэйнс, и наверняка — цель его приезда.

— Да, мрачная перспектива, — заметил Тагоми.

Он размышлял, сможет ли помочь в этой ситуации

«И-чинг»: защитить, предупредить и уберечь добрым советом.

Все еще потрясенный, он принялся раскладывать сорок девять стеблей тысячелистника. Ситуация запутанная и неординарная. Разрешить ее человеческому разуму не под силу. Немецкое тоталитарное общество напоминает дегенеративную форму жизни, гораздо худшую, нежели любые, самые отвратительные ее природные виды, достигшую в своей абсурдности апогея.

Действия местной СД противоречат политике, проводимой ее же берлинским руководством. Где разум этого невообразимого монстра? Кто на самом деле представляет интересы Германии? Да и занят ли этим кто-либо вообще? Все это напоминает ночной кошмар: нормальная жизнь искажена, как в кривом зеркале.

Гадательная книга должна пробиться сквозь

это. Бе проницательности подвластно даже такое крайнее проявление зла, как нацистская Германия.

Бэйнс наблюдал, как отрешенный Тагоми манипулирует горсткой стебельков, понимая, сколь глубоки и мучительны сомнения этого человека. «Для него, — думал Бэйнс, — все это (а ведь ему пришлось искалечить и лишить жизни двоих!) — не только страшно, но и непостижимо. Что ему сказать в утешение? Ведь он стрелял, защищая меня, и это на мне лежит моральная ответственность за две жизни. И я принимаю ее. Тут уж ничего не поделаешь».

Генерал Тедеки приблизился к Бэйнсу и шепотом сообщил:

— Будьте свидетелем этого отчаяния. Он воспитан, как истинный буддист, религией, которая осуждает

насилие, и согласно которой каждая жизнь — свята.

Господин Бэйнс кивнул.

— Со временем он обретет необходимую устойчивость, — продолжал генерал Тедеки. — Но теперь он лишился внутренней опоры. Книга поможет ему увидеть свой поступок в иной, более широкой перспективе.

— Понимаю, — сказал Бэйнс и мысленно добавил: «Сейчас бы ему пригодилась доктрина первородного греха. Интересно, слышал ли он что-либо о ней? Все мы обречены совершать жестокие и непостижимые поступки. Так предрешено. Это — наша карма».

Спасая одну жизнь, Тагоми пошел на то, чтобы уничтожить две. И логика, и здравый рассудок бессильны обнаружить хоть какой-то смысл. Все эти страшные проявления действительности способны довести до умопомешательства такого чувствительного человека, как Тагоми.

«Между тем, — думал Бэйнс, — настоящие потрясения заключены даже не в смерти этих агентов СД или его собственной гибели, а в чем-то, сокрытом в будущем. Пережитое здесь будет оправдано или осуждено в зависимости от того, что последует дальше. Удастся ли нам спасти жизнь миллионов, практически всех японцев?»

Однако человек, перебиравший стебли тысячелистника, не думал о будущем. Неизмеримо больше его занимало настоящее: двое на полу его кабинета — мертвец и умирающий.

Генерал Тедеки прав: будущее должно принести господину Тагоми облегчение. В противном случае он обретет свое прибежище во мраке Безу-

мия. И навеки покинет безнадежно запутанную реальность…

«По существу, мы ничем от него не отличаемся, — размышлял Бэйнс. — Мы столкнулись с теми же проблемами и — увы — бессильны что-либо предпринять. Можем лишь жить надеждой, что равновесие в конце концов будет обретено».

13

Магазины Денвера показались им модными и современными. Однако наряды Юлиана сочла шокирующе дорогими. Джо, по-видимому, это не волновало, он будто не замечал ничего, — просто оплачивал все, и они отправлялись в следующий магазин.

Главную покупку после длительных поисков и многочисленных примерок им удалось сделать лишь в конце дня. Небесно-голубого цвета итальянское платьице с короткими пышными рукавчиками и ошеломляюще глубоким декольте. В одном из европейских журналов мод ей уже доводилось видеть на манекенщицах именно эту модель. Она считалась последним криком моды, и покупка обошлась Джо почти в двести долларов.

Вдобавок пришлось приобрести три пары туфелек, несколько пар нейлоновых чулок, шляпки и черную кожаную сумочку ручной выделки. Она обнаружила, что декольте ее нового платья требует нового бюстгальтера, который прикрывал бы лишь нижнюю часть груди. Рассматривая платье в зеркале примерочной, она ощущала себя почти

нагой и с ужасом думала, что будет, если она попробует наклониться. Продавщица, однако, заверила ее, что эти новые полубюстгальтеры держатся хорошо и бретельки им не нужны.

«Полубюстгальтера хватает как раз, чтобы прикрыть сосок», — думала Юлиана, вертясь в уютной примерочной. Бюстгальтер тоже стоил немало, — продавщица объяснила, что он французский и ручной работы. Затем она начала показывать Юлиане спортивную одежду, шорты, купальники и махровые халатики, но тут Джо начал проявлять нетерпение, и им пришлось уйти.

— Тебе не кажется, что я буду сногсшибательна? — спросила она, когда Джо укладывал покупки в машину.

— Что? А… ну да, — ответил он, отрываясь от своих мыслей. — Особенно в этом голубеньком платье. Наденешь его, когда отправимся к этому Абендсену, слышишь? — последние его слова прозвучали жестко, как приказ, что очень удивило Юлиану.

— Мои размеры — двенадцатый или четырнадцатый, — сообщила она, когда они зашли в очередной магазин. Улыбающаяся продавщица с готовностью проводила ее к стойкам.

«Что бы еще купить, — задумалась Юлиа-

на. — Ах, лучше покупать все подряд, коль уж подвернулся такой случай». Глаза разбегались: блузки, юбки, свитера, плащи… «И как раз моего размера».

— Джо, — сказала она, — мне нужно что-нибудь из верхней одежды, только не из обычной материи…

Свой выбор они остановили на немецком искусственном мехе, более дешевом и легком, чем натуральный. Но все же она ощутила некоторое разочарование. Чтобывернуть хорошее настроение, она принялась рассматривать бижутерию, однако все оказалось дешевкой, выполненной без вдохновения и особой фантазии.

— Украшения мне просто необходимы, — втолковывала она Джо. — Хотя бы сережки. Или брюшка — к этому голубому платью. — Она потащила его в ювелирный магазин.

— Ой, а одежду тебе? — вспомнила она вдруг с ощущением собственной вины. — Нужно же что-то купить для тебя.

Она разглядывала ювелирные изделия, а Джо отправился в парикмахерскую. Когда через полчаса он вернулся, Юлиана изумилась: ему не просто накоротко остригли волосы, но вдобавок еще и покрасили: Джо стал блондином.

— Боже мой! — воскликнула она. — Зачем ты это сделал?

— Надоело быть макаронником, — сказал Джо, пожав плечами, как бы показывая: обсуждение окончено. Они уже входили в магазин мужской одежды.

Ему купили прекрасно сшитый костюм из дакрона — нового синтетического волокна фирмы «Дюпон». Приобрели также носки, белье и пару модных туфель. «Что еще? — прикинула Юлиана. — Ах да, галстуки. И сорочки». Вместе с продавцом она отобрала две белые сорочки с манжетами, несколько французских галстуков и пару серебряных запонок. На все ушло не более сорока минут.

Юлиана заметила, что костюм нужно чуть подогнать, однако Джо снова проявил нетерпение и быстро расплатился банкнотами Рейхсбанка. «Да, вот еще что, — вспомнилось ей, — новый бумажник». Продавец предложил черный бумажник из крокодильей кожи. Они одобрили выбор, и на этом покупки, по крайней мере предназначавшиеся Джо, закончились.

— Тебе не кажется, что его нужно немного приталить? — спросила она Джо, когда они ехали по улицам Денвера. — Твой новый костюм…

— Нет! — Его тон — жесткий и отчужденный — испугал ее.

— Что случилось? Я что, слишком много себе накупила? — «Уж я-то знаю причину», — подумала она. — Ну хорошо, те юбки можно вернуть, — предложила она.

— Поехали куда-нибудь поедим, — оборвал он ее.

— Боже мой! — вскричала она. — Мы ведь забыли про ночные сорочки…

Он разъяренно глянул на нее.

— Ты что, против того, чтобы я купила какую-нибудь миленькую ночную сорочку? — спросила она. — Чтобы я была во всем новеньком и…

— Нет, но давай заканчивать с этим, — ответил Джо. — Лучше поищем место, где бы мы смогли пообедать.

Юлиана решительно возразила:

— Нет, сначала нужно в гостиницу — переодеться. А потом можно и сходить куда-нибудь поесть. «И пусть только это будет не самый шикарный отель, — подумала она. — Сразу скажу ему: между нами все кончено, пусть и зашло все так далеко… Кстати, там и узнаем, где в Денвере лучший ресторан. И про ночные клубы тоже, где выступают не какие-то местные знаменитости,

а известные артисты из Европы, вроде Элеоноры Перец или Вилли Бека». Из афиш она узнала, что эти звезды «УФА» сейчас гастролируют в Денвере. На какую-то посредственность она теперь не согласна.

Пока они разыскивали подходящий отель, она то и дело поглядывала на сидящего рядом с ней мужчину. Со светлыми, коротко остриженными волосами и в новой одежде он казался ей кем-то другим. «Нравится ли он мне теперь больше? Трудно сказать…» А она? После того, как ей сделают прическу, оба они станут совершенно другими людьми. Созданными буквально из ничего. Точнее, из денег. «Мне крайне необходима новая прическа», — подумала она.

Они подъехали к огромному шикарному отелю в центре Денвера. Швейцар тотчас занялся их автомобилем. Все шло именно так, как ей хотелось. Человек в коричневой униформе — гостиничный бой — подошел принять их багаж. В холл они поднимались налегке — по широким, устланным ковром ступеням.

С обеих сторон в холл выходили витрины магазинчиков — цветочных и сувенирных, кондитерских киосков; в широких керамических вазонах — свежие цветы, пол устлан коврами,

толстыми и ворсистыми… Она окунулась в атмосферу отеля: аромат дорогой парфюмерии, легкий шум… Неоновые вывески указывали путь в ресторан, бары, парикмахерские салоны. Они шли через холл к стойке администрации, и глаза разбегались.

Пока Джо вписывал их данные в регистрационную книгу отеля, она отошла к витрине с книгами, — посмотреть, есть ли здесь «Тучнеет саранча». И сразу же увидела целую стопку интересующих ее экземпляров, а над ними — рекламный плакат, рассказывающий, насколько книга популярна и какое у нее захватывающее содержание. Особо подчеркивалось, что издание запрещено в немецких зонах. К Юлиане подошла приветливая пожилая продавщица. Цена книги — почти четыре доллара — показалась ей высокой, но она все же купила ее.

Бой проводил их сначала в лифт, а затем провел в номер-люкс. Отпер дверь, внес вещи, включил свет и опустил шторы на окнах. Номер ошеломил Юлиану своей роскошью. Все в точности идет так, как ей мечталось.

— Сколько времени мы пробудем в Денвере? — спросила она у Джо, который уже начал распаковывать багаж. — До того, как отправиться

в Шайенн?

Он не ответил, поглощенный осмотром содержимого своего чемоданчика.

— День? Два? — продолжала расспрашивать Юлиана, сбросив новую меховую накидку. — А может, задержимся дня на три?

— Мы отправимся в Шайенн сегодня же, — сказал Джо, подняв голову.

Вначале она не поняла, потом — не поверила, но постепенно все стало на свои места. Встретилась с хмурым, почти угрожающим взглядом. Таким ей еще не приходилось видеть Джо. Он замер над раскрытым чемоданчиком с какими-то вещами в руках.

— Сразу же после обеда, — уточнил он. — Поэтому быстро переодевайся в это голубое платье, — в то самое, влетевшее мне в копеечку и которое тебе так нравится, — сказал Джо. — Поняла? А я тем временем побреюсь и приму душ погорячее. — В его голосе проскальзывало что-то механическое, будто слова выходили из какого-то устройства, в то время, как он находился где-то далеко. Повернувшись, нетвердой, деревянной походкой он направился в ванную.

— Но сегодня уже слишком поздно, — наконец удалось ей выдавить.

— Нет. Обед мы закончим не позднее половины шестого. В Шайенн доберемся часа через два — два с половиной. Еще не будет и девяти. Отсюда можно позвонить этому Абендсену, предупредить заранее о нашем приезде и все объяснить. Это должно произвести хорошее впечатление: как же, вечерний междугородный звонок.... Скажешь ему... ну, к примеру, что мы летим на Западное Побережье, и у нас выдался единственный свободный вечер, — как раз в Денвере, — и что мы — поклонники его таланта и готовы примчаться в Шайенн только за тем...

— Но почему? — перебила его Юлиана.

На глаза наворачивались слезы: она заметила, что, как в раннем детстве, сжимает кулаки большими пальцами внутрь, и ощутила, как дергается подбородок. Проговорила чуть слышно:

— Я не поеду. Нет никакого желания ехать туда сегодня же. И вообще: я не Хочу никуда ехать — ни сегодня, ни завтра. Хочу осмотреть Денвер, — ты же обещал. — И вновь ощутила страх, — то особое состояние глухой паники, никогда не оставлявшее ее в присутствии Джо. Даже в лучшие их минуты.

Это ощущение нарастало, пока не овладело ею полностью. Ее уже в открытую трясло, она

чувствовала: этот страх наверняка читается в ее взгляде.

— Поехали. А город осмотрим, когда вернемся. — Он произнес это спокойно, с расстановкой, но в то же время как-то холодно, будто декламировал заученное наизусть.

— Нет, — ответила она.

— Надевай голубое платье. — Он вытащил из-под свертков самую большую коробку. Не спеша развязал бечевки, извлек платье и аккуратно разложил на кровати. — Договорились? Все попадают от восторга. Захватим с собой бутылку виски, какого-нибудь самого дорогого. Как ты смотришь на «Уатт-69»?

«Фрэнк, — подумала она. — Спаси меня! Я ввязалась во что-то, чего не в силах понять».

— Ехать предстоит гораздо дольше, чем ты думаешь, — проговорила она. — Я смотрела по карте. Пока доедем будет очень поздно — часов одиннадцать, а может, и полночь.

— Надевай платье, не то я убью тебя… — проговорил он.

Закрыв глаза, она зашлась смехом. «Ну вот, — подумалось. — Все правильно: теперь навыки, полученные на тренировках, пригодятся. Либо ее убьют, либо она искалечит его на всю жизнь.

Впрочем, ему тоже приходилось драться — с теми британскими коммандос; он-то давным-давно прошел через это».

— Я знаю, ты кое-что можешь, — сказал Джо. — Например, сбить меня с ног. Ну что ж, попробуй. Может, получится.

— Я могу не просто свалить тебя с ног, но и сделать калекой на всю жизнь. Меня учили и этому. Я ведь жила на Западном Побережье. В Сиэтле. Брала уроки у японцев. Езжай себе в Шайенн, если тебе так хочется, а я остаюсь здесь, — голос ее сорвался, — и попробуй только меня тронуть, тебе же будет хуже.

— Да успокойся ты… ну, надень это чертово платье! Зачем столько шума? У тебя, наверное, что-то с головой, — несешь какую-то чушь про убийство, и все только потому, что мне захотелось проехаться с тобой после обеда и проведать того типа с книжной обложки…

В дверь постучали.

Джо осторожно приблизился к двери и отворил.

— Гостиничное обслуживание, — сказал бой. — Вы оставляли заказ у портье?

— Ах, да, — ответил Джо и отошел к кровати. Взял купленные в Денвере сорочки и передал их

бою. — Сможешь погладить и принести через полчаса?

— Только выгладить? Стирки не потребуется? — осведомился бой, разглядывая сорочки. — Думаю, что успею. Да, конечно. Пожалуйста.

Когда Джо закрыл за ним дверь, Юлиана спросила:

— Откуда ты знаешь, что новую белую сорочку не надевают, не прогладив?

Вместо ответа он пожал плечами.

— Я и забыла, — сказала Юлиана, — а женщине такое необходимо помнить. Когда вынимаешь их из упаковки, они вечно измяты.

— Когда-то в молодости я любил нарядиться и поразвлечься.

— Как ты узнал, что здесь имеется такой вид обслуживания? Я и не подозревала… Неужели ты и в самом деле постригся и выкрасил волосы? Мне думается, что ты блондин и просто снял парик. Правда? Я угадала?

Он снова лишь пожал плечами.

— Должно быть, ты — агент СД, — сказала она. — И только прикидываешься итальянцем и шофером грузовика. Признайся, ты же никогда не воевал в Северной Африке. Я уверена, тебя заслали сюда убить Абендсена. Какая же я дура! —

Юлиана почувствовала себя вконец измученной и обессиленной.

После минутного молчания Джо проговорил:

— Собственно, в Африке я на самом деле воевал. Правда, не на батарее майора Парди, а в дивизии «Бранденбург». Вермахт Коммандо. Это мы пробрались в штаб-квартиру британских войск. И я действительно принимал участие во многих операциях. В том числе и под Каиром. Как унтер-офицер имею награду и благодарность.

— Твоя авторучка — это оружие?

Он не ответил.

«Это бомба», — внезапно пришло ей в голову, и она высказала свое предположение вслух. — Бомба-ловушка, взрывающаяся при попытке разобрать ее.

— Да нет. То, что ты видела, всего лишь двухваттный приемопередатчик. Для поддержания постоянной связи. На случай, если планы изменятся. При нынешней неопределенности ситуации в Берлине такое вполне возможно.

— Ты свяжешься с ними перед тем, как *это* сделать? Чтобы получить подтверждение?

Он кивнул.

— А ты ведь вовсе не итальянец, ты — немец.

— Швейцарец.

— А мой муж — еврей, — сообщила она.

— Меня не касается, кто твой муж. От тебя только и требуется — надеть платье и отправиться со мной обедать. И сделай что-нибудь с прической. Сходи к парикмахеру. Может, салон при отеле еще открыт. Ты могла бы сходить туда, а я тем временем приму душ и дождусь выглаженных сорочек.

— Как ты собираешься его убить?

— Ну прошу тебя, Юлиана, надень это платье! Я позвоню и узнаю насчет парикмахера. — Он подошел к телефону.

— А зачем, собственно, я тебе понадобилась?

Набирая номер, Джо пояснил:

— У нас имеется досье на этого Абендсена. Похоже, ему особенно по вкусу сексапильные брюнетки средиземноморского или ближневосточного типа.

Пока Джо разговаривал с портье, Юлиана прилегла на кровать и, прикрыв лицо рукой, закрыла глаза.

— У них есть парикмахерша, которая сможет тобой заняться, — сообщил Джо, положив трубку. — Ступай-ка в салон, это внизу, на втором этаже. — Он что-тосунул ей в руку. Открыв глаза, она увидела германские банкноты. — Это тебе

на прическу.

— Оставь меня в покое. Я очень тебя прошу.

Он взглянул на нее с любопытством и вместе с тем озабоченно.

— Сиэтл выглядит так же, как Сан-Франциско, — еще до того, как там случился Большой пожар, — сказала она. — Взаправдашние старые деревянные дома, каменных почти нет, а холмы совсем как во Фриско. Японцы поселились там задолго до войны. Заняли полностью торговый квартал — дома, магазины. Все такое старое. Это в порту, — я туда как-то приехала с одним моряком. Маленький старичок японец стал моим учителем, я брала у него уроки. Звали его Минору Ишоясу. Кругленький такой, как яичко. Он носил жилет и галстук-бабочку. Его зал размещался над какими-то японскими конторами. На дверях висела старомодная золоченая табличка, и у него, совсем как у дантиста, имелась своя приемная. Я даже помню название разложенных на столике журналов — «Нэйшнл Джиогрэфикс».

Нагнувшись, Джо ухватил ее за руку и насильно заставил сесть.

— Что с тобой происходит? Ты ведешь себя как ненормальная, — сказал он прямо ей в лицо, пытаясь, видимо, что-то прочесть в ее глазах.

— Я умираю, — проговорила она.

— Ну, это всего лишь нервы. И часто с тобой такое случается? Сейчас я принесу что-нибудь успокаивающее из гостиничной аптеки. Может, фенобарбитал? А кроме того, мы же с самого утра ничего не ели. Когда приедем к Абендсену, тебе и делать ничего не придется: будешь просто стоять рядом, а говорить буду я. Тебе только нужно мило улыбаться. Этим ты, безусловно, удержишь его возле себя. Уверен, он и не подумает никуда отойти. Не говоря уже о том, что он впустит нас тотчас, как только увидит тебя и твое декольте. Уверен в этом. Во всяком случае, я на его месте поступил бы так.

— Дай мне пройти в ванную. Я плохо себя чувствую. Ну, прошу тебя. — Она попыталась высвободиться. — Пусти же меня. Мне плохо.

Он отпустил ее руку, и она нетвердым шагом направилась в ванную и закрылась там.

«Я сделаю-таки это», — подумала она. Включила свет и на мгновение ослепла. Зажмурилась. «Однако

вначале необходимо кое-что найти». В шкафчике лежали пакетик с бритвенными лезвиями, мыло и зубная паста. Она вскрыла упаковку с лезвиями и достала одно. Острое-острое.

Ступила под душ. «Господи, совсем забыла про одежду! Все же пропадет». Костюм прилип к телу, волосы намокли. Она оступилась и чуть не упала, но успела наощупь за что-то ухватиться. По чулкам стекала вода. Юлиана расплакалась.

Джо так и застал ее, склонившуюся над умывальником. Она стояла обнаженная, опираясь на руки и стараясь прийти в себя.

— О Боже! — простонала она, заметив рядом с собой Джо. — Не знаю, что и делать. Мой шерстяной костюм совсем пропал. — Она показала на ворох мокрой одежды.

С подчеркнутым спокойствием, хотя его лицо выдавало сильное раздражение, он проговорил:

— Ну и что, ты ведь все равно собиралась переодеваться. — Он вытер ее махровым белым полотенцем и вывел из ванной в теплую, устланную ковром комнату. — Оденься, — попросил он. — Я приглашу парикмахершу в номер. Что ей стоит подняться. — Он снял телефонную трубку.

— Ты принес мне какие-нибудь порошки? — спросила Юлиана, когда он закончил разговор.

— Совсем забыл! Сейчас же позвоню в аптеку. Хотя, постой, что-то у меня есть с собой. Нембутал или еще какая-то дрянь. — Он шагнул к своему чемоданчику и начал в нем рыться.

Спустя минуту протянул ей две желтые капсулы.

— А мне это не повредит? — осведомилась она, неловко забирая их.

— Что-что? — нервно переспросил Джо.

— Я только хотела спросить, — начала она осторожно, — не стану ли я еще рассеяннее.

— Нет, это же изделие «АГ». Средство из Германии. Обычно я принимаю его от бессонницы. Сейчас принесу воды. — Он выбежал из комнаты.

«Все равно что наглотаться лезвий, — подумала она. — Это ощущение будет теперь постоянно разрывать ее естество. Станет вечной ее карой. Жена еврея связалась с убийцей-гестаповцем». — Она почувствовала, как на глаза навернулись слезы. «Это тебе за все, что ты наделала. Ты уничтожена навсегда».

— Пошли в парикмахерскую, — сказала она, поднимаясь, когда Джо вернулся в номер.

— Ты же раздета! — Он вновь усадил ее и безуспешно попытался натянуть белье. — Уже и утешать тебя приходится, — в отчаянии проговорил он.

— От твоих таблеток все внутри горит, — сказала она. — В их состав, наверное, входит какая-то

кислота. Все один к одному: теперь меня вечно будет разъедать этот адский раствор.

Джо побледнел. «Наверное, он прочитал мои мысли с помощью потайной машинки», — подумала она.

— Таблетки меня одурманили, — сообщила она, — я от них совсем поглупела.

— Ты же их еще не глотала. — Он разжал ей кулак, и она увидела, что капсулы по-прежнему в руке. — У тебя что-то с головой, — сказал он. — Ты очень и очень больна. Нам никуда нельзя ехать.

— Только не надо врача. Все будет хорошо. — Она попыталась улыбнуться, внимательно следя за его лицом. Необходимо убедиться наверняка, что ее уловка удалась.

— Я не могу взять тебя к Абендсену, — сказал он. — Во всяком случае, пока ты в таком состоянии. Поедем не ранее завтрашнего утра, — если, конечно, ты поправишься. Да, попробуем завтра. Придется попробовать.

— Можно мне в ванную?

Он рассеянно кивнул, настолько озабоченный, что наверняка почти не слышал ее.

Она зашла в ванную и затворила за собой дверь. Выбрала в шкафчике еще одно лезвие и, стараясь незаметно держать его правой рукой, вышла

обратно.

— Бай-бай, приветик, — сказала она.

Она уже открывала двери, чтобы выйти в коридор, когда Джо вскрикнул и бросился к ней.

«Вжик…»

— Это ужасно, — проговорила она.

«Какие они все насильники. Ей следовало бы знать. Впрочем, любую темную личность она всегда готова встретить как следует. Уж за себя-то она сможет постоять… Но куда этот делся? А, вон он, — схватился за шею и приплясывает».

— Прочь с дороги, не то я тебя хорошенько проучу! — держа лезвие наготове, она распахнула двери. Джо сидел на полу, зажав обеими руками шею. Будто в удушье.

— До свиданья, — сказала она и прикрыла двери, оставшись в уютном и теплом, устланном ковром коридоре.

Навстречу ей, толкая перед собой столик на колесиках, шла женщина в белой униформе. Наклонив голову, она что-то напевала. Столкнувшись с Юлианой, подняла глаза и остолбенела. Рот у нее приоткрылся.

— Ой, золотце, — пробормотала она. — Пожалуй, одной прической тут не обойтись. Да ты же совсем голенькая… Ну-ка, вернись в номер и для

начала оденься. А потом уж выходи. Боже мой… — она открыла перед Юлианой дверь. — Скажи своему парню, чтобы он хорошенько привел тебя в чувство. Я прикажу прислать вам кофе. — Она втолкнула Юлиану в номер и захлопнула за ней дверь.

«Так это была парикмахерша», — догадалась Юлиана. Взглянув на себя в зеркало, она обнаружила, что женщина права: на ней абсолютно ничего не было.

— Джо, — сказала она, — меня не пускают. — Она подошла к кровати, отыскала свой чемодан и вытряхнула содержимое. Белье, блузка, юбка… туфли на низком каблуке. — Велели вернуться, — сообщила она. Гребешок наконец нашелся, и она тщательно причесалась. — Такая неожиданность! Она уже подходила к двери, почти что стучала. Так лучше, не правда ли? — Она повернулась перед зеркалом, становясь на цыпочки. — Ой, мне так стыдно… — сообщила она, глядя на Джо. — Прямо не знаю, что я творю. Что ты мне такое дал? Мне стало не лучше, а хуже.

Все еще сидя на полу, по-прежнему сжимая шею, Джо проговорил:

— Слушай, ну ты даешь! Ты же перерезала мне аорту.

Закрыв ладонью рот, она прыснула:

— Боже, какой ты смешной! Вечно все перевираешь. Аорта — в груди. Наверное, ты хотел сказать — сонную артерию.

— Ты же прекрасно знаешь: стоит мне убрать руки, и за пару минут я истеку кровью. Помоги же мне, — вызови врача или неотложную помощь. Поняла? Ты что, нарочно это сделала? Похоже на то… Ну ладно, позвони же или приведи кого-нибудь…

Подумав, она объявила:

— Я это сделала специально.

— Как бы там ни было, приведи хоть кого-нибудь, наконец. Ну, сделай же это для меня.

— Сам сходи.

Она заметила, что кровь сочится у него меж пальцев и стекает по рукам. На полу уже образовалась лужа.

— Я и пошевелиться боюсь. Мне придется остаться здесь.

Она накинула плащ, взяла чемодан и подхватила свертки с обновками, — сколько смогла. Убедилась, что не забыла коробку с голубым платьем. Уже открывая дверь, обернулась:

— Я, наверное, скажу обо всем внизу. Портье.

— Скажи…

— Ладно. Я им сообщу. Только не пытайся меня разыскивать в Кэнон-сити. Туда я не вернусь. Со мной большая часть твоих немецких денег, так что все в порядке. Прости и — до свидания. — Она захлопнула двери и, прижимая к себе пакеты, побежала по коридору.

У лифта элегантно одетая пара помогла ей занести багаж.

— Благодарю вас, господа, — сказала Юлиана, когда они выходили из лифта.

Когда бой вынес багаж из отеля, она разыскала администратора, и тот объяснил ей, как попасть в подземный гараж. Служащий гаража подогнал «студебеккер». Портье собственноручно уложил в багажник свертки и чемодан. При этом он так мило улыбался, что она оставила ему огромные чаевые. Ее изумило, что никто не удивился и не пытался ее задержать. «Наверное, они уверены, что за все платит он», — пришло ей в голову. Спустя минуту она уже выезжала по ярко освещенной гаражной рампе на вечернюю улицу.

И, только доехав до перекрестка, она вспомнила, что ни слова не сказала администратору о том, что Джо требуется медицинская помощь. Он прождет так до конца света или, по крайней мере, до тех пор, пока в номер не зайдет горнич-

ная. «Надо вернуться, — подумала она, — или позвонить. Нужно остановиться у первой же телефонной будки».

«Как глупо все вышло, — размышляла она. — Ну, кто бы мог подумать всего час назад, что так получится? Еще немного, — они переоделись бы и отправились обедать. Может, даже сходили бы в ночной клуб». Она заметила, что плачет. Слезы катились по лицу и капали на блузку. Жаль все же, что она не посоветовалась с гадательной книгой. «И-чинг» предостерегла бы ее. Ну почему она не сделала этого? «И времени оставалось достаточно: и по пути сюда, и еще до отъезда». Помимо воли она начала всхлипывать. Сколько Юлиана ни силилась, успокоиться ей не удавалось. Сквозь стиснутые зубы прорывался протяжный жалобный стон.

Она съехала на обочину и, не выключая двигателя, сидела, засунув руки в карманы плаща. «Боже мой, — жалела она себя, — приключится же такое… Ну, видно, чему быть, того не миновать…» Она вышла из машины и достала из багажника чемодан. Раскрыла его и принялась рыться. Вытащила оба тома «И-чинг». Под шум работающего мотора она начала подбрасывать три десятицентовика, пристально вглядываясь

в них.

«Что мне делать? Умоляю, скажи, что делать?»

Сорок вторая гексаграмма. «Рост», с подвижными линиями во втором, третьем, четвертом и верхнем положениях, — переход к сорок третьей гексаграмме. «Перелом». Она начала нервно пробегать глазами текст, выхватывая одну за другой фразы и пытаясь осмыслить их. О Боже! Текст идеально подходил к ее ситуации. Еще одно чудо: прошлое предстало перед глазами в виде схемы или некоего плана:

> Действие.
>
> Приносит пользу.
>
> Пересечение великих вод будет во благо.

«Да, пора в путь. Надо что-то предпринимать, а не сидеть сложа руки… Так, дальше — подвижные линии».

> Десять пар черепах не в силах противиться ему.
>
> Постоянные усилия доставляют счастье.
>
> Царь представит его Богу.

«Теперь шестерка в третьей линии». Голова пошла кругом:

Обогащение наперекор превратностям судьбы.
На сердце чистом нет вины.
Иди срединным путем.
И явись с посланием к царю.

«Царь»… это, должно быть, Абендсен. «Послание» — новый экземпляр его книги. «Превратности судьбы»… — Оракулу известно, что с ней произошло, — весь этот кошмар с Джо, или, как он там еще… Она прочитала комментарий к шестерке в четвертом положении:

Если пойдешь срединным путем
И явишься к царю,
Он последует за тобой.

«Необходимо ехать, — поняла Юлиана. — Даже если Джо смог бы отправиться следом». Она обратилась к последней подвижной линии — девятка наверху:

Он никому не доставляет богатства.
Некто наносит ему удар.

Сердце его непонятно.
Поражение.

«О Боже, здесь сказано об убийцах — агентах гестапо, — подумала она. — Джо или же кто-то, как он, явится оттуда и убьет Абендсена».

Сорок третья гексаграмма. Приговор «И-чинг» гласил:

Надлежит решительно все раскрыть.
При дворе царя.
Все должно быть объявлено в соответствии с правдой. Опасность.
Непременно следует объявить своему городу.
Выступать с оружием не приказано,
Однако должно предпринять действие.

Итак, нет смысла возвращаться в отель и что-либо предпринимать в отношении Джо: в любом случае ему на замену пришлют других. Второй раз, и уже более настойчиво, предсказание велит ей предостеречь Абендсена, пренебрегая соображениями собственной безопасности. Она обязана доставить ему истину.

Закрыв книгу, Юлиана выехала на дорогу, и ее машина снова вклинилась в уличный поток.

Вскоре она отыскала дорогу от центра Денвера до главного автобана, ведущего на север.

Она возносила благодарения Богу, доктору Тодту и его автобанам, мчась во мраке при свете фар. В Шайенн к десяти она так и не успела: спустила камера. Ей ничего не оставалось, как съехать с основной дороги в поисках ночлега.

Вскоре она заметила указатель съезда с автобана: «*Грили. Пять миль*». «Поеду рано утром завтра», — решила она, когда через несколько минут машина въехала на главную улицу Грили. На дверях мотелей, расположенных по обе стороны улицы, увидела таблички с объявлениями о наличии свободных мест. Итак, с ночлегом проблем нет. «Но прежде всего, — подумала она, — необходимо позвонить Абендсену и предупредить о приезде».

Юлиана остановила машину, с трудом выбралась из нее и облегченно вздохнула. Весь день в пути, с восьми утра. Чуть дальше по улице она увидела аптеку и направилась туда. Через минуту она уже стояла в уютной телефонной кабинке и набирала номер Абендсена.

Хвала Богу, номер значился в телефонной книге. Она бросила двадцатипятицентовик, и связь включилась.

— Слушаю, — раздался приятный энергичный голос. Судя по всему, он принадлежал молодой женщине, наверное, ее ровеснице.

— Госпожа Абендсен? — спросила Юлиана. — Можно попросить к телефону вашего мужа?

— Простите, а кто его спрашивает?

— Я прочитала книгу вашего мужа, — сообщила Юлиана. — Ехала к вам целый день из Кэнон-сити, Колорадо. Сейчас я в Грили. Рассчитывала встретиться с вами еще сегодня, но не получилось. Поэтому хотелось бы узнать, смогу ли я повидать вашего мужа завтра.

Тем же приятным голосом госпожа Абендсен ответила:

— Сегодня, наверное, уже поздно: мы собираемся ложиться спать. Но, возможно, у вас имеется какая-то особая причина для встречи с мужем? Все эти дни он очень занят.

— Я хотела бы побеседовать с ним, — сказала Юлиана. Голос ее стал напряженным. Ей нездоровилось, во рту пересохло, ощущался противный привкус. Из телефонной кабинки она видела, как аптекарь у прилавка с напитками готовил молочный коктейль для четырех подростков. Она позавидовала им, почти не слушая, что говорит ей госпожа Абендсен. В эту минуту Юлиана

думала лишь о холодном, освежающем напитке и сэндвиче с курятиной.

— Готорн работает не по расписанию, — между тем оживленно говорила госпожа Абендсен. — Я не уверена, что завтра он сможет уделить вам время. Но если все же…

— Хорошо, — перебила ее Юлиана. — Я прочитала книгу вашего мужа, и она мне очень понравилась. Книгу я взяла с собой.

— Понятно, — сказала снисходительно госпожа Абендсен.

— Мы задержались в Денвере, чтобы сделать покупки, и потеряли массу времени.

«Нет, — подумала она, — теперь все не так, все очень изменилось».

— Извините, — внезапно выпалила она, — это пророчество велело мне ехать в Шайенн.

— Ах, вот как. — Госдожа Абендсен произнесла это тоном человека, который уже слышал об «И-чинг», но мало верит в ее предсказания.

— Сейчас я зачитаю линии пророчества. — Положив оба тома на полочку, она начала быстро листать страницы. — Минутку, — найдя нужное, она зачитала госпоже Абендсен пророчество и толкования дополнительных линий. Когда она дошла до девятки наверху, связанной с нанесе-

нием удара и поражением, в трубке послышался вскрик.

— Что с вами? — спросила Юлиана.

— Прошу вас, читайте дальше, — проговорила госпожа Абендсен. На этот раз голос ее звучал взволнованно.

Когда Юлиана продиктовала формулировку сорок третьей гексаграммы, со словом «Опасность», воцарилась тишина.

— Ну что ж, думаю, завтра мы увидимся, — сказала наконец госпожа Абендсен. — Можно узнать, как вас зовут?

— Юлиана Фринк. Большое спасибо, госпожа Абендсен. — Вмешалась телефонистка и сообщила, что время закончилось.

Юлиана побесила трубку, уложила книги в сумку и направилась к прилавку. Она заказала сэндвичи и кока-колу. Когда она распечатывала пачку сигарет, ей вдруг пришло в голову, что она ни слова не упомянула о самом главном: об агентах гестапо или СД, — черт его знает, откуда он, этот Джо Чинанделла, истекающий сейчас кровью в отеле. Ей просто не верилось. Совершенно вылетело из головы. Как же так? Очевидно, она понемногу сходит с ума. По-видимому, на самом деле она серьезно больна.

«Нет, — подумала она, отходя от прилавка. — Дважды за один вечер звонить нельзя. Не стоит их беспокоить. Она сама устала и измучена, да и они наверняка уже спят».

Она допила кока-колу, расплатилась и вышла из аптеки. В ближайшем же мотеле сняла номер и, дрожа всем телом, скользнула в постель.

14

«Нет ответа, — думал господин Нобусаке Тагоми. — И нет объяснения. Даже в «И-чинг». Однако придется жить дальше — день за днем. Отныне он станет довольствоваться малым. Он был слеп, по крайней мере, до тех пор, пока…»

В этот день, как обычно, он попрощался с женой и вышел из дому. Однако направился в противоположную от «Ниппон Таймс» сторону.

«Может, расслабиться немного? Поехать в парк «Золотые Ворота», зайти в зоосад и аквариум? Пообщаться с умеющими радоваться жизни созданиями…»

Время. Для рикши путь неблизкий, и у него будет достаточно времени Для созерцания. Если можно так сказать.

Впрочем, деревья и звери — это дети природы, не наделенные духовностью. А он-то вынужден жить по-человечески. Он уподобился ребенку. В конце концов, может, это и к лучшему. Вернее, необходимо обратить это к лучшему.

Рикша жал на педали, они ехали по Керни-стрит в сторону центра. «Поехать, что ли, маршрутным трамваем? — подумал Тагоми. — Это

ли не счастье — тихая сентиментальная поездка, — вагончик, который должен был исчезнуть еще в 1900 году, однако каким-то чудом дожил до наших дней».

Расплатившись с рикшей, он направился к ближайшей остановке.

' «Быть может, он уже никогда не вернется в «Ниппон Таймс», навсегда окутанный аурой смерти. С карьерой его покончено. Ну что ж, дирекция Торговой Миссии подыщет ему замену. Однако придется жить дальше, и память будет помнить каждую деталь... Просто так ничего не изменишь.

В конце концов всех нас сметет война. План «Одуванчик» не примет во внимание наши желания и поступки. Но тогда потенциальными врагами станут те, на чьей стороне мы сражались в последней войне. Что же из этого вытекает? Быть может, следовало воевать против них? Или обречь на поражение, поддержав их противников, — Соединенные Штаты, Британию, Россию?

Куда ни обратись, всюду безнадежность.

И пророчество так неопределенно. А может, «И-чинг» уже покидает этот печальный мир отчаявшихся людей? Или извечная мудрость начала свой исход?

Наступил момент одиночества. И неоткуда ждать поддержки. Ну что ж, пожалуй, это и к лучшему. Возможно, и это удастся обратить во благо. И по-прежнему следует искать свой путь».

Он сел в трамвай на Калифорния-стрит и доехал до конечной остановки. Как обычно, помог развернуть вагончик на деревянном поворотном круге. Из всех его встреч с городом эта, пожалуй, одна из самых трогательных и богатых впечатлениями. Сегодня же очарование пропало, и он ощущал внутреннюю опустошенность еще сильней и болезненней.

Возвращаться пришлось, разумеется, трамваем. На Стоктон-стрит он собрался выходить. Когда он ступил на лесенку, его остановил кондуктор:

— Пожалуйста, вернитесь. Вы забыли портфель.

— Благодарю. — Он взял у кондуктора портфель и подумал: «Содержимое его слишком ценно. Старинный «Кольт-44» — украшение моей коллекции — теперь всегда со мной, под рукой, на случай, если убийцы из СД попытаются отомстить. Кто знает, когда и как это случится».

Впрочем, Тагоми понимал, что в этой новой его привычке, несмотря на все происшедшее, есть что-то нездоровое. «Не следует поддаваться этой

мании преследования», — уговаривал он себя. Однако чувствовал, что сделать это крайне сложно.

«Я владею револьвером или револьвер завладел мною? — думал он. — Не потому ли иссяк источник жизненной радости? Или память о пережитом убила все его инстинкты и стремления? Неужели отвращение к этому экспонату поглотило и страсть коллекционера? Увы, рушится опора его жизни, — его убежище, тихая пристань, где он всегда находил покой и понимание».

Подозвав рикшу, он велел отвезти его на Монтгомери-стрит, к магазину Роберта Чилдана. «Необходимо себе внушить: осталась единственная нить, связующая его со свободой и здравым рассудком. Может, еще удастся преодолеть это состояние. Обменяю «Кольт» на какой-нибудь исторический предмет. С этим револьвером связано слишком многое из того, о чем хотелось бы забыть».

«Он обязательно освободится», — принятое решение принесло облегчение.

Если револьвер исчезнет из его жизни — уйдет и все остальное, вся эта мгла тяжких воспоминаний, ибо суть не только в психологии его восприятия. Здравый смысл подсказывает, что она — в этом предмете. — «Между мною и послед-

ним — очевидная взаимосвязь…»

Они подъехали к магазину. «Сколько же куплено мною здесь за все эти годы? — подумал Тагоми, расплачиваясь с рикшей. — И для себя, и для фирмы».

Роберт Чилдан, облокотившись о кассовый аппарат, протирал суконным лоскутом какую-то вещицу.

— О, господин Тагоми!

— Добрый день, господин Чилдан, — поклонился в ответ Тагоми.

— Какая приятная неожиданность! — Чилдан прервал свое занятие и вышел из-за прилавка.

И, хотя, казалось, все происходило как всегда, Тагоми все же ощутил перемену. Какую-то непонятную натянутость. Как ни странно, ему это понравилось: «Перемена — к лучшему: владелец магазина всегда отличался суетливостью, зачастую — развязностью. Буквально подскакивал в его, Тагоми, присутствии, имитируя восторг. Впрочем, не исключено, это все — злая шутка».

— Господин Чилдан, — начал Тагоми, поставив портфель на прилавок и открыв его. — Я хотел бы обменять предмет, который приобрел у вас пару лет назад. Кажется, вы упоминали, практикуете такой вид услуг.

— Это действительно так, — согласился Чилдан. — Однако, прежде чем ответить однозначно, нужно знать, какой предмет предлагается на обмен и его состояние.

Взгляд его стал настороженным.

— Этот предмет — револьвер «Кольт-44», — объявил Тагоми.

С минуту оба молча смотрели на оружие. Взгляд Чилдана стал холодным. «Ах, вот как, — подумал Тагоми. — Ладно…» А вслух спросил:

— Вас это не заинтересовало?

— Увы, нет, — учтиво сказал Чилдан.

— Ну что ж, я не настаиваю. — Спорить не оставалось сил. «Я сдаюсь. Мною овладело «инь» — Податливость, Уступчивость, Безволие…»

— Прошу прощения, господин Тагоми.

Тагоми поклонился и уложил коробку с оружием и снаряжением в портфель. «Наверное, это судьба: револьвер навсегда останется со мной».

— Я вижу, вы разочарованы? — осведомился Чилдан.

— Вы правильно заметили. — Тагоми чувствовал себя задетым: неужели его внутренний мир настолько доступен всеобщему обозрению?

Он недовольно пожал плечами.

— Существует, наверное, какая-то особая при-

чина для возвращения^ такой Вещи?

— О нет, — ответил Тагоми.

— Я… сомневаюсь, что этот револьвер вы приобрели у меня, — после минутного колебания проговорил Чилдан. — Дело в том, что оружие не является предметом продажи в моем магазине.

— Увёрен, что у вас, — сообщил господин Тагоми. — Но это уже не имеет значения. Я не собираюсь оспаривать ваше решение.

— Тогда позвольте продемонстрировать вам мои новые приобретения. Надеюсь, вы располагаете временем?

Тагоми ощутил, как в нем пробуждается инстинкт коллекционера.

— Что-нибудь особенное? — осведомился он.

— Прошу вас, — Чилдан пригласил его в глубь магазина.

В закрытой стеклянной витрине на черных бархатных подставках покоились металлические… вихри, сгустки, какие-то намеки на форму. Тагоми наклонился, чтобы получше рассмотреть их. По мере того, как он разглядывал экспонаты, у него возникало поистине необычное ощущение.

— Я отваживаюсь показывать это всем своим постоянным клиентам, — сказал Чилдан. — » Знаете, что это такое?

— Похоже на украшения, — бросил господин Тагоми, узнав в одной из вещиц брошку.

— Американская работа. Вне всякого сомнения. Впрочем, извольте видеть, предметы не антикварные. Понимаете, это новые изделия. — Бледное, невыразительное лицо Чилдана исказила гримаса. — Это, скажу вам, по сути, начало новой эры для моей страны. Точнее, ее робкие, неуничтожимые ростки. Воистину адский посев.

С подобающим случаю интересом Тагоми разглядывал экспонаты. «Безусловно, в них есть нечто одухотворенное, — признал он. — Они действительно несут в себе «дао»: еще царит «инь», но в самых темных его недрах уже зародилась первая искорка… Ну что ж, это общеизвестно: каждый из нас хотя бы раз, но видел такое. Однако для него они не более, чем простые кусочки металла. Он не в состоянии восхищаться ими, как этот Чилдан. Увы, такова правда».

— Очень мило, — пробормотал он, возвращая бижутерию на место.

— Должен, однако, вас предупредить, — решительно сказал Чилдан, — с первого взгляда это невозможно ни понять, ни ощутить.

— Как вы сказали?

— Я имел в виду, что неуловимый порыв соб-

ственной души вначале очень сложно ощутить.

— О! Да вы, я вижу, верите во все это, — сказал Тагоми. — Завидую вам. А я, увы, нет. — Он поклонился.

— Ну что ж, тогда как-нибудь в другой раз, — проговорил Чилдан, провожая его к выходу.

«Он даже не пытался показать мне другие товары», — отметил про себя Тагоми.

— Мне кажется, ваша уверенность носит оттенок дурного вкуса, — сообщил господин Тагоми. — Это похоже на навязчивую идею.

Чилдан возразил:

— Простите, но в данном случае прав я. У меня безошибочное чутье: в этих предметах сокрыты ростки будущего.

— Возможно, однако ваш англосаксонский фанатизм меня никак не убеждает, — сказал Тагоми, но вместе с тем он ощутил какой-то проблеск надежды. — До свидания. — Он поклонился. — Как-нибудь я наведаюсь к вам, и мы, возможно, еще изучим ваши предложения…

— Чилдан молча поклонился.

Тагоми вышел, унося портфель с «Кольтом-44». «С чем пришел, с тем и ухожу, — подумал он. — Придется продолжить поиски того Нечто, что позволит вновь обрести мир.

А что, если ему приобрести одну из этих странных и невзрачных на вид вещиц? Возможно, если она будет всегда с ним, ее созерцание постепенно вернет его на истинный путь? Сомнительно, хотя…

Как может помочь чужая находка?

И все же… Даже если один-единственный человек находит свой путь к истине… это означает: таковая существует. И есть путь к ней. Пусть и закрытый для других.

Как я завидую ему!»

Тагоми развернулся и пошел обратно. Чилдан все еще стоял у входа в магазин — просто стоял и ждал.

— Я передумал. Пожалуй, я приобрету одну из тех вещиц. Подберите мне что-нибудь. Я не могу сказать, что вы убедили меня, однако сегодня я расположен хватать, что угодно. — Он прошел за Чилданом к стеклянной витрине. — Хотя мне и не верится, но я буду носить это с собой и время от времёни созерцать. Например, через день или месяца через два, если ничего не удастся обнаружить…

— … Вы сможете возвратить мне ее за ту же цену.

— Благодарю, — ответил Тагоми. Он ощутил

облегчение. I Время от времени возникает потребность в новых ощущениях, — подумал он. — Это вовсе не предосудительно. Скорее, наоборот, признак мудрости и понимания ситуации».

— Это принесет вам спокойствие, — пообещал Чилдан, извлекая небольшой серебряный треугольник с каплеобразными отверстиями, — черный с изнанки, блестящий и полный света — снаружи.

— Благодарю, — еще раз сказал Тагоми.

Господин Тагоми нанял рикшу и добрался до Портсмут-сквер, — крошечного зеленого парка на склоне холма, как раз над комиссариатом полиции на Керни-стрит. Разыскал незанятую скамейку и уселся на самом солнцепеке. По каменистым дорожкам в поисках хлебных крошек семенили голуби. По соседству какие-то грязные оборванцы читали газеты или дремали на скамейках. Кто-то из них посапывал прямо на траве.

Вынув из кармана бумажный пакетик с названием магазина Роберта Чилдана, Тагоми с минуту держал его в руках. Затем раскрыл и извлек свое новое приобретение, чтобы хорошенько рассмотреть его здесь, в этом скверике, где обычно отдыхают старики и где никто не

сможет помешать ему.

Он приподнял серебряный лоскутик. Отражение полуденного солнца в нем напоминало безделушки, которые в качестве премий прилагались к расфасованным завтракам, — вещица походила на увеличительное стеклышко Джека Армстронга. Что еще… Он попытался заглянуть как бы внутрь серебряной безделушки. Брамины называют это «ом». Целое, обращенное в точку. А быть может, здесь что-то другое? Какой-то скрытый намек? С почтительным вниманием он продолжал исследовать предмет — его размеры, форму…

«Когда же случится то, что предсказал ему Чилдан? Пять минут, десять… Он будет сидеть столько, сколько выдержит. Время, увы, принуждает к поспешным выводам. Что у него в руках? Что? Как успеть это определить, пока еще не истекло время?»

«Прости, — мысленно обратился Тагоми к кусочку металла. — Вечно мы вынуждены срываться с места и куда-то мчаться…»

Он с сожалением уложил вещицу в пакетик. «Последний, преисполненный надежды взгляд…» — он буквально впился в серебряную безделушку.

«Я совсем как ребенок, — думал он. — Пытаюсь подражать невинности и чистой вере. Будто на морском берегу прикладываю к уху случайно поднятую раковину, и хочу услышать в ее шуме всю мудрость Океана…

А здесь вместо слуха — зрение. Войди же в мою душу, скажи, что случилось, зачем все это и почему. Поистине в этом крошечном металлическом комочке заключено всеобщее понимание.

Требующий все, да не получит ничего…»

— Послушай-ка, — шепнул он этому кусочку, — а ведь реклама при твоей покупке обещала так много…

«А может, встряхнуть его хорошенько, как старые строптивые часы?» — Он так и сделал. — «Или бросить, как кости в решающий момент игры? И пробудить дремлющее в нем божественное. А если оно странствует где-то? Или, быть может, нисходит к кому-то другому?

О, эта взволнованная и неуклюжая ирония пророка Илии!..» Желая настойчивей призвать божество, Тагома еще раз встряхнул серебряный комочек в кулаке и снова внимательно присмотрелся к нему.

«Ты, малютка, неужели в тебе ничего нет? Надо бы выбранить тебя. Напугать».

— Мое терпение истекает, — шепнул он.

«Что дальше? Выбросить в сточную канаву? Или согреть его дыханием, потрясти и снова подышать… Прислушаться к нему? Ну же, — выиграй для меня эту игру!..»

Он рассмеялся. «Что за идиотская сцена разыгрывается здесь, на солнцепеке! Какое зрелище для прохожих…» — Он украдкой огляделся. Никто не обращал на него внимания. Старички продолжали дремать. Он ощутил некоторое облегчение.

«Ну что ж, испробовано все, — заключил он. — Мольбы, созерцание, угрозы, философствование. Что тут поделаешь?

Если бы он мог оставаться тут долго. Но это невозможно. Может, в другой раз, если подвернется возможность. Впрочем, предупреждает У. С. Гилберт, случай дважды не повторяется. Вот только — правда ли это?» Он ощущал: правда.

«Будь он ребенком, — и мысли его были бы по-детски простыми и бесхитростными. Однако он зрелый мужчина, и все детское ушло… Поиски следует вести в совсем иных категориях. Этот орешек придется разгрызать как-то по-другому.

Действовать строго по-научному. С помощью логического диализа исчерпать все возможные подходы. Систематически — в стиле классиче-

ской лабораторной Аристотелевой логики».

Он заткнул пальцем правое ухо, чтобы не слышать никаких посторонних звуков, затем приложил серебряный треугольник, как раковину, к левому уху.

Ни малейшего звука. Он не услышал даже мнимого океанского шума — лишь биение его пульса.

«Как можно постичь эту тайну? По-видимому, слух тут не поможет». — Тагоми прикрыл глаза и принялся на ощупь, миллиметр за миллиметром, изучать поверхность вещицы. И осязание тоже ничего не подсказало, пальцы ровным счетом ничего не сообщили ему. Он приблизил серебряный предмет к носу и втянул воздух. Только слабый металлический запах, который ни о чем ему не говорит. «Вкус» — он сунул треугольник, как сухое печенье, в рот, но вновь, кроме холодного, твердого и горького, не ощутил ничего.

И вновь принялся разминать предмет руками.

А потом опять вернулся к созерцанию. «Зрение — важнейшее из чувств в иерархии древнегреческих философов». Он вертел серебряный треугольник и так, и эдак, во все стороны, разглядывая с разных сторон.

«Что же очевидно? — задался он вопросом. — В

итоге всех этих длительных и сосредоточенных усилий? Есть ли проблеск истины, сокрытый в этом предмете?»

«Ну, поддайся же, — приговаривал он над серебряным треугольником. — Открой, наконец, свою великую тайну».

«Это — подобно жабе, извлеченной с самого дна, — подумал он. — Ее крепко сжимают руками и требуют: ну-ка, скажи, что там, на дне? Однако жаба и не пытается вырваться, а молча обращается в грязь, камень, простой минерал. Неподвижное просто остается безжизненной материей, безразличной ко всему и погруженной в собственный мертвый мир».

«Металл происходит из земли, — принялся он рассуждать, прервав свои наблюдения. — Из непроницаемо плотного царства. Из подземной страны троллей — вечного мрака и влажности. Мир «инь» в его самом унылом аспекте. Мир смерти, распада и всего, что отмерло и разлагается, оседая слой за слоем, все глубже и глубже. Дьявольский мир неподвижного ушедшего времени».

«Однако серебряный треугольник сияет в солнечном свете. В нем отражен свет, в нем — огонь, — подумал Тагоми. — Эта вещь вовсе не

принадлежит влаге и тьме. Не отягощенная сном, она искрится жизнью.

Итак, она принадлежит верхнему царству, аспекту «янь», всему эмпирейскому, эфирному. Как и положено произведению искусства. Призвание художника в том и состоит: он извлекает осколок руды из унылых и безмолвных глубин земли и придает ему искрящуюся светом божественную форму, творит небесное. Вдыхает жизнь. Безжизненное возгорается и начинает сиять. Прошлое уступает место будущему».

«Что же ты такое? — вопрошал он серебряный лоскуток. — Темное и безжизненное «инь» или полное жизни сверкающее, светлое «янь»?» Кусочек металла в его руке словно заплясал, ослепляя его. Он сощурился, следя теперь за этой игрой света и огня.

«Тело его — «инь», душа — «янь». Металл и огонь непостижимо соединены в нем, являя собой чистую форму. В его руке поистине целый микрокосм».

«Чему *это* принадлежит, какому пространству? Несомненно, оно возвышает. Возносит до небес, в светозарный, вечно изменчивый мир. Итак, истинный дух его, наконец, высвободился. Его сущность — свет. Как он приковывает

внимание, — просто не оторвать глаз». Его заворожила гипнотически сверкающая поверхность, она уже существовала отдельно, вне его воли, вполне самостоятельно, — от власти ее не высвободиться…

«Ну, скажи мне хоть что-нибудь, — попросил он, — скажи теперь, когда я в твоей власти и желаю услышать твой голос. Пусть же он прозвучит из ослепительно сияющего белого света. Такое можно узреть разве что в посмертной жизни, как об этом повествует книга «Бардо Тодол»[28]. Однако он не станет дожидаться смерти и распада своего духа, странствующего в поисках новой оболочки. Пусть минуют его все ужасные и добрые божества и все соблазны смертных. Пусть будет только свет. Он предстанет пред ним во всем бесстрашии и не дрогнет».

Он ощутил, как его подхватывает раскаленный вихрь кармы, и в то же время понимал, что он остается неподвижен. Как сказано в учении: не следует отступать пред ослепительным ликом чистого белого света; кто отступит, тот обречен вернуться и повторять циклы рождений и смертей и не узнает свободы, и не познает надежды

---

[28] Notes: 28
«Книга Мертвых».

на освобождение. Майя снова опустит пред ним свою заГвесу, если…»

Свет погас.

В руке по-прежнему всего лишь кусочек матового серебра. Солнце закрыла чья-то тень. Тагоми поднял глаза.

Возле скамейки стоял и улыбался ему высокий полицейский в темно-синем мундире.

— В чем дело? — проговорил застигнутый врасплох Тагоми.

— Да вот, наблюдаю, как вы решаете эту головоломку.

— Головоломку? — повторил Тагоми. — Это вовсе не головоломка.

— А я думал, это одна из тех маленьких игрушек. У моего сына их целая куча. Некоторые — очень сложные.

Полицейский удалился.

«Ну вот, пропал шанс ощутить нирвану, — подумал Тагоми. — А все из-за этого белого варвара, этого неандертальца-янки. Этот недочеловек подумал, будто я решаю головоломку».

Он поднялся со скамейки и сделал несколько нетвердых шагов. «Следует успокоиться. Эти заурядные отвратительные шовинистические выпады — ниже его достоинства. Верх в нем взя-

ли недопустимые и непростительные страсти».

Он двинулся по дорожке. «Нужно просто пройтись. Достичь катарсиса в движении».

Он вышел из сквера и оказался на Керни-стрит, с ее необычайно оживленным движением. Тагоми пришлось задержаться на краю тротуара. Нигде он не увидел ни одного рикши. Пришлось пройти дальше в толпе пешеходов. «Никогда не сыщешь их, если потребуется… Боже, а это что такое!» — Он в изумлении уставился на уродливую бесформенную массу, заслонившую небо. Это походило на кошмарно увеличенную горку из аттракциона, — гигантское сооружение из металла и бетона неуклюже повисло в пространстве, безнадежно испортив весь пейзаж.

Тагоми обратился к прохожему — худому мужчине в измятом костюме.

— Что это? — спросил он, указывая пальцем.

Мужчина оскалил зубы в улыбке.

— Ужасная штука, не правда ли? Это автострада Эмбаркадеро. Многие считают, будто она изгадила весь пейзаж.

— Но никогда раньше я этого здесь не видел, — проговорил Тагоми.

— Тогда вам повезло, — ответил мужчина и пошел дальше.

«Это какой-то безумный сон, — подумал Тагоми. — Он должен проснуться. Куда сегодня подевались все рикши?» Он пошел быстрее. Все вокруг словно погрузилось в какую-то мертвую, густую мглу, насыщенную бензиновыми парами. Задымленные серые дома, тротуары, всеобщая людская суета. И ни одного рикши.

— Рикша! — вскричал он, не замедляя шага.

Автомобили напоминали огромные неуклюжие утюги, ему не встретилась ни одна знакомая модель. Он старался не смотреть на них. «Это прямо какое-то злокачественное искажение зрительного восприятии, — думал он. — Даже горизонт вывернут. Словно в каком-то внезапном и жутком астигматизме. Необходимо хоть на минуту расслабиться, отдохнуть. Вот какая-то паршивая закусочная. В забегаловке одни белые, все что-то жуют». Господин Тагоми толкнул качающиеся деревянные воротца. Запах кофе. В углу ревет гротескно-уродливый музыкальный ящик. Он поморщился и направился к стойке. Все места заняты белыми. Господин Тагоми возвысил голос. Несколько человек глянули в его сторону. Но ни один из них и не подумал сдвинутьсяс места! Никто не пожелал уступить ему места! Как ни в чем не бывало все они продолжали есть.

— Я жду! — обратился господин Тагоми к ближайшему же белому. Он выкрикнул это прямо в его ухо.

Мужчина отставил чашку с кофе.

— Но-но, полегче, япошка, — произнес он.

Тагоми огляделся. Все смотрели на него с явной

враждебностью. Но опять-таки никто не двинулся с места.

«Это мир «Бардо Тодол», — подумал Тагоми. — Раскаленные ветры занесли его неведомо куда. Это лишь иллюзия, но иллюзия… чего? Выдержат ли подобное его душа и рассудок? Впрочем, «Книга Мертвых» подготовила его: после смерти ты увидишь других людей, но все они будут враждебны. Как одинок он здесь! И нет никакой опоры… Предпринять это жуткое странствие и убедиться в том, что повсюду один и тот же мир страданий, непрерывной череды рождений и смерти, — мир, готовый поглотить устрашенные души беглецов».

Он выбежал из закусочной, двери за ним хлопнули. Он снова очутился на улице.

«Да где же он? Куда вышвырнут из собственного мира, из своего пространства и времени?

А если этот серебряный треугольник все спутал,

сорвал его с якоря… И теперь земля уходит из-под ног. И это награда за все усилия? Он проучен на всю жизнь. Чтобы так разувериться в собственных чувствах! Во имя чего? Чтобы странствовать без руля и ветрил?..

Поистине какое-то гипнотическое состояние. Способности восприятия настолько снижены, что мир выглядит как бы погруженным в полумрак; все воспринимается символически, в архетипах, причудливо смешанных с материалом его подсознания. Такое типично для вызванного сном сомнамбулического состояния. Пора заканчивать с этим вынужденным блужданием в мире теней. Необходимо сосредоточиться и восстановить психическое равновесие».

Он поискал в карманах серебряный треугольник. «Неужели он остался там, на скамейке в парке? И портфель — тоже? Это катастрофа…»

Согнувшись, как от встречного ветра, он помчался обратно в скверик. Полусонные бродяги провожали его удивленными взглядами. Он уже бежал по аллее. Вот, наконец, та скамейка, а на ней портфель. Однако серебряный треугольничек исчез бесследно. Он принялся за поиски. «Да вот же он, лежит в траве, на том же месте, куда он его с раздражением отбросил».

Тяжело дыша, он присел на скамью.

«Необходимо вновь сосредоточиться на треугольнике, — подумал он, отдышавшись. — Вглядеться и начать считать. При счете «десять» следует издать пронзительный вопль. Что-нибудь вроде «Эврика!».

«Какие-то идиотские видения на почве эскапизма, — решил он. — Скорее, это рецидив каких-то болезненных наваждений, но отнюдь не светлые и невинные грезы истинного детства. Впрочем, он заслужил это.

Все — его собственная вина, а не злые намерения Чилдана или козни того ремесленника. А также — его собственная алчность. Истинного понимания не достичь насилием».

Он принялся считать вслух, а затем вскочил.

— Проклятая глупость! — завопил он.

«Вот только избавился ли он от этого помрачения?»

Он осмотрелся. Размытость окружающего как будто исчезла. Только сейчас он по достоинству оценил слова Святого Павла: «Ныне зрим сквозь зерцало».

«Это не метафора, а весьма своевременный призыв восстановить истинное зрительное восприятие. Ведь на самом деле все воспринимается

нами астигматически: в самом общем виде наши пространство и время являются порождением нашей же психики и поэтому подвержены внезапным искажениям и расстройствам, подобно потере равновесия при нарушениях вестибулярного аппарата. А когда ощущение равновесия напрочь утеряно, мы шатаемся и падаем».

Тагоми уселся и спрятал серебряный кусочек в карман пиджака. Некоторое время он сидел неподвижно с портфелем на коленях. «Теперь нужно встать, — уговаривал он себя, — пойти и убедиться, что это уродливое сооружение… как там назвал его тот человек? «Автострада Эмбаркадеро». Убедиться в том, что оно больше никого не пугает своим видом». Однако ему не хватало смелости.

«Здесь можно сидеть до бесконечности, — подумал он. — А ведь, как говорят туземцы, «работа не терпит»».

«Вот дилемма…»

По аллее, с шумом к нему бежали два шаловливых китайчонка. От их криков сорвалась в воздух стайка голубей. Мальчишки остановились.

— Эй, малышня! — позвал их Тагоми, опуская руку в карман. — Идите-ка сюда.

Ребята робко приблизились.

— Вот вам десятицентовик, — Тагоми бросил монетку, и они тут же принялись вырывать ее друг у друга из рук. — Сходите на Керни-стрит и посмотрите, есть ли там рикши. А потом вернетесь и скажете мне.

— А вы нам дадите еще монетку, когда мы вернемся?

— Да, — крикнул господин Тагоми, — только, чур — говорить одну правду.

Мальчишки умчались.

«Если рикш не окажется, — подумал Тагоми, — отправлюсь в какое-нибудь безлюдное место и там покончу с собой».

Он нервно сжал портфель.

«Оружие есть. Хоть с этим не будет никаких проблем».

Китайчата вернулись быстро.

— Шесть, — пропищал первый. — Я насчитал их шесть.

— А я видел только пять, — отдышавшись, сообщил второй.

— Вы уверены, что это рикши? — строго спросил господин Тагоми. — Вы точно видели, как эти люди крутят педали?

— Да, точно! — ответили они в один голос.

Он выдал ребятам еще по десятицентовику.

Поблагодарив, они умчались.

«Ну что ж, вернемся в бюро, и сразу за работу», — подумал Тагоми. Он встал, сжав ручку портфеля. «Его снова зовут обязанности. Опять начинаются будни».

Он направился по дорожке к улице.

— Рикша! — крикнул он.

Из потока тотчас же вынырнул рикша и затормозил у края тротуара. Смуглое лицо его блестело от пота. Он тяжело дышал.

— К «Ниппон Таймс»! — приказал господин Тагоми. Он поднялся в экипаж и уселся поудобнее.

До «Ниппон Таймс» Тагоми добрался почти в полдень. В главном вестибюле он попросил телефонистку соединить его с господином Рэмси.

— Это Тагоми, — объявил он, когда их соединили.

— О, добрый день. Приятно вас слышать. А я уже начал беспокоиться. В десять я позвонил вам домой, но ваша жена сообщила, что не знает, куда вы отправились.

— Все ли убрано? — осведомился господин Тагоми.

— Абсолютно. Не осталось ни следа.

— Это точно? Проверять не придется?

— Все именно так, ручаюсь.

Успокоившись, господин Тагоми положил трубку и направился к лифту. Входя в бюро, он все же позволил себе поверхностную проверку. Краем глаза он отметил, что убрано действительно тщательно, как ему и сообщили. Он почувствовал облегчение. Никто и не догадается, что здесь произошло. Свидетелями исторических событий останутся лишь стены да выстланный пластиковыми плитками пол его кабинета.

В бюро его приветствовал господин Рэмси.

— Ваше мужество стало темой панегирика в сегодняшней «Таймс», — начал он. — Статья подробно описывает… — мгновенно оценив реакцию господина Тагоми, он оборвал себя на полуслове.

— Докладывайте только самое срочное, — потребовал господин Тагоми. — Что с генералом Тедеки? То есть, с господином Ятабе?

— Он отправился в Токио секретным рейсом. О его отъезде дано несколько ложных сообщений. — Господин Рэмси даже пальцы крестом сложил, чтобы все закончилось благополучно.

— Проинформируйте, пожалуйста, о господине Бэйнсе.

— О нем ничего не известно. В ваше отсутствие он, правда, ненадолго появился здесь, однако мы

ни слова не услышали. — Господин Рэмси в нерешительности замялся. — Наверное, он вернулся в Германию.

— Лучше бы ему отправиться на Острова, — проговорил господин Тагоми, обращаясь главным образом к самому себе.

«В любом случае, предмет их главных забот — генерал Тедеки, все остальное вне их компетенции и ответственности, — подумал Тагоми. — Его бюро они уже покинули. Миссия закончена. По всей видимости, его использовали самым целесообразным способом. Он явился для них… как это? Прикрытием.

Скрытые от посторонних взоров, за его спиной происходили настоящие события. Творилась подлинная жизнь».

«Как странно, — думал он, — фальшивый картонный фасад может иногда сыграть даже большую роль, чем подлинный — каменный. На всем этом лежит отблеск «сатори». Как бы это получше сформулировать? Главная цель — создание видимости. Этим вполне исчерпывается принцип «сатори». Согласно закону экономии, ничто не должно быть лишним и пропадать втуне, даже мнимое. Как это изысканно…»

Вошла явно взволнованная барышня Эфрей-

кян.

— Господин Тагоми, я к вам с сообщением администрации.

— Успокойтесь, прошу вас, — сказал Тагоми. «Время торопит», — подумал он.

— Явился германский консул. Он хочет поговорить с вами. — Она нервно перевела взгляд на Рэмси. — Он приходил и раньше, но, поскольку не застал вас…

Тагоми жестом остановил ее.

— Господин Рэмси, напомните, пожалуйста, имя этого консула.

— Барон Гуго Райс.

— Благодарю вас. Теперь я вспомнил.

«Ну что ж, — подумал он, — может, господин Чилдан, отказавшись обменять мое оружие, оказал мне тем самым неоценимую услугу».

Захватив портфель, он вышел.

В приемной его ожидал худощавый, элегантно одетый белый. Коротко остриженные ярко-рыжие волосы, сияющие штиблеты, непринужденная поза. И немецкая табакерка из слоновой кости. Несомненно, это он.

— Герр Райс? — осведомился господин Тагоми.

Немец поклонился.

— До сих пор, — произнес господин Тагоми, —

наши дела удавалось устраивать исключительно по телефону. Либо эпистолярно. Не возникало необходимости встречаться лично.

— Это упрек? — спросил герр Райс, шагнув навстречу. — Даже принимая во внимание все прискорбные события…

— Сомневаюсь, — возразил господин Тагоми.

Немец изумленно поднял брови.

— Прошу прощения, — сказал господин Тагоми. — Мое сознание еще омрачено известным происшествием. Можно сказать, я все еще удручен бренностью всего земного. «Что восстало из праха…»

— Это ужасно, — заметил герр Райс, сокрушенно покачав головой. — Стоило мне услышать…

— Пока вы не начали вашу проповедь, позвольте и мне кое-что сообщить вам, — перебил его Тагоми.

— Конечно, конечно. Будьте добры.

— Я лично пристрелил двух ваших из СД.

— Меня уже вызывала местная полиция, — произнес герр Райс, выпуская облако едкого сигарного дыма. — Пришлось провести несколько часов в здании комиссариата на Керни-стрит. Побывал я и в морге. А потом изучил показания ваших подчиненных, снятые инспекторами по-

лиции, которые начали следствие. Причем все это настолько меня потрясло…

Господин Тагоми молчал.

— Однако, — продолжал герр Райс, — предположение, что эти люди хоть как-то связаны с Рейхом, абсолютно беспочвенно. Насколько я могу судить, это просто какое-то безумие. Вы, господин Тагори, по-моему, поступили совершенно правильно.

— Тагоми.

— Вот вам моя рука, — произнес консул, делая плавный жест. — Покончим же с этим недоразумением крепким рукопожатием. Происшедшее не стоит наших споров, особенно в нынешнее тревожное и опасное время, когда глупые сплетни могут разжечь страсти толпы в ущерб интересам наших народов.

— И все же над моей душой довлеет ощущение вины, — проговорил господин Тагоми. — Кровь не чернила, герр Райс.

Консул выглядел чрезвычайно озабоченным.

— Я жажду прощения, — продолжал господин Тагоми. — Однако вы не в состоянии дать его. Думаю, это не по силам никому. У меня есть намерение прочитать дневники известного теолога прошлого — Гудмана К. Матера из Массачусетса.

Мне рассказывали, они посвящены темам вины, адской кары и тому подобному.

Консул нервно курил, напряженно глядя в лицо господину Тагоми.

— Позвольте сообщить, что ваш народ находится в преддверии преступления, которое затмит все. Вам известна гексаграмма «Бездна»? Я говорю это вам не как представитель японского правительства, а как частное лицо. Признаюсь вам: сердце не выдерживает такого потрясения. Может начаться невообразимое кровопролитие, а вы даже в этот миг преследуете какие-тосвои — ничтожные, эгоистические цели. Неплохо бы утереть нос своим соперникам из СД, а? Роете яму герру Крайцу фон Мере, а тем временем… — Продолжить он не смог: сдавило грудь. «Как в детстве, — подумалось. — Приступ астмы начинался, когда он злился на мать».

Герр Райс поспешно погасил сигару.

— Эта болезнь у меня уже давно, — пояснил Тагоми, — однако обострилась она с тех пор, как я узнал о выходках ваших вождей. Теперь возможности терапевтического воздействия сведены к нулю. Это касается не только меня, но и вас тоже. Если я не ошибаюсь, Гудман К. Матер говорил в таких случаях: «Покайтесь!»

— Вы не ошиблись, — ответил германский консул. Голос его охрип. Он снова попытался закурить.

Из секретариата со стопкой бумаг в руках вышел господин Рэмси.

— Я бы хотел воспользоваться присутствием господина рейхсконсула, — обратился он к Тагоми. — Обычные формальности.

Господин Тагоми, силясь отдышаться, молча взял бумаги и бросил на них беглый взгляд:

> «Исходящий № 20/50:
>
> Рейхсконсул в ТША Гуго Райс от имени и по поручению Правительства Рейха и в соответствии с Законом Рейха от 15 июня 1960 года требует выдачи задержанного полицией города Сан-Франциско преступника — еврея по имени Фрэнк Финк, — германского подданного, — с целью заключения последнего под превентивный арест».

Он еще раз бегло просмотрел текст.

— Прошу вас, — сказал Рэмси, подавая авторучку. — Подпишите. Сегодня это единственный документ, касающийся отношений с германским правительством. — Произнеся это, он свысока

взглянул на консула.

— Нет, — проговорил господин Тагоми и хотел уже вернуть документ господину Рэмси, но передумал, вырвал его и написал внизу:

> «Освободить. — Главная Торговая Миссия. Отделение в Сан-Франциско. В соответствии с военным соглашением 1947 года. Тагоми».

Он вручил копию консулу, а остальное, вместе с оригиналом, передал Рэмси.

— До свидания, герр Райс, — господин Тагоми откланялся.

Консул поклонился в ответ. В документ он так и не заглянул.

— Прошу вас впредь прибегать к услугам почты и телефона, — добавил господин Тагоми. — И больше не утруждать себя личными визитами.

— Вы пытаетесь взвалить на меня ответственность за то, что находится вне моей юрисдикции, — обиделся консул.

— Говно, — сказал господин Тагоми. — Это все, что я могу вам ответить.

— Культурные люди так не ведут себя, — сказал консул. — Вы привносите ожесточение и мстительность туда, где все должна решать го-

сударственная мудрость. А отнюдь не личные амбиции. — Он швырнул окурок на пол и, резко развернувшись, вышел.

— Заберите свой вонючий окурок, — начал негромко господин Тагоми, но консул уже скрылся.

— Типично инфантильное поведение, — обратился он к Рэмси. — Будьте свидетелем этого отвратительного инфантилизма. — Он нетвердыми шагами направился в кабинет. Отдышаться ему так и не удалось. Боль поднималась по левой руке, и одновременно будто чья-то огромная ладонь стискивала грудь. Он охнул. Ковер, обернувшись снопом алых искр, поплыл навстречу.

— Спасите, господин Рэмси, — хотел он крикнуть, но не смог издать ни звука. Вытянул вперед руки и зашатался. Опоры он не чувствовал.

Падая, он стиснул в кармане треугольный кусочек серебра, который так настойчиво предлагал ему Чилдан. «Не помогло, — подумал он. — Это меня не спасло. Столько усилий…»

Он рухнул на пол, ударившись руками и коленями. Дышать было больно. Он лежал прямо на ковре. Увидев, как к нему бросился господин Рэмси, Тагоми подумал: «Не стоит терять голову».

— У меня небольшой сердечный приступ, — еле

выговорил он.

Его перенесли на диван.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, — сказал ему кто-то.

— Сообщите жене, — проговорил Тагоми.

Спустя минуту он услышал сирену скорой помощи. Сирена выла и выла. Вокруг него суетились какие-то люди, которые входили и выходили. Его укрыли пледом, кто-то развязал ему галстук и расстегнул ворот.

— Мне уже лучше, — произнес господин Тагоми. Теперь лежать было удобно. Он не пытался даже пошевелиться. «Ну вот, с моей карьерой покончено, — подумал он. — Германский консул, несомненно, получит повышение, после того, как заявит протест в связи с его, Тагоми, возмутительно грубым поведением. Да, повод у него теперь есть… Так или иначе, все кончено. Он сделал все, что в его силах. Остальное доделают в Токио и Германии.

Эта схватка ему уже не по плечу. А он-то думал, речь пойдет о новых литейных формах. Важнейшая миссия — доставка технологии пластмассового литья: «И-чинг» все угадала и сообщила ему, однако…»

— Снимите с него рубашку! — повелел чей-то

голос.

«Наверное, здешний врач. Какой властный и какой

важный…» — Тагоми улыбнулся.

«А может, в этом и есть настоящий ответ, — спросил себя господин Тагоми. — В своеобразной тайне организма, его собственной мудрости. Пришло время уйти. Или отступиться. Решение за него принято. Ему следует лишь подчиниться.

Что там в последний раз сообщила ему «Книга Перемен»? В ответ на вопрос, который он задал в своем кабинете о тех двоих, убитом и умирающем… Гексаграмма шестьдесят первая. «Внутренняя Правда». Из всех существ наименее сообразительны рыбы и свиньи, — убедить их невозможно. Как и его. Ведь книга имела в виду именно его. Неужели Внутренняя Правда в том, что происходит с ним сейчас?

Подождем — увидим.

А может, правда и теперь раздвоится…»

Вечером, сразу же после ужина, в камеру к Фрэнку Фринку вошел полицейский чиновник и сказал, чтобы он следовал за ним.

Всего минуту спустя Фрэнк очутился перед фасадом комиссариата на Керни-стрит, в толпе прохожих. Буднично сигналили автомобили и

покрикивали рикши. Воздух стал прохладнее. От домов протянулись длинные тени. Фрэнк Фринк с минуту постоял, а потом механически ступил в поток пешеходов, переходящих на противоположную сторону улицы.

«Арестовали без всяких на то причин, — думал он, — и выпустили без каких-либо объяснений.

Так ничего и не сказали, просто вернули узелокс одеждой, бумажник, очки, а потом занялись другими делами, — принялись возиться с каким-то пьяницей, доставленным с улицы».

«Это какое-то чудо, — думал он. — Его освободили по ошибке. Судя по всему, он должен бы сейчас лететь в Германию. Для последующей ликвидации».

Он все еще не мог поверить: ни в свой арест, ни в не менее неожиданное освобождение. Все это казалось невероятным.

«Это новая жизнь, — подумал он. — Второе рождение».

«Кого же благодарить? А может, следует помолиться? Вот только — кому?»

Что-то подсказывало ему: надо вернуться к Эду, в его мастерскую, к прерванной работе и заняться, как прежде, бижутерией. Делать собственными руками. Работать, не разгибая спины. Не думая

ни о чем. Он должен занять себя чем-нибудь. И делать украшения.

Он быстро шел в сгущающихся сумерках, минуя перекресток за перекрестком. Ему хотелось одного: как можно быстрее вернуться в ту часть города, где все вокруг знакомо и привычно.

В мастерской он застал Эда. Прямо перед ним на верстаке были разложены бутерброды, бананы, несколько пирожных, стоял термос с чаем. Фринк остановился в дверях, чтобы отдышаться после быстрой ходьбы.

Эд обернулся.

— А я уж думал, тебя и в живых-то нет, — проговорил он с набитым ртом.

У верстака Эда стоял крошечный электрокаминчик, и Фринк, подойдя к нему, с удовольствием принялся греть руки.

— Это хорошо, что ты вернулся, — сказал Эд.

Он пару раз хлопнул Фрэнка по плечу и снова занялся бутербродом. Они больше ни о чем не говорили. Тишину в мастерской нарушало лишь тихое гудение каминчика, да еще слышно было, как жует Мак-Карти.

Повесив пиджак на спинку стула, Фрэнк набрал полную горсть еще не обработанных серебряных деталей и отнес к верстаку. Потом насадил на вал

шлифовального станка войлочный диск, надел защитные очки и включил мотор. Усевшись, он принялся методично, деталь за деталью, счищать черный налет, и серебро постепенно начинало ослепительно сверкать.

15

Капитан Рудольф Вегенер, путешествующий под именем Конрад Гольц (Оптовая Торговля Лекарствами) взглянул в крошечный иллюминатор ракеты «Люфтганзы» Ме 9-Е. «Вот и Европа, — подумал он. — Как быстро. Минут семь — и посадка на «Tempelhofer Feld».

«Интересно, удалось ему чего-нибудь добиться, — размышлял он, разглядывая приближающуюся землю. — Теперь все зависит от генерала Тедеки. Чего-то он добьется в Токио? В любом случае, информация передана. Они сделали все, что в их силах».

«Однако повода для оптимизма пока нет, — продолжал он размышлять. — Возможно, теперь японцы уже не в состоянии повлиять на внутреннюю политику Германии. Правительство Геббельса у власти. Если оно удержится, то после неизбежного периода упрочения позиций к плану «Одуванчик» наверняка вернутся. И тогда огромные пространства планеты в очередной раз подвергнутся уничтожению. Во имя фанатичной идеи снова погибнут миллионы людей.

А если нацисты уничтожат всю планету? Ис-

пепелят все на свете? Располагая водородной бомбой, они способны и на это. И, несомненно, — рано или поздно, они осуществят задуманное, ведь их мышление всегда направлено на реализацию идеи «Götter Dammerung»[29]. Они жаждут этого и сознательно идут к тотальному уничтожению.

Останется ли хоть что-то после третьего по счету мирового безумия? Или это конец, гибель всего живого? Будет ли планета уничтожена нами самими? Суждено ли ей превратиться в сплошную мертвую пустыню?»

Он не верил, что все это может случиться. «Даже, если все живое на нашей планете уничтожат, есть ведь и другая, совершенно неизвестная нам жизнь. Должна существовать. Невозможно, чтобы наш мир оказался единственным населенным людьми. Есть же еще другие, неведомые и невидимые миры. Либо в отдельных пространствах, либо вообще в иных, немыслимых измерениях, которые и вообразить невозможно.

Пусть ему никогда не доказать этого, но, вопреки всякой логике, он все равно будет в это верить».

---

[29] Notes: 29
Гибель богов *(нем.).*

«Meine Damen und Herren, Achtung, bitte…»[30], — ожил динамик.

«Скоро посадка, — отметил капитан Вегенер. — Несомненно, его уже ждут. Люди из Службы безопасности. Вот только, из какой группировки? Геббельс или Гейдрих — кто раньше? Он готов поспорить, генерал Гейдрих жив и здоров. Иначе его, Вегенера, пристрелили бы прямо в ракете: в тоталитарных государствах такие приказы отдаются и исполняются быстро. В нацистской Германии давным-давно заготовлены обширные списки. Время от времени их корректируют…»

Ракета совершила посадку. Он поднялся и, перекинув плащ через руку, направился к выходу в толпе других пассажиров. Все происходило как всегда. «Вот только не видно среди них этого Лотце, донимавшего его в прошлый раз своими кретинскими рассуждениями», — подумал он.

Служащий авиакомпании помогал пассажирам спуститься по трапу. Вегенер успел про себя отметить, что мундир его не хуже, чем у самого маршала Геринга, однако тут же увидел стоящих у трапа чернорубашечников. «Неужели это за мной?» — Вегенер начал медленно спускаться.

---

[30] Notes: 30
Дамы и господа, прошу внимания… *(нем.).*

Остальные встречающие ожидали чуть поодаль. Мужчины, женщины, даже дети, — все возбужденно жестикулировали и перекликались с прибывшими.

Чернорубашечник — плосколицый блондин с неподвижным взглядом, в мундире со знаками различия «Ваффен-СС», по-военному чеканя шаг, приблизился к Вегенеру, щелкнул каблуками и приветствовал его нацистским салютом.

— Ich bitte mich zu entschuldigen. Sind Sie nicht Kapitan Rudolf Wegener von der Abweher?[31]

— К сожалению, вы ошиблись, — ответил Вегенер. — Мое имя Конрад Гольц. Представитель «АГ Хемикалиен», специалист по медицинскому оборудованию. — Он попытался пройти дальше.

Подошло еще двое эсэсовцев. Так втроем они следовали за ним по пятам. И, хотя он шел свободно, фактически они провели молниеносный и ловкий арест. У двух эсэсовцев автоматы оттопыривали плащи.

— Вы Вегенер, — произнес один из них, когда они вошли в помещение аэровокзала.

Он промолчал.

— Мы с машиной, — сказал эсэсовец. — У нас

---

[31] Notes: 31
Прошу прощения. Вы капитан Рудольф Вегенер из Абвера? *(нем.)*

приказ встретить вас. Мы должны немедленно препроводить вас к генералу СС Гейдриху. Вместе с Зеппом Дитрихом он пребывает сейчас в штабе дивизии «Лейб-штандарт». Особо указано на недопущение ваших контактов с представителями Вермахта и партии.

«Значит, не пристрелят, — подумал Вегенер. — Гейдрих жив и в безопасности. Теперь он постарается укрепить свои позиции, наперекор планам правительства Геббельса».

«Возможно, Кабинет Геббельса падет, — размышлял он, когда его вели к штабному «даймлеру» СС. — Однажды ночью подразделение «Ваффен-СС» внезапно поменяет дислокацию и оцепит Рейхсканцелярию. И тогда по всему Берлину изо всех полицейских рейхскомиссариатов двинутся вооруженные отряды СД. Радио и электростанции выведут из строя. «Темпельгоф» закроют. И во мраке берлинских улиц зазвучат выстрелы…

Ну и что это изменит? Даже если Геббельса устранят от власти и план «Одуванчик» отвергнут, все равно останутся чернорубашечники и партия. И планы новых завоеваний, если не на Востоке, то уж где-нибудь еще — обязательно. Хотя бы на Марсе или на Венере.

Не удивительно, что господин Тагоми не выдержал. Дилемма нашей жизни поистине страшна: в любом случае зло возьмет верх. Стоит ли бороться? Да и за что? Независимо от выбора итог будет неизменным…

Очевидно, сама жизнь такова, если подобное стало для всех обыденным. Сегодня они борются со сторонниками плана «Одуванчик». Завтра, если придет время, нужно будет вступить в схватку с полицией. А поскольку во всяком развитии всего сразу достичь невозможно, нужна известная последовательность. Достичь цели можно, лишь делая выбор перед каждым решающим шагом».

«Мы свободны лишь в собственных надеждах, — думал он, — да еще, пожалуй, в достижении дозволенного.

Возможно, в иных мирах все по-другому. Лучше. Быть может, существует мир, где разница между добром и злом очевидна. И нет этих сомнительных полутеней, превращающих нашу действительность в мешанину, где напрасны все попытки отделить хорошее от дурного.

Наш мир отнюдь не идеален. Можно лишь мечтать об иной действительности — с простой этикой и моралью, где добро и зло четко разграничены. И где без особого труда можно совершать

правильные поступки, потому что путь к достижению добра очевиден…»

«Даймлер» тронулся. Капитана Вегенера устроили на заднем сиденьи. С обеих сторон расположились эсэсовцы с автоматами на коленях. Машину вел чернорубашечник.

«Допустим, я попался в ловушку, — рассуждал Вегенер, когда автомобиль, не снижая скорости, несся по берлинским улицам. — И везут меня не к генералу Гейдриху и не в штаб «Лейб-штандарт Дивизион», а в партийную тюрьму, где подвергнут пыткам. Однако, что бы ни случилось, выбор сделан — возвращение на родину. Хотя он и понимал, что его арестуют прежде, чем он окажется под защитой Абвера».

«Постоянная, ежеминутная угроза смерти, — вот путь, открытый теперь ему. На этот путь становятся либо вопреки себе, либо когда нет выхода, либо избирают его сознательно, заранее примирившись со всем». — Он разглядывал мелькающие за окном улицы. — «Mein Volk[32], — подумал он, — ну вот мы и снова вместе».

— Ну, как тут дела? — обратился он к эсэсовцам. — Что нового в политической жизни?

---

[32] Notes: 32
Мой народ *(нем.)*.

Несколько недель я отсутствовал: уехал еще до того, как умер канцлер Борман.

Ему ответил эсэсовец справа:

— Поддержка новой власти со стороны истеричной части населения очевидна. Именно толпа вознесла Докторишку. Но наступит отрезвление, и никто не захочет поддерживать калеку и демагога, разжигающего страсти ложью и шаманством.

— Ясно, — проговорил Вегенер.

«Как всегда, — подумал он. — Взаимная ненависть, междоусобицы, фракционная вражда, раздоры. Но, может, в этом и заключено семя будущего, — в конце концов они сожрут друг друга. А уцелевшие начнут спокойную жизнь. Будут снова строить, надеяться и вынашивать свои незамысловатые планы…»

В час дня Юлиана Фринк выехала в Шайенн, штат Вайоминг. В табачном киоске торгового центра она купила пару дневных газет. Потом устроилась в машине, оставленной на стоянке, и принялась изучать газеты, пока не наткнулась на то, что ее интересовало прежде всего:

«ТРАГИЧЕСКИЙ
ФИНАЛ УВЕСЕЛИТЕЛЬНОЙ ПОЕЗДКИ

По подозрению в убийстве мужа разыскивается госпожа Чинанделла, постоянно проживающая в Кэнон-сити, Колорадо. Произошло это в шикарном номере отеля «Президент Гарнер». Согласно показаниям служащих отеля, госпожа Чинанделла покинула отель сразу же после трагического финала, последовавшего, предположительно, в результате семейной ссоры. Госпожа Чинанделла, по описаниям, привлекательная, элегантная брюнетка лет тридцати, перерезала мужу горло. Предположительно в качестве орудия преступления использовалась безопасная бритва, лезвия для которой, по злой иронии судьбы, входят в перечень предметов, предоставляемых постояльцам отеля. Тело обнаружено служащим отеля — Теодором Феррисом, который всего за полчаса до предполагаемого времени совершения преступления оформил заказ на глажку сорочек Джо Чинанделла. Феррис первым обнаружил труп, когда вошел в номер с выполненным заказом. Наличие в номере явных следов борьбы заставило полицию предположить,

что преступление совершено на почве внезапно возникшей ссоры между супругами».

«Итак, он мертв, — подумала Юлиана, свернув газету. — Мое настоящее имя полиции неизвестно. Они не знают, кто я такая и вообще ничего обо мне».

Теперь она ехала спокойно. В первом же попавшемся отеле сняла номер и перетащила вещи из машины. «Спешить уже носу да, — сказала она себе. — С визитом к Абендсенам можно повременить до вечера. Таким образом, предоставляется прекрасная возможность примерить новое платье. Днем в таком платье показываться не принято, — вечерний туалет полагается надевать к ужину».

Она включила радио, принесла из бара кофе и, достав купленный в Денвере экземпляр «Саранчи», прилегла на кровать.

Только к вечеру она, наконец, закончила чтение. «Интересно, а Джо дочитал ее? — задумалась она. — В этой книге заключено гораздо больше, чем он предполагал. А что, собственно, хотел донести до нас Абендсен? Ведь главное здесь — отнюдь не вымышленный мир. Речь, конечно

же, не о нем. Неужели обо всем догадалась только она? Не исключено, что истинный смысл «Саранчи» до сих пор никем так и не понят. Всем только кажется, что разобрались в ней».

Так и не справившись с волнением, она спрятала книгу в чемодан, надела плащ и вышла из отеля. Напоенный ароматом воздух, рекламные огни Шайенна показались ей какими-то особенными. Возле бара ссорились две проститутки — симпатичные черноглазые индеанки. Юлиана замедлила шаг. Она ощущала окружающую ее атмосферу праздничного ожидания — чего-то очень важного и радостного. «И не стоит больше оглядываться в прошлое, — подумала она. — Все затхлое и унылое осталось позади, с ним покончено навсегда».

Она зашла в дорогой французский ресторан. На каждом столике стояли бокалы с зажженной свечой. Она с удовольствием пообедала и пешком вернулась в отель. Немецкие банкноты она все истратила, но это ее мало беспокоило. Теперь все это не имело никакого значения. «А ведь он сумел рассказать о нашем мире, — подумала она, открывая двери в свой номер. — О мире, в котором все мы живем». — Она снова включила радио. — «Он хотел показать наш мир таким, каков он на

самом деле». Таким видит его и она, — все более отчетливо и выразительно.

Она извлекла из коробки голубое итальянское платье и бережно разложила на кровати. Просмотрев остальные свертки, она с огорчением обнаружила, что новый полубюстгальтер забыт ею в отеле Денвера.

— Черт возьми! — выругалась она, опускаясь в кресло. Закурила сигарету и с минуту размышляла.

«Может, надеть его с обычным бельем? — Она сбросила блузку и юбку и примерила платье. Ничего не получалось: видны были бретельки и верхняя часть комбинации. — А может, белье вообще снять?.. Правда, этого не приходилось делать столько лет…» Дни школьной учебы… Тогда у нее была крошечная грудь, и она

до сих пор помнила, как это ее огорчало. Впрочем, спорт и годы сделали свое дело: окружность груди составляла 42 дюйма. Она снова примерила платье, стоя на стуле в ванной, чтобы получше разглядеть себя в зеркале.

Платье удивительно шло ей, но, черт возьми, носить его так довольно рискованно. Стоило лишь наклониться за сигаретой или за бокалом, — и катастрофа…

Брошка! Можно носить платье и без белья, нужно только заколоть его спереди. Высыпав содержимое шкатулки с украшениями на постель, она разложила все подаренные ей Фрэнком, вместе со старыми, приобретенными еще до замужества, и новую безделушку, купленную Джо в Денвере. «Вот эта мексиканская брошечка в виде коня, пожалуй, подойдет. Все-таки ей удастся выйти в свет в этом платье!»

От всех ее чудесных намерений осталось так мало, что теперь ее радовало все. Много времени ушло на прическу. Она так энергично расчесывала волосы, что они начали потрескивать, но зато приобрели изумительный блеск. Она выбрала клипсы и надела туфли, купленные специально под итальянское платье. Затем накинула новые меха, захватила сумочку и вышла.

В своем старом «студебеккере» ехать не хотелось. Она попросила служащего отеля вызвать такси. Внезапно ей захотелось поговорить с Фрэнком. Кто знает, что на нее нашло. «А почему бы и нет? Можно позвонить за его счет. Все равно: он будет так счастлив, что она, наконец, отозвалась, что с удовольствием, оплатит счет».

Стоя у стойки с прижатой к уху трубкой, она вслушивалась в голоса телефонисток. Она

услышала, как телефонистка в Сан-Франциско запрашивает справочную, затем — шум и треск и, наконец, гудок. Она оглянулась: с минуты на минуту должно прибыть такси.

«В крайнем случае, подождет».

— Номер не отвечает, — сообщила, наконец, телефонистка из Шайенна. — Через некоторое время попытаемся связаться снова и…

— Не надо. — «Все это лишь моя прихоть». — Вы меня здесь не застанете. Благодарю вас.

Минуту спустя она была уже в пути. Удобно разместившись на заднем сиденье такси, ехала по вечерним улицам Шайенна в гости к Абендсену.

Из сверкающего огнями дома Абендсенов доносились звуки музыки. Одноэтажный дом с оштукатуренными стенами, просторный сад с декоративными кустарниками и вьющимися розами. Ступив на вымощенную камнями дорожку, она подумала: «Действительно ли это то, что ей нужно? Неужели это тот самый Высокий Замок? А как же все эти истории и сплетни?» Дом самый обыкновенный, в прекрасном состоянии. Ухоженный сад. Она обратила внимание, что на подъездной бетонной дорожке стоял детский трехколесный велосипед.

«Может, это какие-нибудь другие Абендсены?

Адрес я нашла в телефонной книге. Номер, впрочем, тот же».

Она поднялась на террасу с перилами из кованого железа и нажала на кнопку звонка. Через приоткрытые двери виднелись белые жалюзи на окнах, рояль, камин, книжные полки… «Какая красивая обстановка, — подумала она. — Прием тут, что ли?» Впрочем, дам, одетых в вечерние туалеты, она не заметила.

Двери перед ней распахнул подросток лет тринадцати, со встрепанной шевелюрой, в майке и джинсах.

— Господин Абендсен дома? Он не занят? — спросила она.

Повернувшись, он прокричал кому-то в глубине дома:

— Мама, она тут хочет увидеться с папой!

К мальчику подошла рыжеволосая сероглазая женщина лет тридцати пяти, с энергичным и волевым выражением лица. По ее улыбке — уверенной и безмятежной — Юлиана определила, кто стоит перед ней. Без сомнений, перед ней — Каролина Абендсен.

— Это я звонила вам вчера вечером, — сообщила Юлиана.

— Ах да, конечно, — госпожа Абендсен улыбну-

лась еще шире.

«Какие прекрасные зубы! Она ирландка, — подумала Юлиана. — Только ирландская кровь придает такую необычную пластику чертам лица».

— Давайте сюда ваши меха и сумочку. Вы приехали вовремя. Сегодня у нас собрались друзья. Как вам идет это платье… оно от Керубини, не правда ли? — Она ввела Юлиану в просторный холл.

— Муж где-то поблизости. Ищите высокого мужчину в очках, с коктейлем «old-fashioned»[33] в руках, — ее проницательный взгляд не отрывался от Юлианы.

«Мы отлично понимаем друг друга, — сообразила Юлиана. — Это поразительно!»

— Я издалека, — сказала она.

— Да, я помню. О, вот и он! — Каролина Абендсен подвела ее к группе мужчин.

— Дорогой, отвлекись на минутку. Это одна из твоих читательниц. Ей крайне необходимо с тобой поговорить.

Юлиана смотрела на высокого загорелого мужчину с черными вьющимися волосами, который приближался к ним. Его глаза казались почти

---

[33] Notes: 33
«Старомодный» *(англ.)*.

фиолетовыми или темно-коричневыми. На нем был безупречного покроя костюм из натуральной ткани, скорей всего, английской шерсти. Пиджак идеально облегал его мускулистые плечи, так что портному не пришлось прибегать к обычным в таких случаях ухищрениям. Она отметила, что разглядывает его с огромным интересом.

— Госпожа Фрэнк добиралась сюда из самого Кэнон-сити, Колорадо, для того, чтобы побеседовать с тобой о «Саранче», — пояснила Каролина.

— Почему-то я была уверена, что вы обитаете в крепости, — сообщила Юлиана.

Готорн Абендсен рассеянно улыбнулся:

— Да, было такое. Туда можно было попасть только лифтом, и у меня развилась фобия. Помню, я тогда здорово напился, не желал входить в лифт и все твердил, что трос тянет сам Иисус, и лифт вознесется прямо на небеса. Я уперся и нипочем не хотел туда, на небо, отправляться. И все приговаривал, что не желаю ехать стоя.

Юлиана ничего не поняла.

— Все это время, что я его знаю, он любит повторять, что, мол, когда он узрит Иисуса, то не станет стоять, а сразу присядет, — пояснила ей Каролина.

Юлиане сразу вспомнились слова из библей-

ского гимна.

— Вот почему нашему семейству пришлось покинуть Высокий Замок и вернуться сюда, в город.

— Я приготовлю что-нибудь выпить, — сказал Готорн.

— О, пожалуйста, только не «old-fashioned». — Она успела заметить столик, уставленный бутылками виски и закусками. На столике также стояли ведерко со льдом, миксер. Она увидела вишни в сиропе и нарезанные дольками апельсины. Втроем они подошли к столику.

— Мне, пожалуйста, «харпер» со льдом, — попросила она. — Мне он нравится больше всего… Вы знаете, что такое гадательная книга?

— Нет, — ответил Готорн, подавая ей виски.

— Как? Вы не знаете, что такое «Книга Перемен»? — спросила она в изумлении.

— Нет, не знаю, — повторил он.

— Да не дразни ты ее, — вмешалась Каролина.

— Я прочитала вашу книгу, — сообщила Юлиана. — Хотя, откровенно говоря, закончила читать только сегодня вечером. И, признаться, мне очень интересно: откуда вы все это взяли, про этот описанный вами мир?

Готорн не ответил. Он лишь провел согнутым

пальцем по губам и уставился куда-то в сторону.

— Вы пользовались Книгой? — спросила она.

Он взглянул на нее.

— Только не шутите и не пытайтесь меня разыгрывать, — попросила Юлиана. — Не надо острить, ответьте серьезно.

Закусив губу, Готорн опустил глаза и, скрестив руки, принялся раскачиваться взад и вперед. Находящиеся рядом гости умолкли. Юлиана заметила, как изменилось их настроение. «Им не понравилось то, что я сказала», — догадалась она. Однако ни отказываться от собственных слов, ни смущаться она не собиралась. Все это слишком важно для нее. Слишком долго она сюда добиралась и слишком многое пришлось ей пережить. Ничего, кроме правды, она и слушать бы теперь не стала.

— Мне трудно ответить на ваш вопрос, — ответил наконец Готорн.

— О, это так легко, — возразила Юлиана.

Теперь уже замолчали все присутствующие. Все

смотрели только на Юлиану, стоящую рядом с супругами Абендсен.

— Увы, — ответил Абендсен, — так сразу не ответишь. И в этом вы должны со мной согла-

ситься.

— Тогда зачем вы написали эту книгу?

— А зачем вам эта брошка на платье? Для отпугивания злых духов из подземного царства? Или для того, чтобы ничего не свалилось?

— Почему вы пытаетесь сменить тему? — спросила Юлиана. — Уходите от ответа и делаете абсурдные замечания. Это же просто несерьезно.

— У каждого свои профессиональные тайны, — ответил Абендсен. — У вас — свои, у меня — свои. Читая мою книгу, вы должны были принимать ее такой, какая она есть. Как я, например, принимаю окружающий меня мир. — Он снова сделал в ее сторону жест рукой с зажатым в ней стаканом. — Без попыток выяснить, что там на самом деле внутри, — проволока, китовый ус или, может быть, губка… Разве не взаимное доверие лежит в основе человеческой природы? Разве не встречаемся мы с ним ежедневно?

Теперь он, похоже, был раздражен и нервничал. Он и думать забыл о своем положении вежливого хозяина. Выражение болезненного напряжения, как отметила Юлиана, появилось и на лице Каролины. Она перестала улыбаться, и губы ее плотно сжались.

— Вы показали своей книгой — выход есть, —

сказала Юлиана. — Разве речь не об этом?

— Выход? — иронично переспросил он.

— Вы для меня сделали так много, — продолжала Юлиана. — Теперь мне совершенно ясно: бояться больше нечего, как, впрочем, нечего желать, ненавидеть или избегать. Не за чем больше гнаться, не от чего бежать.

Он изучающе смотрел на нее.

— А по мне, в этом мире еще хватает вещей, достойных внимания, — сообщил он.

— О, я прекрасно понимаю, что вы имеете в виду, — ответила Юлиана. Она хорошо знала такое выражение лица у мужчин. Однако сейчас это ее не смутило. В этом смысле она изменилась неузнаваемо. — В картотеке гестапо содержатся сведения и о том, что вас привлекают женщины моего типа.

— Гестапо распущено в тысяча девятьсот сорок седьмом году, — сказал Абендсен. Лицо его лишь чуть дрогнуло.

— Ну, тогда в картотеке СД, или, как там еще называется эта организация…

— Вам так необходимо это уточнить? — вмешалась в разговор Каролина.

— Да, я хотела бы это выяснить. В Денвер я приехала в сопровождении одного из их аген-

тов. Рано или поздно они появятся здесь. Вам следует уехать туда, где вас никто не знает, а не держать двери настежь. И не впускать кого угодно с улицы, как вот меня. Когда они пришлют следующего, остановить его будет некому. Меня рядом не будет.

— Бы сказали, «следующего»? — с минуту помолчав, спросил Абендсен. — А что случилось с вашим попутчиком? Почему он не с вами?

— Да потому что я перерезала ему глотку, — ответила Юлиана.

— Вот это да… Услышать такое от женщины, да еще при первом знакомстве.

— Вы что, не верите мне?

— Верю, — кивнул он ей и улыбнулся. Улыбка была добрая и какая-то беззащитная. Ему, наверное, и в голову не приходило, что она может соврать.

— Благодарю вас, — сказал он.

— Прошу вас, обезопасьте себя от них, — добавила она.

— Ну что ж, вам известно, что это уже пробовали. Вы наверняка прочли текст на обложке, — об оружии и электропроводах, специально заказанных нами. Это напечатано с тем, чтобы сложилось впечатление, будто мы по-прежнему

чрезвычайно осторожны. — В его голосе проступала усталость.

— Ты мог бы, по крайней мере, постоянно носить при себе оружие, — заметила жена. — Уверена: однажды тебя пристрелит кто-нибудь, из тобою же приглашенных. И, когда ты будешь так же мило с ним беседовать, какой-нибудь нацистский убийца сделает это из мести. А ты будешь, как всегда, философствовать. Я будто вижу это.

— Они могут расправиться с любым, когда угодно и где угодно. Стоит им только захотеть, — сказал Абендсен. — Несмотря на все провода под напряжением и Высокие Замки.

«А ты фаталист, — подумала Юлиана. — Заранее смирился с собственной гибелью. Или ты уже знаешь о ней так же, как о мире собственной книги?»

— Ваша книга написана Оракулом, не так ли? — спросила Юлиана.

— Хотите знать правду?

— Да, хочу. У меня есть на это право — после всего, что мне пришлось пережить. Разве не так? Вы же знаете, что я права.

— Гадательная книга, — проговорил Абендсен, — пролежала спокойно все время, пока создавался роман. В укромном уголке моего ка-

бинета. — В глазах его она не увидела и тени издевки или веселья. Напротив, лицо его стало серьезным.

— Ну, скажи же ей, — снова вмешалась Каролина. — Она ведь права. У нее теперь есть все основания требовать правды — после всего, что она сделала для тебя… Ну, ладно, тогда я сама скажу. — Она обратилась к Юлиане. — Готорн действительно экспериментировал. Он сделал тысячи проб, и все с помощью линий «И-чинг». Сначала — выбор исторической эпохи. Затем — тематика. Действующие лица. Фабула. На это ушло несколько лет. Он справлялся даже об успехе будущей книги у читателей. Пророчество предсказало его книге громадный успех — первый и настоящий успех за всю его литературную карьеру. Итак, вы совершенно правы. Вы, наверное, и сами часто ею пользуетесь, если могли угадать так точно.

— Я много размышляла о том, почему «И-чинг» согласилась создать этот роман, — проговорила Юлиана. — Вам никогда не приходило в голову спросить ее об этом? Почему роман именно о том, что в войне побежденными оказались Германия и Япония, почему *эта,* а не какая-то другая история? Есть ли нечто, о чем так просто не рас-

скажешь, — столько сообщает она ежедневно… Это должно быть нечто из ряда вон выходящее, совершенно особое. Вам не кажется, господа?

Готорн и Каролина молчали.

— Мы с «И-чинг», — проговорил, наконец, Абендсен, — давно уже договорились о гонорарах. Спроси я ее теперь, зачем она создала «Саранчу», мне, пожалуй, придется отдать ей и свою долю. Такая постановка вопроса означает, что моя роль как бы ограничилась одной машинописью. Это было бы неправдой, а по сути — просто непорядочно.

— Ну, хорошо, — сказала Каролина. — Если ты не хочешь, тогда спрошу я.

— Это же не твой вопрос, — возразил Абендсен. — Пусть лучше спросит она. — Он обратился к Юлиане. — У вас необычный замысел… Вы отдаете себе в этом отчет?

— Где ваш экземпляр гадательной книги? — спросила Юлиана. — Моя осталась в машине у отеля. Если вы не позволите воспользоваться вашей, я съезжу за ней.

Абендсен повернулся и зашагал по залу, заполненному гостями, к дверям своего кабинета. Юлиана и Каролина направились следом и остановились у закрывшейся за ним двери. Когда он

вышел, все увидели, что в руках у него — два тома в черном переплете.

— Я не пользуюсь стеблями тысячелистника, — пояснил он Юлиане, — поскольку не умею с ними обращаться: они все время вываливаются из рук.

Юлиана уселась за журнальный столик в углу.

— Мне нужны бумага и карандаш, — потребовала она.

Кто-то протянул лист бумаги и карандаш. Люди столпились вокруг нее и Абендсена. Всем хотелось как можно лучше видеть и слышать происходящее.

— Можете задать вопрос вслух, — сказал ей Готорн. — У нас здесь нет тайн.

— Оракул, почему ты решил написать «Тучнеет Саранча»? Чему она должна нас научить? — спросила Юлиана.

— Ваша столь прямая формулировка вопроса меня раздражает, — заметил Готорн, однако все же опустился на корточки у столика, чтобы следить за падением монеток. — : Ну что ж, начинайте, — произнес он, вручая ей три бронзовые китайские монеты с дыркой посередине, — обычно я пользуюсь именно этими.

Они начали подбрасывать монеты. Спокойствие и уверенность вернулись к Юлиане, Готорн

записывал линию за линией. Когда монеты были брошены в шестой раз, он взглянул на записи и сообщил:

— Солнце наверху. «Туи» внизу. В середине — пусто.

— Вы знаете, какая это гексаграмма? Наизусть, без обращения к графикам? — спросила она.

— Да, знаю.

— Это «Хунг Фу», — сказала Юлиана. — «Внутренняя Правда». Я ее тоже знаю наизусть. И мне известно, что она означает.

Абендсен, подняв голову, уставился на нее. Выражение его лица стало каким-то странным.

— Так, значит, моя книга говорит правду? — спросил он.

— Да.

— И Германия с Японией войну все же проиграли? — со злой иронией добавил он.

Абендсен молча поднялся и захлопнул сначала один, а затем и другой том гадательной книги.

— Даже вы не желаете взглянуть правде в глаза, — проговорила Юлиана.

С минуту он размышлял. Его взгляд стал пустым и обратился внутрь. Наконец, глаза его вновь обрели ясность. Он крякнул и резко развернулся.

— А вот теперь я ни в чем не уверен, — сказал

он.

— Ну, поверьте же, — настаивала Юлиана.

Он отрицательно помотал головой.

— Неужели не сможете? Подумайте!..

— Хотите, я надпишу вам экземпляр? — спросил ее Готорн Абендсен.

Юлиана тоже поднялась.

— Думается, мне пора, — проговорила она. — Большое вам спасибо. Прошу извинить меня за испорченный вечер. Вы так мило приняли меня…

Обойдя Абендсена и его жену, она пробралась сквозь кольцо гостей и вышла из зала в спальню, где лежали ее меха и сумочка.

Когда она надевала меховую накидку, вошел Готорн с женой.

— Ты знаешь, кто она такая? — обратился он к стоящей рядом Каролине. — Сущий демон. Маленький, неистребимый и всепроникающий злой дух, который… — он поднял руку и, задев очки, принялся тереть лоб, — …который непрерывно и неутомимо летает повсюду над Землей! — Он поправил очки. — Поступает всегда по велению инстинкта, оставаясь неизменно самим собой. Она явилась сюда вовсе не для того, чтобы устроить скандал или сделать пакость.

Она здесь просто как тревожное знамение. Не обижаться же, к примеру, на погоду... Ну, а я... я рад ее визиту и не жалею, что услышал это предсказание, сделанное благодаря Книге. Она ведь и сама не знала, что творит! Думаю, нам всем в одинаковой степени повезло. Не будем сердиться друг на друга, ладно?

— У нее еще потрясающая способность переворачивать все вверх дном, — сообщила Каролина.

— Как у самой жизни, — добавил Готорн, протягивая Юлиане руку. — Спасибо за все, что вы сделали для нас в Денвере.

— Спокойной ночи, — сказала она, подавая руку. — Последуйте совету жены — носите при себе хотя бы револьвер.

— О нет, — ответил он. — Я уже давно все обдумал и решил не принимать это близко к сердцу. В конце концов, всегда можно испросить совета — у «И-чинг», особенно, когда поздней ночью вдруг появляется страх. В такой ситуации она обычно помогает. — Он чуть улыбнулся. — Откровенно говоря, меня по-настоящему мучает лишь одно: пока я торчу здесь с вами и болтаю, эта банда дармоедов успеет покончить со всей выпивкой.

Он повернулся и прошел к бару, чтобы вновь наполнить стакан.

— Что вы намерены делать теперь? — осведомилась Каролина.

— Еще не знаю. — Над этим она действительно не задумывалась.

«Мы с ней немного похожи, — подумала она, — меня так же мало волнуют дела, даже, если они очень важные». — Может быть, вернусь к мужу. Я уже пыталась дозвониться к нему сегодня вечером. Позвоню, наверное, еще раз. Там — увидим.

— И все же, несмотря на все, что вы для нас сделали… Или, точнее — сказали нам, будто сделали…

— …вы предпочли бы, чтобы ноги моей здесь не было, — закончила за нее Юлиана.

— Конечно, если вы действительно спасли жизнь мужу, — с моей стороны поступать так — это ужасно. Но я настолько потрясена и возмущена… У меня просто в голове не укладывается все, что вы тут с Готорном наговорили.

— Как странно. Никогда бы не подумала, что правда может вызывать такой гнев. — «О, эта правда, — подумала она, — страшная, как сама смерть. Найти ее так непросто. Однако мне повезло».

— А я-то думала — будете довольны или даже придете в восторг, как это случилось со мной. Ну

да ладно, все это недоразумение. — Она улыбнулась госпоже Абендсен.

Каролина, помедлив, улыбнулась в ответ.

— Ну что ж, спокойной вам ночи.

Минуту спустя Юлиана уже шла обратно по выложенной камнем дорожке. Пятна света из окон гостиной освещали путь. Она прошла через темный сад и ступила на тротуар, даже не оглянувшись на дом Абендсенов. Потом зашагала по улице, высматривая такси. Ее уже снова властно влекли движение, свет и сама жизнь.

Конец

Послесловие

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ

В 1979 году наши читатели (серии «Капище Сварога») имели возможность познакомиться с переводом любопытного эссе всемирно известного английского историка и культуролога Арнольда Тойнби[34]. В следующем же номере на страницах журнала развернулась оживленная дискуссия. Спорили не о высказанной в эссе идее, а о причине, вызвавшей причуду маститого ученого. Итак, для чего А. Тойнби написал краткий очерк воображаемой истории Земли, начав изложение с 323 года до н. э., когда в реальной истории скончался в Вавилоне Александр Великий. Умер он всего двадцати восьми лет от роду, — как говорится, жить да жить…

Вот и представил А. Тойнби, что Александр прожил долгую жизнь: завоевал, а впоследствии и объединил всю Евразию, Африку и упрочил эллинскую империю, которую его преемники

---

[34] Notes: 34

Тойнби А. Если бы Александр не умер тогда… // Знание — сила. 1979. № 12.

распространили на Новый Свет. Экспансия идей пан-эллинизма охватывает весь земной шар. Культурный прогресс в отсутствие войн ускоряется. Повествование завершается в девятнадцатом веке — земляне готовятся к первой высадке на Марс…

Итак, еще одна утопия? Отчасти, да. Но вряд ли А. Тойнби стал бы их множить очередным проэллинским опусом (хоть приверженцев той эпохи — пруд пруди). Ученого интересовало совсем другое, ведь это не единственное его подобное эссе. А вот советские историки в 1979 году вяло откликнулись на рассказ о «долгожителе А. Македонском» снисходительными комментариями. Для них — «история не знает сослагательного наклонения», и в подтверждение указанного тезиса последовали привычные ссылки на классиков марксизма-ленинизма. Это в нашей традиции — воспринимать вновь описанное общество как утопию или антиутопию. Хотя из-за привычки претерпевает истина. Никто не попытался подойти к анализу эссе как самоценному художественному варианту истории — фантастическому произведению. Возможно, мало верилось, что историк с мировым именем способен на такую «ерунду».

А перед нами — фантастика. Особая, относящаяся к жанру «альтернативной истории» (далее — АИ). В процессе развития общества, оказывается, есть «узловые моменты», когда все колеблется на чашах весов и зависит от конкретных обстоятельств: расстановки сил, личностей, партий… Впрочем, стоит ли продолжать изложение ортодоксальной теории социального развития?

В одной из областей прикладной математики — теории графов — при исследовании непрерывных функций, с ними иногда случаются неприятные вещи. В некоторых точках они становятся неопределенными. Непрерывная линия разрывается, и всех сразу же начинает интересовать вопрос: что же там, в этом разрыве, происходит. Разумеется, не только из-за досужего любопытства, но и в практических целях, создан специальный математический аппарат, позволяющий в точке разрыва исследовать функцию. Вроде как судить о поведении человека по косвенным данным.

В истории — наоборот: каждая точка имеет множество вариантов продолжения, но реализуется один. К чему он привел, мы знаем, и тут же возникает извечный' вопрос: «А вот, если бы?..» И отдушину мы находим в фантастических произведениях АИ.

Тойнби, конечно же, отнюдь не первый, кто обратился к фантастическим мирам АИ. К их открытию фантастика шла несколькими путями, точнее, ему предшествовало не одно, а целая цепь открытий и находок. Почти научных. И начало положил Г. Дж. Уэллс в своей «Машине времени». Впрочем, сначала в мировоззрении должно было сформироваться такое восприятие всемирной истории, в котором она сама выступала бы неким целостным и многомерным процессом, последовательностью взаимообусловленных событий. А этому, в свою очередь, предшествовало создание национальных историй и уже последующее сходство их черт и различий. К слову, и тут мы оказались впереди планеты всей. Напомним, первой русской истории Карамзина — менее двух столетий, а украинской или белорусской — и того меньше…

Вторая ступенька к АИ — модная в начале двадцатого века математическая, а впоследствии и физическая концепция многомерности. Необжитыми «иными измерениями» тут же воспользовались мистики и оккультисты, мигом разместив там потусторонний, загробный мир. Фантасты оказались осторожнее. Идея четвертого измерения, параллельных и иных пространств

поначалу эксплуатировалась слабо. Г. Дж. Уэллс — вспомним роман «Люди как боги» — изобразил очередную Утопию.

Преемственность в развитии фантастических идей и изобразительных приемов подчиняется, по-видимому, неким законам с эволюционными воззрениями Дарвина. Необходимо незаметное неискушенному глазу накопление частных художественных находок, и лишь тогда в фантастике появляется тематическое направление, постепенно формирующее новый жанр, включающий в себя набор специфических художественных средств. Хотя и здесь, как и в теории естественного отбора, происходят «мутации», только практически всегда благоприятные. Как правило, создается предпосылка для прорыва к новым возможностям, однако проходят годы, прежде чем туда устремляется литературный поток. Опять-таки возвращаемся к Г. Дж. Уэллсу, одарившему нас массой новаторских идей, которые получили дальнейшее развитие через десятки лет.

Аналогично происходило становление темы АИ, прежде чем она стала жанром фантастики. С ранними предшественниками ее роднит уже сама общность логического приема: «Что будет, если...» Далее фразу по желанию собственно-

го воображения можно заканчивать словами: «…исчезнет сила тяжести», «…на Землю упадет комета», «…человек потеряет тень» и, наконец, «.—Александр Великий не умрет в уготованный судьбой час».

С АИ граничат утопии и романы-предупреждения. Если утопии — древнейший жанр, отражающий представления о некоем идеальном состоянии общества, — гораздо «старше» фантастики в ее теперешнем понимании, то антиутопия и романы-предупреждения рождены современностью. Хотя, объективности ради, подчеркнем: присутствие подобных мотивов уже прослеживается в античной литературе (а может быть, многое в ней нужно считать фантастикой?). Собственно, АИ в этих жанрах нет; по существу, они изображают различные варианты завершения Истории. С альтернативно-исторической фантастикой эти большие литературные массивы объединяет общность подходов и многих художественных приемов, но цель здесь — принципиально иная. «Нигде» и «никогда», как видим, раскручивают спираль возможностей фантастики еще сильнее.

Сочетание приема «машины времени» и идеи многомерности пространства подготовили в

умах писателей-фантастов, до. и просто писателей, почву для ростков АИ. Впрочем, забегая вперед, заметим: и без того, и без другого можно было бы обойтись. На первый план всегда все же выступают художественное видение и умение логически рассуждать, объединенные одним понятием — мастерство фантаста.

Итак, в наметившихся границах и на едва подготовленной территории писатель делает некое допущение: какой-то исторический постулат подвергается сомнению, из исторической константы трансформируется в переменную величину и с помощью столь простого логического приема конструируется новая искусственная история. И, если произведение в конечном счете создается именно для этого, мы имеем, как, например, в случае с А. Тойнби, «чистую» альтернативно-историческую фантастику. Хотя иногда, в силу каких-либо только писателю известных причин, АИ служит просто литературным приемом.

Что же заставляет фантастов обращаться к вариантам «иной» истории? Что — кроме внутренней поразительной ценности — использовать логическую способность и представить нереализованные возможности исторического развития, приведшего к различным вариантам

сегодняшнего дня. И тогда на сцену выступает альтернативная действительность. Что, — помимо увлекательного занятия рисовать самые причудливые и невероятные, с точки зрения обыденности и здравого смысла, картины живой реальности? И здесь заложена одна из основных фундаментальных закономерностей и особенностей фантастической литературы — ее способность изобразительного замещения реальности. Фантастика оказывается в состоянии разрушить сам мир, построенный на принципах реалистической литературы, где постулируется тождественность. Возможно, предложенная трактовка данного понимания несколько утрированна, но ведь многие годы нас убеждали в этом соцреалисты. Подобное осознанное «разрушение» реальности таит массу интереснейших возможностей, самоценных для точного и объемного понимания, в конечном счете, собственной нашей действительности. И, прежде всего, на примерах отечественной истории.

Сколько сегодня возникло проблем, связанных с подготовкой учебников по истории. Переписываются заново многие сотни страниц. Чем не создание АИ? Ан-нет, просто политика, — достаточно вспомнить Дж. Оруэлла, «1984». На

самом же деле, только теперь мы впервые подходим к подлинно историческому пониманию общественного развития — как многообразия, в каждый конкретный момент, альтернативных путей развития: исторического, политического, экономического, культурного. Хотим мы этого или нет, но таков наш мир, и само его дальнейшее существование зависит именно от того, удастся ли сохранить это естественное многообразие и возможности свободного выбора. Насколько глубинны данные свойства нашего мира, говорит и христианская религиозная доктрина свободы человеческого выбора. Господь, создавая человека, наделил его именно свободой воли, свободой сознательного выбора. Другое дело, что, с точки зрения христианской доктрины, человек распорядился ею не лучшим образом, вкусив прежде плоды Древа Познания Добра и Зла, а не Древа Жизни, как того хотелось Творцу.

Разнообразие этносов, культур, историй — основа нашего мира. Современная культура развивается на развалинах более чем двухсотпятидесяти древнейших культур. Чем не двести пятьдесят утраченных, в большинстве своем навсегда, альтернативных историй! Культуры гибли и продолжают исчезать и по сей день где-

нибудь в дебрях Южной Америки или джунглях Юго-Вобточной Азии. С уходом в небытие очередного крошечного племени безвозвратно исчезает и микровариант исторического развития. «Красная книга» существует не только в биологии, фиксируя ежегодное исчезновение «энного» числа видов живых существ, населяющих Землю. «Красная книга» есть и в Истории. Ведь человечество только учится беречь самобытность и ценность различных сообществ — разнообразных вариантов культуры и истории. Фантастика альтернативных миров — лишь подтверждение тому.

НА ПОДСТУПАХ К АЛЬТЕРНАТИВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКЕ

Экскурс к предтечам альтернативно-исторической фантастики не займет много времени. Практически все они творили либо в конце прошлого, либо в начале нынешнего века. Мы упоминали об исторической вехе — «Машине времени» Уэллса. Впрочем, изобретатель МВ, как видно, и не подозревал о существовании феномена АИ, всецело захваченный фантастическими возможностями своего изобретения. Путешественник во Времени отправляется, ко-

нечно же, в будущее, а потому не только заглянул в замочную скважину грядущего, но и избежал парадоксов Времени, на которые накинулись шедшие по стопам последователи. Роль МВ как особого НФ-приема для создания альтернативных действительностей, бесспорно, любопытна. Вначале это просто транспортное средство — новая игрушка для удивительных, захватывающих дух странствий. Но если Уэллс переносит своего героя в антиутопическое грядущее элоев и морлоков, то его современник, француз Октав Бельяр, отправляет малолетних сыновей изобретателя МВ в прошлое[35]. В итоге — парадокс времени. Для начала нашего века у рассказа весьма эффектная концовка — вернувшийся из прошлого взрослый уже сын сообщает: «Отец, я был Ромулом...»

Парадоксы МВ — тоже своего рода изобретение, рожденное логикой фантастики. Они возникают как неожиданные, противоречащие очевидному, линейному пониманию времени варианты вымышленных миров, разбросанных повсюду — впереди, позади, а иногда и рядом с нами. МВ в создании альтернативных реальностей фантастики — инструмент уникальный,

[35] Notes: 35
Бельяр О. Путешествие во времени // «МП». 1910. № 4.

чем, собственно, и обусловлено ее содействие появлению огромного пласта произведений. С момента изобретения МВ прошло почти сто лет, но возможности уэллсовской «коляски» далеко не исчерпаны. Мы не склонны рассматривать в этих заметках множество фантастических поделок, написанных ради очередной парадоксальной ситуации, типа совсем уже школярских: отправиться в прошлое и убить там своего прапрадедушку, и затем тешиться своей выдумкой. Не в пример интереснее придуманные ради увлекательного фан-эксперимента миры, где парадокс МВ — не более, чем инструмент.

Марк Твен оказался первым, кто отправил своего героя — Янки из штата Коннектикут, действовать в эпоху легендарного короля Артура[36]. Еще раньше, но как экскурсанта, Святополук Чех отослал знаменитого пана Броучека в XVI столетие. Герой М. Твена — предприимчив, как всякий янки. И в полулегендарной Англии возникает новая историческая действительность, рыцари овладевают достижениями «высокой технологии». Литературная сказка Твена — особая. Волшебство противопоставлено в ней

[36] Notes: 36

Твен М. Янки из Коннектикута (при дворе короля Артура). СПб., Художественная литература, 1991.

рационализму науки и технической смекалке. Как известно, магия у М. Твена лихо побеждена умением героя применять на практике достижения науки. Итак, капиталистический прогресс внедрен в отсталое раннефеодальное общество. Казалось бы, механизм АИ запущен. И, тем не менее, роман до АИ «не дотянул» — не хватило самой малости, и при всей его привлекательности остался остроумной и едкой сатирой. Причина? Видимо, у писателя не оказалось под рукой соответствующего фантастического инструментария.

Социальные катастрофы первых десятилетий XX века послужили толчком к созданию увлекательнейших фантастических произведений. Многие из них незаслуженно забыты и возвращаются к нам только сейчас. Нечто похожее произошло с плодом коллективного творчества В. Келлера, И. Гиршгорна и Б. Липатова[37]. Современность словно предлагала фантастам негативный конспект: выбирай любую историческую дату и переписывай ситуацию как заблагорассудится, выгляни на улицу — ишь, что творится. И вот, Наполеону «помогают» победить в битве при Ватерлоо. Кстати, такая

[37] Notes: 37

Келлер В., Гиршгорн И., Липатов Б. Бесцеремонный роман. СПб. Художественная литература, 1991.

возможность не исключалась, подоспей вовремя на поле знаменитого сражения корпус маршала Груши. В романе присутствует и МВ, и изобретатель, поспешивший на подмогу императору в критический момент. Благодаря «подсказке из будущего», Наполеон, разумеется, побеждает. Впрочем, самое интересное начинается потом. Молодые фантасты с помощью главного героя — новоиспеченного «князя Ватерлоо» — создают новую Францию, какой не знала история. Вот это уже настоящая АИ. Но, увы, и здесь авторы невесть чего убоялись и закончили свой роман там, где по-настоящему становится интересно. Наполеону, последовавшему советам все того же «князя Ватерлоо», подглядывающего в будущее, удается успешно реализовать целый ряд реформ, и в результате Европа в своем развитии обгоняет время на столетие. Тут бы и развернуть, как говорится, «широкую панораму альтернативной истории». Ан-нет. Все завершается «хэппи эндом» и штампом фантастики двадцатых годов — пролетарской революцией в мировом масштабе, грянувшей, правда, лет за девяносто до Октябрьской. Но прецедент АИ, тем не менее, создан. И — словно распахнулись двери. С тех пор фантасты перепробовали многое, хотя и еще далеко

не все. История у них, в отличие от неведающей сослагательного наклонения истории научной, допускает все, и рядом имеют право существовать совершенно взаимоисключающие версии.

Реальная история соткана из вариантов выбора исторический личностей: царей или полководцев, вожаков крестьянских восстаний или гвардейских офицеров — предводителей заговоров, а иногда даже и «человека толпы»... И историческое событие становится таковым только после осуществления возможного варианта, вероятностного хода событий. Прежде чем устремиться к неумолимой неизбежности, исторический процесс предлагает — выбирай. И тут появляются фантасты. Они копаются в целых эпохах, которые в истории принято называть «переломными». А там поистине Эльдорадо!

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ ПОД ЗАПРЕТОМ ЦЕНЗУРЫ

Подарив миру в двадцатые годы образец подлинной АИ в советской фантастике, она исчезает напрочь на добрые полвека. Тоталитарное мышление постаралось и здесь. Развитие альтернативно-исторической фантастики тормозилось не столько использованием неэффектных худо-

жественных приемов, сколько прямым запретом извне. Вспомним, ведь, по Марксу, мы продолжаем жить во времена доисторические, ибо все начнется с наступлением всепланетарного коммунизма. Знакомая утопическая идея, в различных вариациях декларированная со времен Платона. Подобный догматизм в истории низвел советскую фантастику до уровня и последующего устойчивого состояния воображать только о более или — значительно реже — менее светлом будущем. Любая другая модификация фантазии расценивалась, как «шаг вправо, шаг влево — попытка к бегству!» Наверное, подразумевалось — из будущего. И стреляли в аутсайдеров без предупреждения. Коммунизм должен и обязан победить неизбежно. Это — исторически объективная необходимость. Какие уж тут альтернативные миры, а тем более, реальности. Будущее оказалось «научно» расписанным далеко вперед. Золотое время для утопий! А тем временем в действительности реализовывали крупнейшую в истории антиутопию. Объективно исторический, вычисленный и в полной мере предсказуемый характер «истории» — антипод ее любой альтернативности. Воображение «заморозилось» идеологией. И крепким морозам конец

пришел лишь в середине восьмидесятых.

Впрочем, цензура пропустила кое-что в альтернативно-исторической фантастике. А возможно, прозевала. Но от этого не легче. Беда нашей фантастики заключалась, а пожалуй, не изжита она и сейчас, в отсутствии смелости воображения. Даже произведения постцензурнго, «перестроечного» периода хранят печать ограниченности образного мышления.

Вспомним советскую фантастику шестидесятых-семидесятых. Подходы к АИ намечались, однако ни один из них не достиг уровня развернутой картины АИ или альтернативной реальности. Весьма характерный пример — повесть С. Гансовского[38]. Традиционный мотив: путешественники на МВ отправляются в недалекое прошлое, их цель — предотвратить приход к власти Адольфа Гитлера. Замысел удается, и счастливые герои возвращаются домой, предвкушая прочитать историю без фашизма и Второй Мировой войны. Но — не тут-то было: в учебнике одну фамилию сменила другая. Место пусто не осталось. Сам подход автора, скованного «объективно-детерминированным представлением

[38] Notes: 38

Гансовский С. Демон Истории//Фантастика-67. М., Молодая гвардия, 1968. Вып. I.

о ходе исторического процесса», исключает вариант получения АИ, куда более художественно привлекательный: еще бы, — представьте себе историю последнего полувека без фашизма и войны.

Но, всякий раз, подбираясь к АИ, писатели одергивали себя: а вдруг из-под пера выйдет нечто, слишком уж непохожее на реальный мир. Писатели намертво прикованы к единственно дозволенной линии развития истории.

Пожалуй, исключением во всей советской фантастике является цикл произведений известного писателя Георгия Гуревича[39]. Уже само название — «Еслиада» — заявка многообещающая. И автор виртуозно демонстрирует потенциальные возможности НФ-приемов в создании АИ. Но почему-то мэтр не предлагает ни одного развернутого варианта, показывая лишь ряд «узловых моментов» — «вилок» и «вееров» в мировой истории. По-видимому, сам автор не подозревает, что многие пункты его НФ-конспекта уже реализованы, причем весьма давно — лет за сорок-пятьдесят до написания «Еслиады». Писатель предложил собратьям по перу домашнее задание:

---

[39] Notes: 39
Гуревич Г. Еслиада//Древо тем. М., Молодая гвардия, 1991.

вот, мол, идея, а детализировать мне некогда, хотите — пишите сами… дарю. Поразительно, как Г. Гуревич почти безошибочно повторяет мотивы НФ-приемов других фантастов, — место и время его вариантов АИ удивительно совпадают с ситуациями в уже написанных произведениях.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ: «КОГДА?» И «ГДЕ?»

В мировой истории есть даты, словно магнит притягивающие фантастов. И они охотно поддаются искушению. Как пройти мимо наполеоновской эпохи — истинного заповедника АИ. Возможно, столь сильная тяга обусловлена самим временем Великой Французской революции, когда впервые столь ярко проявился вероятностный характер истории. Именно тогда монархическая предопределенность традиционной истории сменилась непредсказуемостью массовых постановок. В создание реальной истории включились все, кому не лень, почему бы, в таком случае, самому фантасту не создать свою «историю», хотя бы на бумаге, да и последствия ее не столь уж драматичны. Воображая диковинные варианты, автор несомненно получает интеллектуальное удовольствие. Главная ценность — в

возможности со всей смелостью воображения художественно конструировать принципиально иные варианты, миры, истории. В этом — суть альтернативно-исторической фантастики.

Разыгрывается воображение, и Наполеон уже не заточен на острове Св. Елены и не пленен вообще, а продолжает бурную карьеру полководца в экзотических странах[40]. А почему бы не представить вторжение в Россию в 1812 году вообще без Наполеона?

В упомянутой «Еслиаде» Г. Гуревич предлагает россыпь возможностей на материале отечественной истории. Могло ли завершиться иным исходом восстание Емельяна Пугачева? Вполне, писатель даже называет точные место и время начала победоносного похода на Москву: не сверни бунтари на Волгу, и… Такой момент выбора описан и в реальной истории XVIII века. Добавим, что идея Г. Гуревича реализована в фантастике еще полвека назад[41]. Начало XIX века — весьма перспективная эпоха для решивших попробовать силы в АИ. Проживи Павел I еще

[40] Notes: 40

Первухин М. Вторая жизнь Наполеона?//Журнал приключений. М., 1917. № 6–7.

[41] Notes: 41

Петровский Л. Человек очереди//ППФ-90. К., Молодь, 1990.

несколько лет, — почему провидение не отвело руку заговорщиков, — и, возможно, благодаря его политике, до неузнаваемости изменилась бы Европа. 14 декабря 1825 года. Восстание гвардии на Сенатской расстреляли из пушек. А если бы заговорщики действовали решительнее, и пушки повернулись бы в другую сторону? Если бы восставшие решились арестовать Николая I? Если бы… Сложить их все, и Россия в 1826 году могла бы стать конституционной монархией или республикой, а все последующие, внедрявшиеся в мучениях реформы, начались бы и завершились на полстолетия раньше. История XX века могла не испытать ни августа 1914, ни октября 1917… И сейчас центры наших городов выглядели бы совершенно иначе — в причудливой застройке гигантских небоскребов российских транснациональных компаний.

А сколько еще разных «где» и «когда» разбросано по векам. Впрочем, АИ возникает лишь в том случае, если сам автор готов не просто чуточку подправить историю, а предложить новый ее вариант. Возможностей для разработки таких авторских вариантов предостаточно. Однако АИ творит не только иной ход событий, но и отсутствие их. Заманчива идея «выпрямления»

истории, с «изъятием» каких-то нежелательных событий. Интересна сама модель, когда ситуация в истории взрывоподобная и заменяется серией негромких «хлопков». Пока же фантасты прошли мимо многих интересных возможностей, зато у читателей дух захватывает в ожидании будущих книг.

СОСЛАГАТЕЛЬНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА, ИЛИ НЕМНОГО ОБ ИСКУССТВЕ МЫШЛЕНИЯ О НЕМЫСЛИМОМ

Незатейливый фантастический сюжет: герой становится в одну из многочисленных очередей за дефицитом и оказывается на экскурсии[42]. И лишь в процессе знакомства с необычным миром выясняется: туристы — не в будущем, хоть так бы и хотелось, ведь параллельная реальность вполне согласуется с нашими недавними стандартами «светлого грядущего». В «параллельном» Киеве — экологически чистая среда, в магазинах всего полно, многое просто бесплатно. Здесь все неизмеримо лучше, чем у нас. Герой начинает расследование — почему тут так хорошо? И оказывается: у параллельного мира — параллельная

[42] Notes: 42
Петровский Л. Человек очереди//ППФ-90. К., Молодь, 1990.

альтернативная история. На очередном съезде генсеком вместо Сталина избирается Киров. Вот и вся фантастика. Хочется воскликнуть: если бы так просто! Развернутой АИ в рассказе не получилось. По такому рецепту, меняй генсека, и уже через полвека не Михаил Сергеевич одергивает из президиума депутатов, а А. Д. Сахаров председательствует в парламенте.

Еще один сюжет[43]. Тут все, как иллюстрация к кинофильму «Ленин в Октябре». Петроградская ночь, заставы юнкеров на открытых всем ветрам «линиях».

И здесь сходство заканчивается. Бдительные патрули не пропускают в Смольный известных лиц, лихо проскочивших туда в советском кинобоевике. Герои не оставляют попыток, но тщетно. Богатырская застава всякий раз отбрасывает их в новый, причудливый мир, где становится все светлее и лучше. АИ в рассказе подменена пространной метафорой, словно автор не хочет «снижаться» до простого сослагательного наклонения, оставаясь в плену вольных грез на тему вариаций минувшего.

И все же наша фантастика в последние годы

---

[43] Notes: 43
Пелевин В. Хрустальный мир//Знание — сила. 1991. № 3.

странным образом тесно смыкается с публицистикой.

Своеобразной реакцией на существовавшие многочисленные запреты явилась алогично свершившаяся трансформация советской фантастики в конце восьмидесятых в доселе не виданный жанр сослагательной публицистики. Компенсируя вакуум социально-политического прогнозирования, на страницы «перестроечной» прессы выплеснулась волна азартных журналистских рассуждений, вполне совпадающих с НФ-приемами. Варианты развития коммунистической системы просчитывались при всех возможных кандидатурах генсеков. А если бы В. И. Ленин прожил еще несколько лет? Получился бы тогда «социализм с человеческим лицом»? Перебраны все варианты — от радужных до безысходных. Материалы читались взахлеб, но уже сейчас они — не более, чем документ нашей эпохи, своеобразная иллюстрация досужих словоблудий. Вырванное в свое время из контекста фантастики невозможно наверстать за пять-шесть лет в вольном полете журналистского воображения, малоотягощенного документальными ссылками и мемуарными выдержками. Не быль, но и не выдумка. Потребовалась стран-

ная деформация культуры, столь сблизившая фантастику и публицистику. Что же сделало их почти тождественными? Цензура, а точнее, ее отмена. Еще несколько десятилетий назад подобные опусы вряд ли осмелились бы прочитать в узком кругу друзей, где-нибудь на кухне. Наконец искусство мышления о немыслимом стало безопасным занятием. Но оно не принесло лавров публицистам, а временное отставание для нашей фантастики обернулось утратой самой техники мышления в разработке темы АИ.

До сих пор в нашей фантастике существует тема, находящаяся под запретом самой суровой — «внутренней» — цензуры. Мыслить о немыслимом тяжко, иногда — непосильно, а переступить внутренние запреты значительно сложнее, чем преодолеть препятствие извне. Советские фантасты «играючи» управились с негласным запретом на развернутое описание ядерного апокалипсиса. Известный сценарий молодого писателя-фантаста В. Рыбакова «Записки мертвого человека» успешно экранизирован и всем возданы полагающиеся премии.

Лишь один запрет нерушим. Даже представить страшно победу гитлеровской Германии во Второй Мировой. А ведь под Москвой все висело

на волоске… Только внутренними запретами объясняется отсутствие в нашей фантастике произведений с иным исходом войны. Ведь, окажись так на самом деле… тут и останавливается воображение.

Иначе обстоят дела в фантастике англо-американской, традиционно склонной к парадоксальному и шокирующему философствованию, изобретению авторских миров. Делом чести считается у крупнейших американских фантастов создать свою собственную историю будущего, своеобразный вариант АИ, только опрокинутый в будущее. Вот здесь и обнаруживается самая, пожалуй, интересная особенность современной альтернативно-исторической фантастики. Она превращается в мощное средство художественного моделирования реальности. Вновь и вновь создаются альтернативы нашей, единственной, земной — действительности. Захватывающий перебор возможностей решений судеб человечества — такое лишь под силу фантастике, поднявшейся до уровня АИ! Здесь заложено извечное стремление отыскать идеал земного общественного устройства, которое, подобно философскому камню, давным-давно занимает мыслителей самых разных эпох и стран. Не на

последнем месте и решимость преодолеть преграды, воздвигнутые человеческой косностью и социальным мракобесием. Общеизвестно: запреты только стимулируют действия, направленные на их нарушение.

В романе известного американского фантаста Филипа Дика «Человек из Высокого Замка» описывается расчлененная оккупантами Америка, разорванная на части державами Оси, в авторской реальности, одержавшими победу во Второй Мировой войне. Картина для американцев, по-видимому, не менее шокирующая, чем для наших читателей. Но писателю не пришлось преодолевать запреты внутренней цензуры. Он создал произведение, во многом — отстраненное, аналитическое, взвешенное, рассудочное…

Повествование лишено какой-либо из разновидностей идеологий, размеренно-неторопливое, временами даже скучноватое. И ни в коей мере это не является недостатком. Ф. Дик мастерски нашел прием, как «убаюкать» читателя, заставить его поверить в описываемое и преодолеть естественное эмоциональное неприятие и отрицание предложенной модели. Тем самым достигается особый «эффект присутствия» в неведомой реальности, коим блестяще владел еще

прославленный Уэллс.

«Человек из Высокого Замка» стоит, пожалуй, особняком в фантастике такого рода. Ведь тема победы Германии над Союзниками далеко не исчерпывается одним-двумя романами. В англо-американской фантастике существует целая библиотека «военной фантастики», авторы которой на все лады пугают читателей жуткими прообразами оккупированных фашистами стран «свободного мира». Признание у публики подобных произведений подтверждается многочисленными экранизациями[44]. В отличие от множества произведений, где АИ — лишь пружина авантюрного сюжета, роман Ф. Дика по художественной форме — развернутая парадоксальная метафора нашего времени и нашей истории. И, если у писателя герои усомнились в целесообразности и разумности «своей» действительности, мы, в свою очередь, можем оспаривать неизбежность нашей действительности. Не случайно персонажи романа постоянно советуются с «И-чинг». Древняя конфуцианская Книга Перемен реально существует, и ее прорицаниям следуют многие люди на планете. Вместе

[44] Notes: 44
Ханютин Ю. Реальность фантастического мира. М., Искусство, 1975.

с «И-чинг» автор повторяет: смотрите, наш мир весь обусловлен вариантами индивидуального, свободного и сознательного выбора. Вся наша жизнь — неустанный поиск собственной реальности.

ОТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ — К АЛЬТЕРНАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Удивительно, как иной раз писатель, создавший поразительно яркие и запоминающиеся картины альтернативных миров, теряется при обращении к АИ. Показательный пример — повесть Пола Андерсона «Эутопия».

Лихо закрученный сюжет гоняет некоего эллина по варварской стране. Ни его мир, ни эта страна реально не присутствуют на Земле. Но, оказывается, и здесь существует множество параллельных миров. Их и исследует наш герой. Хотя, до того ли ему, когда его преследуют варвары за содеянное в их королевстве кощунство. Интересная идея, увлекательное повествование… И масса нереализованных художественных вариантов. Все муки герой претерпевает из-за возвращения в свою реальность, где его ждет-не-дождется любимый мальчик Ники.

Мы назвали лишь ряд причин, уводящих фан-

тастов от реализации темы АИ. На самом деле таковых неизмеримо больше. В их основе, прежде всего, лежит право на писательский, художественный произвол. Случается, творческие цели остаются неизвестными даже самому автору.

У американского фантаста А. Бестера есть забавный и поучительный рассказ[45]. Написанный, в известном смысле, как пародия на крутые сюжеты о путешествиях во времени, рассказ в предельно лаконичной форме и ироничной манере изложения сообщает о неких реконструкторах истории, задавшихся целью уничтожить самого пророка Магомета, дабы предотвратить его непотребные деяния. Авантюра удалась, но исполнители ощущают, что сами они становятся все менее реальными. Убийство Магомета спровоцировало создание новой реальности, где места для них не нашлось. Автор, возможно, не подозревая, подбросил идею создания новых реальностей средствами фантастики. Через тему АИ открывается дверь в альтернативную реальность. Причина и следствие уходят в небытие, а остается лишь нечто неведомое, и, право, — какое удовольствие в нем разобраться.

---

[45] Notes: 45

Бестер А. Человек, который убил Магомета//Пески веков. «ЗФ», М., Мир, 1970.

Мимо такой возможности, естественно, не мог пройти Ф. Дик. Его роман «Убик» не нуждается в комментариях. Даже перевернув последнюю страницу, читатель не ответит на многие вопросы.

Своеобразно обращается с изнуренной бесконечной и бессмысленной войной Америкой А. Бестер[46]. Военные медики наблюдают странный «феномен исчезновения»: их пациенты, мужчины и женщины, исчезают прямо с госпитальных коек неведомо куда. Впоследствии выясняется: они нашли приют в воображаемых мирах, созданных поэтическим вдохновением, сотканным из нитей реальных литературных сюжетов. Здесь тема эскапизма изысканно сочетается с идеей формирования новых реальностей силой собственного воображения.

Тут уже совсем рядом до особого рода литературных мистификаций — «игры в биссер» для блестящих, художественного склада умов, коим тесно в рамках земной, реальной культуры. И тогда строятся причудливые замки литературного воображения: придумываются несуществующие писатели и их произведения, целые литератур-

[46] Notes: 46

Бестер А. Феномен исчезновения//Библиотека современной фантастики. 1967. Т. 10.

ные направления… А какие здесь имена Х. Л. Борхес, Х. Кортасар, А. Б. Касарес приемами «магического реализма» создают альтернативную культуру.

Станислав Лем так же достаточно поупражнялся в сочинительстве блестящих «авторецензий» на выдуманные произведения — прорыв в новые реальности и миры культуры. Вспомним еще раз Ф. Дика и описанную им модель «постамериканской оккупационной культуры».

Современная фантастика уже вполне овладела приемами «вытеснения», «замещения» и «разрушения» реальности. Интересно лишь, с какой целью станут использовать их фантасты ближайших поколений. Намек дает В. Звягинцев: «…битвы космических эскадр, бомбардировка планет, минирование волновых тоннелей — это далекая история. Сейчас уровень другой: воздействие на закон причинности, блокада исторических последовательностей, создание ложных развилок времени, деформация мировых линий, информационный террор…»[47]. А мы еще не упомянули возможностей фантазии и сказки. Альтернативная история, культура, реальность…

---

[47] Notes: 47

Звягинцев В. Одиссей покидает Итаку. Ставрополь, 1990.

Что может быть увлекательнее моделирования их средствами собственного воображения? И разве не удовольствие — осознавать способность возвести рядом с обыденной действительностью, уже разведанной реальностью реальность индивидуальную, авторскую. И далеко не исчерпанная тема АИ открывает перспективы воистину безграничные…

Сергей Зайков, Николай Мухортов